Літаратурны экватар

Альманах

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 4

2015 год

Мінск
«Ковчег»
2015

УДК [821.161.3+821.161.1(476)]-822

Літаратурны клуб «Экватар»

У альманах «Літаратурны экватар» уключаны творы як прафесійных, так і пачынаючых аўтараў. Усе яны – удзельнікі літаратурнага клуба «Экватар», які ўзначальвае беларускі паэт Вячаслаў Корбут.

Укладальнікі *Вячаслаў Корбут, Інга Вінарская*
Шэф-рэдактар *Інга Вінарская*
Уступны артыкул *Вячаслава Корбута*

Да вяршыняў духоўных здабыткаў

Новы нумар альманаху выходзіць, па традыцыі, напрыканцы літаратурнага года, калі ў творчых суполках падводзяць вынікі, раздаюць прэміі – ад Нобелеўскіх да Дзяржаўных, альбо прыватнага характару, – у выдавецтвах пішуцца планы на наступны год.

Наш літаратурны клуб «Экватар» складае свой штогадовы альманах з лепшых твораў сваіх сяброў, што створаны пад уплывам альбо нашых паседжанняў, альбо творчых задумаў і асаблівага стану натхнення. За прайшоўшы год была наладжана праца сайта (распацаваў Яўген Вермут), праведзены цікавыя выступы, некаторыя сябры клуба ўдзельнічалі ў розных літаратурных конкурсах і есць здабытыя перамогі (Раіса Паўлючук). Таскама важна адзначыць, што некаторыя нашыя аўтары здолелі выдаць свае кнігі, і іх творы сталі ў некаторай ступені здабыткам нашай беларускай культуры. Гэта Людміла Лазута, Галіна Мішнева, Раіса Паўлючук, Жана Хромава, Святлана Шашко, Мікалай Будзішэўскі, Валеры Скакун і іншыя. Такім чынам, клуб «Экватар» прынцыпова стаіць на пазіцыях творчага росту аўтараў, надання ім магчымасцей развіваць уласныя таленты і больш дасканала разбірацца ў літаратуры як у мастацкім сродку. Так што, шлях да вяршыняў духоўных здабыткаў мае сёння ў працятым, як ніколі, наскрозь матэрыялізмам свеце важнае значэнне.

Зараз можна канстатаваць, што літаратурны клуб «Экватар» стаў сапраўдным цэнтрам культурнага развіцця асобы, дзе творчы чалавек мае мажлівасць знайсці сябе ў тым ці іншым літаратурным амплуа. Гэта наглядна паказвае кожны нумар альманаху, не выключэннне і гэты чацверты нумар, які выходзіць у год, калі наш народ адсвяткаваў 70-годдзе Перамогі. Для нашых аўтараў менавіта патрыятычная тэма стала важкай і найбольш блізкай. Тут не трэба забываць і той момант, што наш клуб вядзе патрыятычную работу ў беларускіх узброеных сілах, дзе праводзяцца насычаныя па змесце і тэматыцы выступленні. Пасля кожнага выступу вайскоўцы маюць мажлівасць прачытаць на старонках альманахаў творы тых, хто чытаў са сцэны свае вершы, альбо граў на гітары ці спяваў добрую песню. Таму асаблівая падзяка бібліятэкарам, у тым ліку кіраўніку бібліятэкі ЦДА В.А. Паўлаву.

Актыўна ўдзельнічалі ў такіх канцэртных праграмах клуба Ірына Цуканава, Святлана Шашко, Валеры Скакун, Вера Лебядзеўская, Ігар Грыцкоў, Аляксандр Чуро, Кацярына Мяшкова, Яўген Вермут, Дзмітрый Марозаў, Аляксандр Марозаў, Вера Феактыстава і іншыя. У наш час вельмі важна набліжаць мастацкае слова да простага чалавека, бо існуе пагроза зашлакоўвання мыслення асобы ад вынікаў маскультуры, якая часам акрамя забаўляльных сюжэтаў і фарміравання спрошчанага мыслення нічога не нясе. Таму тэма любові да Айчыны, тэма вернасці роднаму слову і свайму краю, тэмы сяброўства і кахання для могіх аўтараў сталі важкімі і надзвычай блізкімі. І творы нашых аўтараў можна пачытаць у гэтым нумары і адчуць іх глыбіню і незвычайную цеплыню пачуццяў.

Асабліва хачу закрануць нашых аўтараў, якіх па тых ці іншых прычынах няма ў гэтым нумары альманаху. Так сваімі шчырымі і натхнёнымі творамі імкнуцца здзівіць сваіх калег Аляксандр Марозаў, Мікалай Багачоў, Наталля Якімава, Таццяна Беланогая, Вячаслаў Макуць, Валянціна Шпілеўская, Іван Пыка, Таццяна Барысюк, Артур Чумасаў, Генадзь Руткевіч і іншыя.

Важным аспектам работы клуба стаў творчы падыход аўтараў да тэматычнага выбару і якасці зместу напісаных твораў. Павялічваецца адказнасць творцаў да таго матэрыяла, з якім яны працуюць, таму ўжо ў альманаху можна канстатаваць выбраны самыя змястоўныя і насычаныя эмацыянальна і мастацкімі вобразамі творы. Што можна падкрэсліць, агучваючы творчыя вынікі гэтага года, што з’явіліся новыя творчыя арыенціры і спробы жанрава ўзбагаціць свой творчы багаж.

Аналізуючы гэты нумар альманаху, трэба адзначыць, што шэф-рэдактар выдання Інга Вінарская адабрала найбольш моцныя творы і правяла пэўную працу па ўдасканальванню дызайнерскай часткі альманаху. Мы маем мажлівасць атрымаць на сённяшні дзень прыстойны і шматгранны літаратарны прадукт, адчуць асалоду ад прачытання цікавых твораў аўтараў, якія ўклалі ў іх свой талент розум, творчы дух. Творы, прадстаўленыя ў альманаху, надрукаваны на беларускай і рускай мовах, і кожны твор нашых аўтараў нясе асэнсаваную нагрузку і мае пэўны духоўна-культуралагічны код. Так, па традыцыі, свае вершы прадставілі чытачам Інга Вінарская, Вячаслаў

Данілаў, Валеры Скакун, Вольга Бацяноўская, Апанас Бацяноўскі, Ала Шыковіч, Вера Феактыстава, Святлана Шашко-Шаблінская, Дзмітрый Марозаў, Яўген Вермут, Аляксандр Чуро, Вікторыя Маладцова, Мікалай Будзішэўскі. Гэта ўжо даволі напрактыкаваныя аўтары, некаторыя з іх ужо стала працуюць у літаратуры, нехта з іх прайшоў літаратурную школу ў нашым клубе. Творы ўсіх гэтых аўтараў насычаныя вобразамі і цікавымі думкамі.

Упершыню свае паэтычныя творы надрукавалі на старонках альманаху Клаўдзія Вераб’ёва, Вера Лебядзеўская, Кацярына Мяшкова, Лідзія Поляк, Наталля Радзькова, Марыя Разумко, Валянціна Шведаў. Гэта сур’ёзныя і вельмі ўважлівыя да паэзіі творцы. Таму ў паэтычным плане альманах наведалі па-свойму цікавыя і самабытныя аўтары, кожны з якіх мае права на ўвагу.

Празаічны набытак гэтага нумару альманаха не ў першы раз папоўнілі Якаў Анапрэенка, Ігар Грыцкоў, Людміла Лазута, Іван Лосікаў, Юрый Мельнікаў, Галіна Мішнева, Раіса Паўлючук, Людміла Сівалобава, Жана Хромава. Гэта ў большасці спрактыкаваныя празаікі, ў многіх ёсць ужо выдадзеныя ўласныя кнігі і пэўны вопыт літаратурнай працы, асабістыя поспехі і публікацыі ў іншых выданнях.

Таксама трэба звярнуць увагу і на тых, чые празаічныя творы друкуюцца ў нашым альманаху ўпершыню. Гэта Аляксандр Змушко, Тэрэза Кавальчук, Ірына Цвіркоўская, Ірына Цуканава. Кожны з гэтых пісьменнікаў ужо здольна і змястоўна працуе на ніве літаратуры і ўзбагаціў гэты нумар сваімі разнапланавымі і ўдумлівымі творамі.

Падводзячы вынікі гэтага артыкула, магу дадаць, што наш літаратурны клуб «Экватар» імкнецца развівацца прадуктыўна ў бок прагрэсіўнай і духоўна насычанай літаратуры, што сведчыць пра працяг традыцій нашай роднай беларускай літаратуры і літаратур блізкіх нам народаў у кантэксце лепшых здабыткаў сусветнай і еўрапейскай класічнай паэзіі і прозы.

Кіраўнік літаратурнага клуба «Экватар»,
паэт, пісьменнік, журналіст, Вячаслаў Корбут.

ЯКАЎ АНАПРЭЕНКА

Нарадзіўся 6 студзеня 1952 года ў вёсцы Грушнае Брагінскага раёна. Педагог, філосаф, псіхолаг, дэпутат, адзін з заснавальнікаў Партыі народнай згоды, супрацоўнік Службы бяспекі Штаба XXII Алімпійскіх гульняў, удзельнік ліквідацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС, лаўрэат Міжнароднага конкурсу ўрада КНДР, аўтар навуковых прац па праблемах сацыяльнай псіхалогіі, беларускамоўных дэкалогіі (10-томнага збора твораў) «Эклектыка», пенталогіі (гісторыка-біяграфічнага 5-томніка) «Сінопсіс», раманаў, эсэ, аповесцяў фальклорна-этнаграфічнай тэматыкі. Мае дзяржаўныя і ведамасныя ўзнагароды. Хобі: ігра на кантрабасе.

КАЛІ Я НАРАДЗІЎСЯ

Чынапаследаванне

Таінствамі называюцца такія свяшчэннадзействы, у якіх з асобай сілай дзейнічае Божая Благадаць Святога Духу і якія найбольш важныя ў духоўным жыцці хрысціяніна. Таінствамі з’яўляюцца: Хрышчэнне, Мірапамазанне, Прычашчэнне, Пакаянне, Шлюб, Ялееасвячэнне і Свяшчэнства. Калі да таінства Хрышчэння далучаецца таінства Мірапамазання, разам яны складаюць адзінае чынапаследаванне.

Таінству чынапаследавання я быў падвергнуты ў падпольных для атэістычнай дзяржавы абставінах. Мне хутка два гады, а яшчэ не прыняў хрысціянства. Добра хаджу, бегаю, размаўляю, ваджуся з іншымі людзьмі, а яшчэ не хрышчоны. У Грушным ужо ўсе ў такім узросце былі падвергнуты свяшчэннадзейству.

Святара знайсці было нялёгка. Але ж баба Мар’я, па ўзгадненню з іншымі бацькамі нованароджаных дзяцей і дваюраднай сястрой Евай Дзям’янавай, наведала вёску Чамярысы. Са святаром Кандратам былі абмеркаваны тэрмін, месца і абставіны правядзення рытуалу. Вырашана было правесці Хрышчэнне і Мірапамазанне ў маленькай хаце Кірычэнкі Хартона Іларыёнавіча і яго хваравітай жонкі Тэклі Паўлаўны на ўскраіне вёскі Грушнае. Уся сям’я лічылася жабрацкай, аб чым афіцыйна было засведчана ў калгаснай гаспадарчай кнізе. Хоць хатка і несамавітая, нязграбная, але ж большасць грушэнцаў пасля вайны была хрышчана менавіта тут. Хартонава сястра Мартос Вера Прохараўна, вельмі набожная маленькая жанчынка, якая з сынам Мікалаем пражывала з імі разам, сваёй постаццю і аблічам згорбленай артадаксальнай манашкі прыцягвала да рэлігійнага рытуалу. Тут часцяком збіраліся жанчыны, каб суаднесці свае дзеянні з Божымі настаўленнямі. Напаўсляпы разважлівы старац Хартон, у перапынках паміж жабрацкімі паходамі па навакольных вёсках, тут за грошы ці за ежу праводзіў рытуалы варажбы на хлебе, даваў парады хадакам, як засцерагчы жывёлу або дзяцей ад хваробы. Ён разумеў псіхалогію набожных жанчын і не губляў магчымасці заработаць на іх даверы.

Такім чынам, месца і дата правядзення чынапаследавання былі вызначаны. Святара Кандрата народ любіў за душэўную прастату, шчырасць, безадказнасць і тонкае пачуццё гумару. Ён быў святаром немаладым, але любіў гумар, часцяком жартаўліва дазваляў сабе невялікія вольнасці ў адносінах да маладых жанчын. А якраз такой маладой, ды яшчэ прывабнай, ды яшчэ і незамужняй, была менавіта Ева, якая яму спакусліва падміргвала і вачыма падавала шматзначныя гарэзлівыя знакі. Хоць святар і абмежаваны саноўным статусам, ён усё ж запомніў гэту гарэзлівую свавольніцу.

Па папярэдняй паміж усімі бакамі дамоўленасці, маім пасажоным бацькам быў запланаваны Ветчанка Васіль Іванавіч, пасажонай маці – вельмі прыгожая і выхаваная мясцовая маладая жанчына Еўдачэнка (потым яе прозвішча стала Грэкун) Ніна Іванаўна, пасажонай бабай – Гракун Кацярына Іванаўна (яе ласкава ўсе называлі «баба Каця»). Перш чым куміцца, будучыя хросныя разаслалі на ложку кажух поўсцю ўверх, на яго паклалі штаны майго бацькі (менавіта штаны бацькі, таму што нарадзіўся хлопчык, які, калі падрасце, стане мужчынам і будзе, як і бацька, насіць штаны). На штаны палажылі мяне, пакачалі трохі. Затым кум і кума на кажух паклалі па адной манеце – прыкмета шчасця – і панеслі мяне хрысціць.

…Святар жвава саскочыў з воза і дзелавіта зайшоў у Хартонаву хату. Некалькі чужых дарослых і дзяцей засталіся на вуліцы, а зацікаўленыя асобы, паважліва павітаўшыся са святаром, пайшлі следам. Тут сярод шматлікіх абразоў і немудрагелістай мэблі сямігадовы Верын сын Матрос Коля на правах гаспадара даваў парады малодшым прысутным, дзе каму і як патрэбна стаяць. Чынна стаялі мае бацькі – тата Грыша і мама Галя – побач з пасажонымі Васілём Іванавічам, Нінай Іванаўнай, бабай Кацяй і павітухай Евай Дзям’янавай.

– Гасподзь наш Ісус Хрыстос сказаў: «Калі хто не народзіцца ад вады і Духа, не можа ўвайці ў Царства Божае, – пачаў святар. – Тым самым Ён ясна ўказаў на неабходнасць Таінства Хрышчэння для чалавека, які жадае ўвайсці ў Нябеснае Царства і быць там у вечнай радасці з Богам. У пацверджанне Сваіх слоў Ён Сам прыняў Хрышчэнне ад Іаана Прадцечы ў водах Іардану…»

Пасля чытання спецыяльнай малітвы і памазання асвячоным маслам святар «хрысціў» («абмыў») мяне трохкратным пагружэннем у асвячоную Благадаццю Святога Духа ваду і сказаў пры гэтым:

– Хрысціцца раб Божы Якаў ва імя Айца, Амінь, і Сына, Амінь, і Святага Духа, Амінь.

У гэты момант пад уздзеяннем Благадаці Святога Духа ўся мая фізічная і духоўная сутнасць змянілася, я нарадзіўся ў новай якасці: мяне наракні імем Якаў, усе здзейсненыя мною да Хрышчэння грахі Бог дараваў, да маёй душы для аховы быў прыстаўлены Ангел Божы.

Потым святар прыступіў да Мірапамазання. Гэтае свяшчэннадзейства з удзелам Благадаці Святога Духу цягнулася нядоўга. Калі ён мазаў мірам мне лоб, ноздры, вушы, губы, грудзі, рукі і ногі, працэдура мне вельмі спадабалася, я шчыра рагатаў, а калі ён гаварыў: «Пячатка Да́ру Духа Святага,» – я трымаў рукамі і зацікаўлена разглядваў крыж з цэпам на шыі святара: я многае ўжо разумеў – мне ж у хуткім часе павінна было споўніцца два гады.

У таінстве Мірапамазання я займеў паўнату Благадаці як Дар Святога Духу.

Шрамянок Ева Дзям’янава, карыстаючыся асабістым знаёмствам са святаром-схімнікам, ужываючы сваю прывабнасць, падміргнула і, жадаючы сканфузіць яго, спытала:

– А што такое «Пячатка Да́ру Духа Святага»? – і азірнулася на людзей: ведай, маўляў, мы тут умеем не толькі ў пасталы абувацца, паспрабуй адказаць на простае пытанне.

Святар інстынктыўна таксама падміргнуў ёй (ён даўно заўважыў гэтую спакусніцу), але своечасова стрымаўся і сур’ёзна адказаў:

– Пячатка – гэта знак Таго, Каму мы належым. Дух Святы ў Мірапамазанні дадзены дзіцяці як Дар Бога для поўнага асвяшчэння хрісціяніна пры ўваходжанні яго ў Царкву…

Было гэта ў аўторак 4 лістапада 1953 года.

А ў нядзелю 9 лістапада здзейсненае таінства суправаджалася абрадам хрысцін, на якія былі запрошаны блізкія сваякі. Дзед Якаў у Брагінцы налавіў рыбы, баба Аксіння прыгатавала ежу, а баба Каця прынесла ў гліняным гаршку кашу для частавання майго бацькі. Бацька, як гэта было заведзена з даўніх часоў, для агульнай пацехі вілачнікам, якім у печ ставяць гаршкі, бы незнарок разбіў на стале пачастунак; гліняны гаршчок акуратна раскалоўся, а на стале засталася стаяць, быццам той жа гаршчок, духмяная, жоўценькая каша. Пад усеагульны смех бацька адламаў кавалак кашы, знарок паморшчыўся, быццам яна нясмачная, а затым прызнаў яе здатнай і заплаціў бабе Каці грошы.

Усе прысутныя таксама паспрабавалі гэтую дзіўную ежу, і кожны шчыра цешыўся асалодай. Ніхто ў вёсцы не мог прыгатаваць кашу лепш, чым гэта рабіла баба Каця.

Парсюка закалолі

Вучоныя кажуць, што ў старажытным Рыме калядамі называлі першы дзень кожнага месяца. У мяне ж з гэтым словам звязаны іншыя ўспаміны. Калі я быў малы, то ад старых людзей чуў пра тое, што ў даўніну людзі свіней у хлявах не трымалі, а проста пакідалі іх свабодна пасвіцца недалёка ад вёскі, зрэдку за імі прыглядваючы, і толькі на Каляды заманьвалі найбольш адкормленых у за́гараду, каб забіць і загатаваць смачную ежу.

Памятаю, ці то перад Калядамі, ці перад Хрышчэннем мае бацькі штогод выконвалі доўгачаканы рытуал забівання адкормле-

нага за год парсюка. Распрацаваны дзедамі і прадзедамі працэс яго забою выконваўся метадычна, акуранта, не спяшаючыся. У першапачатковай стадыі непасрэднага забойства бацька ўдзелу не прымаў, таму што баяўся віску «няшчаснай ахвяры». Але яшчэ вечарам ён дамовіўся з тым, хто заўтра прыйдзе «рэзаць». Бацька старанна гатаваў швайку і драўляны колік для затыкання дзіркі, каб не вылівалася кроў, і яшчэ звячорак клаў іх на лаўцы ў сенцах. У сянніку ўжо падрыхтаваў салому для смалення. Папярэдне паспрабаваў «градусны» магарыч...

Назаўтра зранку ў прыцемках, імкнучыся не разбудзіць дзяцей, мама і баба Аксіння завіхаліся каля печы: грэлі ваду, гатавалі посуд. Але ж і я ўстаў раней звычайнага, бо памятаў, што і мне ў гэтым працэсе адведзены адметны ўчастак: неаднойчы прыходзілася трымаць вяроўку, замацаваную да нагі парсюка, каб ён часам не дрыгануў дзядзьку са швайкай у адказны момант. Ужо прыйшоў Галка Васіль Аляксеевіч – жвавы «спецыяліст», які за сваё жыццё адолеў не адзін дзесятак парсюкоў. Шпарка мацаючы швайку з колікам, ён ажыўлена вёў гутарку аб міжнародным становішчы, аб праблемах у раёне, аб узаемаадносінах з суседам. Падышоў хросны Васілёк (Васіль Іванавіч Ветчанка) з вяроўкай. Глытнулі па шклянцы «мясцовай» – «каб усё было добра». Баба Аксіння з сумам сказала, што калі яна насіла пойла, каб вывесці парсюка з хлява, то ён жалобна рохкаў і нехарактэрнымі ласкавымі адрывістымі гукамі гарнуўся да яе. Мама імкнулася не выходзіць з хаты, у каторы раз нярвова перасоўваючы посуд. А бацька снаваўся, шастаў ля акна і ў момант, калі ўбачыў, што Галка Васіль лоўка завязаў вяроўку за нагу парсюка, імкліва шмыгнуў за дзверы ў другі пакой, каб не толькі не бачыць, але і па магчымасці не чуць таго, што робіцца ў двары.

Рытуал забою праходзіў жвава. Кемлівы парсюк спрытна адбрыкваўся, але мы з хросным моцна трымалі вяроўку, ды й Васіль Галка ведае сваю справу – ён імкліва, але надзейна скарыстаў сваю зброю: швайка трапіла акурат у сэрца. Так што агонія няшчаснай жывёліны цягнулася нядоўга. Парсюка спраўна вынеслі ў агарод на раней падрыхтаваную салому, пад бакі падклалі па кавалку невялікіх бярвён, каб зручней было смаліць. Далей абрад спалучаўся са смакавітым рытуалам смалення паяльнай лямпай (раней, кажуць,

выкарыстоўвалі кулявую салому). Падышоў бацька, распаліў лямпу, даў яе хроснаму, які павольна і паслядоўна неаднаразова прасмажыў парсюка ад лыча да хваста. Галка на заключным этапе па-майстэрску прадубліраваў смажанне вушэй і ног – каб было добрае халоднае. Я прынёс цёплую ваду і ручнікі. Спачатку Васілёк, а затым Галка абскрэблі парсюка, затым добра абмылі. У гэтым працэсе трэба сачыць, каб не патрэскалася скура і каб смажанне адбылося адначасна як у глыбіню, так і раўнамерна было размеркавана па паверхні. У дадзеным выпадку ўсё атрымалася якасна.

Калі працэс смалення парсюка быў завершаны, яго прынеслі ў хату і ўсталявалі на стол. Ужо падрыхтаваны нож, сякера і розны посуд. Спачатку Галка адрэзаў грудзіну, якую баба Аксіння парэзала на кавалкі і разам з цыбуляй і соллю засмажыла на патэльні. Затым кроў конаўкай выбраў у каструлю – на крывянку. Адрэзаў вушы, ногі, хвост, галаву, выбраў вантробы, адарваў здор. Мама з бабай парэзалі сала на здатныя кавалкі, пасалілі і склалі ў кубел, а мяса і косці па якасці з большага пасартавалі на каўбасы і вэнджанне...

Як ма́е быць, магарыч з добрай чаркай і свежай шкваркай падвялі рысу адмысловаму рытуалу забойства парсюка.

Добры быў стол на Каляды!

Мёд

Мой дзед Якаў быў майстрам на ўсе рукі ў поўным сэнсе гэтага выразу. Ён стругаў вокны і дзверы, ставіў хаты і хлявы, вязаў няроты і лавіў рыбу і ракаў, майстраваў узорныя шафы і канапы. А яшчэ дзед займаўся пчалярствам. І хоць у гаспадарчай кнізе было запісана, што ў яго ёсць адна калода пчол, на самай справе іх было тры: адна калода стаяла пад грушай на прысядзібным участку, а дзве былі прымацаваны ў густых кронах ліп-двайнятак непадалёку. Так рабілася, каб не плаціць лішняга падатку. Такім чынам, у нашай сям'і хоць і не многа, а мёд быў.

Была сярэдзіна лета. Бацька на працы ў калгасе. Мама ў трэцім пакоі няньчыць у калысцы маленькага Сашу. Дзед Якаў і баба Аксіння на зямельным надзеле за восакарам на валах плугам апра-

цоўвалі ўзыйшоўшую бульбу, а я пайшоў гуляць да суседа Сашы Прахорчыка. Час прыбліжаўся да абеда. Саша сядзеў на падаконніку і нудзіўся: дзед Ціт працаваў у кузні, а баба Палажка была ў полі. Пасля недоўгачасовай размовы са мной Саша працягваў нудзіцца яшчэ больш і заспяваў песню, якую прыдумаў сам: «Дожчык, дожчык, ліні, ліні, бабу з поля прагані!» Але ніякі дождж і не думаў з’яўляцца.

Скора мы выйшлі на вуліцу. Там ўжо стаяла некалькі большых хлопцаў, якія пачалі падбухторваць мяне, каб я іх завёў да сябе ў хату і пачаставаў мёдам. Я без дазволу бацькоў гэтага рабіць не хацеў, тым больш, што дзверы ў хату былі зачынены вялікім ключом. Хлопцы прапанавалі залезці праз акно. Я ў нерашучасці стаяў і моўчкі пазіраў, як яны па ляжачай на прызбе лесвіцы хутка ўскочылі ўнутр пакоя, а затым і сам зрабіў тое ж. Хлопцы спыталі, дзе мёд, і я адчыніў шафу. Тыя хуценька выцягнулі міску з нядаўна адкачаным мёдам і лыжкай пачалі яго есці. Разам з імі і я паспрабаваў мёд пальцам. Хутка ўсе тым жа шляхам вылезлі ў двор і пайшлі на вуліцу. А я больш ніколі ў жыцці не хацеў есці мёд.

Вадохрышча

Весела прайшлі ў Грушным Каляды, Куцця, Святкі, шчодрыкі і сустрэча Старога Новага года з дзіцячымі «засяваннямі крупамі». Наступіла Вадохрышча. Снегу мала, але дзеці каталіся на саначках з Паўлавай горкі, ля Новіка, ля Ліды Цыбулькі, забаўляліся хто на каньках, хто проста ў бурках з бахіламі на слізкім рачным лёдзе. У гэты час некаторыя старыя людзі ў пельках на Брагінцы выканалі асвячэнне вады.

Хтось з жыхароў вуліцы, што ля ракі, зрабіў крэстападобную пельку і пафарбаваў лёд сокам чырвонага бурака. Тым самым малюнак асацыятыўна ўспрымаўся падабенствам ахвярнай Божай крыві. Шынкарэнкавыя дзеўкі вадой з гэтай пелькі мылі твары, каб быць прыгожымі, і тым самым выконвалі абрад купання. Гэта трэба рабіць не спяшаючыся, ад душы, але ўзнёсла і з усведамленнем урачыстасці. Пельку прасяклі таксама і ў канаве ля кузні. А крыху далей,

ля ўрочышча Садок, дзе пачаў расці малады алешнік, мясцовыя энтузіясты залілі каток, на якім збудавалі кругазварот: у сярэдзіне на штыры закрэплена кола ад воза, да якога прымайстраваны доўгі дрын для кругавога вярчэння весялуноў. Дзеці ў запале бегалі вакол, жартавалі. Баба Мар’я Дарашыха набрала ў тры бутэлькі вады з ракі, папырскала-акрапіла асвечанай чамярыскім папом-дабраком Кандрашкам соллю і назвала гэта «Іардань» – як напаміны пра хрышчэнняе Хрыста ў Іардане. Адну бутэльку прынесла дачцэ Галі, якая ўвіхалася з першынцам, другую занесла сыну Грышу, які з жонкай, двума дзецьмі і цешчай пражываў недалёка, а трэцюю аставіла сабе – «на ўсялякі выпадак».

За гэтыя дні неаднаразова прыходзіў паглядзець на пляменніка трэццякласнік Валя Шрамянок (сын бабы Мар’і; у пасведчанні аб нараджэнні значылася: Валерый). Яму народжаны пляменнік не нават спадабаўся. Ён адзначыў, хоць і не бачыў, што дзяўчынка, якая ў той жа самы дзень нарадзілася ў суседзей Гракуноў Маркі і Фядоры, прыгажэйшая. Сівабароды грушэнскі асілак Шрамянок Дзям’ян Уевіч прыкмеціў у нованароджанага стрыечнага ўнука маленькі роцік і радзімку над правай брывёй і зазначыў, што гэтым ён падобны на сваю маці. А пасля задумліва сказаў:

– Год высакосны, цяжка будзе хлопцу ў жыцці. Але радзімка над брывёю сведчыць аб тым, што ён будзе кемлівы і сам справіцца з жыццёвымі цяжкасцямі.

Наведалі ўнука родная сястра бабы Аксінні Еўдачэнка Мар’я, якая з дзедам Рыгорам жыла ля ракі; іх суседка, родная сястра дзеда Якава Бандарэнка Фядора з мужам дзедам Лукашом, дачкой-настаўніцай Вольгай і двухгадовым унукам Славікам; сваячка дзеда Якава баба Хрысціна, якая праз некалькі год пераедзе ў Кіеў да сына Яфрэма; родны брат маёй маці і дзядзька згаданага вышэй трэццякласніка Валі Шрамянок Грыша Дорахавіч; стрыечныя браты майго бацькі Гракун Назар Ілліч (гэта ён дапамог звесці даўно варагаваўшыя сем’і ў шлюб Галі і Грышы) і Іван Ілліч; з Сувід загадзя прыйшла наведацца цётка Ліса (націск на “і”, па-сапраўднаму – Анапрэенка Лізавета Тарасаўна).

Баба Параска, удава Івана, нябожчыка брата бабы Аксінні, у гутарцы з сынам Васільком (Ветчанкам Васілём Іванавічам), сказала:

– У Грышы дзіця нарадзілася ў высакосны год. А ў высакосныя гады куміцца можна толькі з кроўнымі сваякамі. Ты ж, Васілёк, з Грышам з'яўляецеся стрыечнымі братамі. Ідзі пагавары аб гэтым з дзядзькам Якавам.

Калі Васілёк прапанаваў стаць хросным бацькам, усе згадзіліся. А каго ўзяць хроснай маці, пакуль не ведалі. Усе сваякі радаваліся майму з'яўленню на свет і шчыра віншавалі маіх бацькоў.

Каб быць дастойнымі прычаснікамі Цела і Крыві Хрыстовай, жанчыны ў Хартонавай хатцы маліліся: «Приимем достойне Пречистое Тело и Кровь Христову, и тако от грех своих очистимся. Рече убо Святый Апостол: аще кто недостоин сый приемлет Тело Божие, то грех себе яст и пиет, не рассмотряя Тела Христова».

Першы панядзелак пасля Святак. Мароз крыху спаў, вецер сціх. Бацька пайшоў у сельскі Савет у Савічы, дзе на мяне афармілі пасведчанне аб нараджэнні. Афіцыйным афармленнем базіснага дакумента я атрымаў імя і правы грамадзяніна. Да Пасхі заставалася крыху больш двух месяцаў. 7 красавіка – Вялікдзень.

У апошнюю ноч 1952 высакоснага года, каб не перацягнуць усё дрэннае ў Новы год, Хартонава сястра, манашка Вера малілася:

«Анёлы гадавыя, анёлы святыя, словам сваім не давайце, справай сваёй не пускайце з высакоснага года, які сыходзіць, у новы год прыходнага. Не пускайце да рабоў Веры, Колі, Хартона, Тэклі ні чорных дзён, ні зласлівых людзей, ні слязы гаручай, ні хворасці балючай. Дванаццаць анёлаў, устаньце на абарону Веры, Колі, Хартона, Тэклі, слова дужа, да года лепка. Амінь! Амінь! Амінь!»

У гэты высакосны год у Грушным нічога асаблівага не здарылася.

Помню дзяцінства

***

Насупраць Раманавай хаты жыла з трыма дарослымі дзецьмі і ўнукам Гракун Акуліна Аляксееўна, якой было каля сямідзесяці год.

Сярод падлеткаў гэтая жанчына карысталася нядобрай рэпутацыяй, і яны над ёй пры выпадку непрыстойна пажартоўвалі.

Аднойчы ля свайго дома я гуляў з большымі за мяне дзецьмі. Неўзабаве мы заўважылі на яшчэ дастатковай адлегласці гэтую бабу, якая, займаючыся асабістымі справамі, набліжалася ў наш бок. Хтосьці прапанаваў мне пажартаваць з бабай. Я не згаджаўся. Тады дзеці дамовіліся паміж сабой і сумесна пачалі падбухторваць мяне на хуліганства, акцэнтуючы ўвагу на тым, што, калі я смелы, то скажу тое, чаму яны мяне навучылі. Гэты аргумент падзейнічаў, і я згадзіўся. Калі баба, некуды спяшаючыся, наблізілася, я падышоў да яе і сказаў:

– Бабка Кулінка, у ж… дубінка! – так, як мяне навучылі.

Дзеці разбегліся, а я для смеласці застаўся стаяць. Баба ледзь запаволіла рух і накіравалася ў маю хату. Праз некалькі хвілін да мяне падышлі задаволеныя дзеці і прапанавалі схадзіць у хату і праверыць, чаго яна туды пайшла. Калі я прыйшоў у хату, там моўчкі сядзелі баба Куліна, дзед Якаў і баба Аксіння. Я падумаў: «Можа, баба Куліна не дачула тое, што я ёй гаварыў?» Але тут жа дзед Якаў перабіў мае думкі і папрасіў паўтарыць тое, што я сказаў на вуліцы. Калі я паўтарыў, то баба Аксіння, стрымліваючы ўсмешку, адвярнулася, а дзед Якаў сказаў, каб я ішоў на вуліцу гуляць і больш так не гаварыў. Калі я выйшаў у калідор, то пачуў шчыры рогат дзеда Якава.

***

У дзяцінстве я часта з іншымі дзецьмі весела і жыва гуляў у розныя забавы. Памятаю спрытныя гульні ў Чыжыка і Пекура.

Для гульні ў Чыжыка мы па аднаму мералі з нізу да верху палку: чыя рука аказвалася наверсе, той пачынаў першым. У сярэдзіну квадрата клалі завостраную палачку-Чыжыка і па чарзе білі па ёй доўгай палкай. Калі Чыжык падскокваў, яго адразу хутка падбівалі такім чынам, каб ён выляцеў з квадрата, і злавіць яго рукамі. Той, хто не змог гэтага зрабіць, перадаваў ход наступнаму гульцу. І так некалькі кругоў, пакуль найбольш спрытны не набярэ раней дамоўленай колькасці ачкоў. Наколькі памятаю, часцей за ўсё пераможцай у гэтай гульні была мая суседка Галя Верына.

У Пекура гулялі пасярод вуліцы, дзе часцяком у пяску знаходзілі не вельмі іржавыя гільзы нядаўняй вайны, ці на недалёкім лузе. Пасярод вялікага прамавугольніка, накрэсленага на зямлі, ставілася дроўнае бервяно-Пекур. У кожнага ў руцэ – зручныя палкі-дрыны, якія спачатку ўсе па чарзе кідаюць у Пекура: чыя палка апынецца бліжэй за ўсіх да Пекура, той станавіўся вартавым. На другім этапе, калі гульцы кідалі палкі, каб збіць Пекура, вартавы павінен хуценька паставіць кожны раз збіты Пекур на месца. Калі апошні гулец кіне свой дрын, усе бягуць хватаць свае палкі. У гэты час вартавы імкнецца дакрануцца да любога гульца, а затым трапна збіць Пекура, пакуль дакрануты гулец не збег з палкай за рысу квадрата. Калі гэта ўдасца, гульня прадоўжыцца з новым вартавым. Лепш за ўсіх гуляў у Пекура Шура Алепаў – ён жа большы.

***

У 1955 годзе ў Грушнае з Савіцкага радыёвузла правялі лінію радыёперадачы. Па ўсёй вёсцы стаялі 150 апор: прамежкавыя, падстаўныя і з падкосам.

На слупу ля Ляшчука змясцілі вялікі гукаўзмацняльнік, па якім голасна па раніцах савіцкі радыст Міхаіл Цітоў апавяшчаў насельнікаў аб мясцовых падзеях.

Па радыё грушэнцы таксама даведваліся аб розных навінах у краіне і за мяжой.

***

З даўніх часоў грушэнцаў пасля смерці хавалі недалёка ад царкоўнага цвінтара, на поўнач ад вёскі. За многа год могільнік разросся, увабраўшы ў сябе сведкаў гісторыі ад палякаў да камуністаў. Час змяніўся, а людзі працягвалі ўміраць. Стала цесна: з аднаго боку – дарога на Цалуйкі, з другога – балота.

Новы старшыня калгаса «III Інтэрнацыянал» Койдан І.Ф. даўно выношваў задуму акультурыць рытуальнае месца, таму што нагрувашчванне магіл у далейшым было недапушчальным. Таму пры

падтрымцы насельніцтва вырашана было заснаваць новыя могілкі, і месца ім выбралі побач, крыху далей у бок Цалуйскай дарогі.

22 чэрвеня 1955 года ў прысутнасці вялікай колькасці народу на новым месцы першай на гэтых могілках, справа ад загадзя ўстаноўленага вялікага абрадавага крыжу, была пахавана заўчасна памершая днём раней трыццацігадовая Еўдачэнка Еўдакія Паўлаўна. Запрошаны для царкоўнага абраду прыходскі клірык Кандрат, умацоўваючы духоўна вернікаў мілатай Гасподняй, кадзіў ладанам і вымаўляў малітву: «Каділо Тебе пріносім, Хрісте Боже наш, в воню благоуханія духовного, еже пріем в пренебесный мысленный Твой жертвеннік, возніпослі нам благодать Пресвятаго Твоего Духа…»

На другі дзень баба Мар’я вадзіла мяне на новыя могілкі – «ацьведаць адзінокую нябожчыцу».

Пройдзе час – вялікі крыж з рытуальным прыладдзем і маленькі побач, перавязаны ручніком, абрастуць сотнямі вечных насельнікаў новых могілак.

…А вакол вырастуць вялікія сосны.

АФАНАСИЙ БОТЯНОВСКИЙ

Родился 19 августа 1985 года в Минске. В 1992 году пошёл в СШ № 25, в 1993 – в музыкальную школу № 2 на отделение скрипки. В 2003 году поступил в Республиканский музыкальный колледж при БелАМ, который окончил в 2006 году, получив квалификацию «артист оркестра, ансамбля». В 2006 году поступил в БГПУ им. М. Танка, который окончил в 2009 году, получив квалификацию «преподаватель музыки». Весной 2009 года издал поэтический сборник «Серебряный голубь», в октябре 2010 года – сборник стихотворений и поэм «Бездна над головой», в мае 2014 года – книгу стихов «Рыцарь духа».

Музыканту-эмигранту, или Оборотная сторона медали

Без семьи, без детей,
Без друзей, без любови,
Ты кочуешь по миру,
Ты везде и – нигде.
Не мулат, не еврей,
Славянин ты по крови,
Верный собственной лире,
Своей звездной судьбе.

Ты забросил себя,
Позабыл ты о книгах,
Лишь газеты читаешь
На чужом языке.
И, Вивальди любя,
Добровольно вериги
На себя надеваешь
В азартной тоске.

Ты желаешь осесть
В этом западном мире,

Ты мечтаешь блистать
Недоступной звездой,
Но приходиться есть
Хлеб на съёмной квартире,
Лишь в мечте посыпать
Его красной икрой.

Можно долго скакать
По Европе культурной,
Забывая страну,
Где тускнеют мечты,
Только хватит играть!
От игры этой – дурно:
Ради сладких минут
Не сжигают мосты…

Слова

Слова, словно волны морские,
Накатывают на меня.
Слова, как солдаты седые,
В бою не страшатся огня.

С мечтою о сладостном рае
Пустеет моя голова.
Не Слово меня убивает,
Я сам убиваю Слова!

Я – интеллигентный повеса.
Пленяет меня Красота.
Стреляю я рифмами в беса,
В ребро попадая Христа.

Ночная холодная скука.
Терзает меня темнота.

И совесть моя, словно сука,
Протяжно скулит у Креста.

Природа-баня

На природе, словно в бане,
Отмываю душу рьяно
Я от сажи городской.
Стали мылом лес и долы,
А мочалкой стало поле,
Дождик – ледяной рекой.

Вишни, яблони и груши,
Ветры, степи и леса
Отмывают мою душу,
Мои мысли и глаза.

Каждым летом, мать Природа
(Реки, долы и леса),
Представителю народа
Мой и душу, и глаза!

Обнимите меня, ветры!
Дайте силы на года,
Чтобы каждым новым летом
Я, как в баню, шел сюда!

На малой родине

Я сюда прихожу каждый год.
Перед родиной все мы, как дети.
И не верится мне, что мой род
Не одно проживал здесь столетье.

Вы простите, родные поля,
Что так долго на родине не был.
Вы простите меня, тополя,
Но и в мыслях своих вас не предал.

Не напрасно алеет заря.
Вы, дубы, не напрасно шумите.
Клёны, клёны, не зря вы стоите:
Помолитесь, прошу, за меня!

Облака, меня перекрестите,
Чтобы холод не мучил мне грудь.
Ели с соснами, благословите
Мою душу на жизненный путь!

Девяностые годы

Вертолёты гудят над землёю,
Пахнет воздух тревожно войной.
Славянин, ослабевший душою,
На закате поник головой.

Задрожал перед новою жизнью…
Невесёлые, в общем, дела:
Был он предан Советской Отчизне,
А Отчизна его предала.

Не забыть девяностые годы,
Наглый хохот и наглую прыть,
И растерянный взгляд у народа
Никогда, никогда не забыть.

Был я мальчик тогда, но о славе,
О величии родины – знал,

И хотелось спасти мне Державу,
Когда враг ее жадно кромсал.

На эстраде плясали красотки,
А страна, мне никак не забыть,
Всё лакала Свободу, как водку,
А потом её стало мутить.

Те, в ком было немерено силы,
Жизнь пустились свою прожигать.
Почему-то, увы, самым хилым
Выпал жребий страну защищать.

Наблюдать было страшно и грустно,
Как страна прозябала во лжи,
Как юнец тот, халявщик безусый,
Старика учил правильно жить.

Я хоть был тогда маленький мальчик,
Знал: любой человек – это храм.
Жаль, душа его – тёмный подвальчик,
Где пылится затерянный хлам.

Песнь Свободы – утеха для смелых.
Для других она – гибельный путь.
Так сугроб целомудренно-белый
Предлагает прилечь и заснуть.

Сколько б мы ни искали, ни жили,
Правду разве найдёшь на земле?
Богачу не хватает на виллу,
Бедняку не хватает на хлеб.

Жизнь весёлой кружит каруселью,
И хоть начало слабых тошнить,

То круженье не остановить,
Как и сходу не спрыгнуть на землю.

В городах, как в тюремной неволе,
Свою душу легко погубить.
Человек с невезучею долей,
Ты пройдись по широкому полю,
Чтобы душу свою воскресить!

Перезвон колокольный послушай,
Соберись, будто перед борьбой,
И свою отягчённую душу
Ты омой ледяною зарёй.

Только слабый не знает и глупый,
Но зато знает каждый поэт,
Что за ночью безумной наступит
Отрезвляющий ясный Рассвет!

Проклятый поэт

Посвящаю Рембо

Мне место в преисподней – не иначе,
Дышать мне дымом и гореть огнем
За то, что рабство не зову добром,
За то, что ною, и за то, что плачу,

За то, что не смиряюсь я со скукой,
За то, что смею сочинять стихи,
За то, что я считаю: мои муки
Важнее Богу, чем мои грехи!

За то, что не люблю я лицемеров,
За то, что не смиряюсь я со Злом,

За то, что в правду не теряю веры, –
Дышать мне дымом и гореть огнем!

Противостояние

Мои друзья пижонят по Европе,
Знать не желая про чужую грусть,
А я готовлюсь к бою, я молюсь
В предчувствии кровавого потопа.

Я знаю с детства противостоянье
Добра и Зла, титанов и богов.
Я согревался коньяком стихов,
Чтобы унять конечностей дрожанье.

Под окнами моими вечер ржал
И дуры пели пошлые куплеты.
Дух Перестройки их формировал,
Меня ж лепили русские поэты.

Казался мне пророком Гумилев.
Его строку я чтил как Откровенье.
С усмешкою среди земных богов
Я проходил, тая стихотворенье.

Я видел дикость: тьма сжирает свет.
Досадовал я на свое молчанье.
Но понял я спустя десяток лет:
Стихов поэта двигатель – страданье.

Мои друзья фасонят по Европе,
Знать не желая про чужую грусть,
А я готовлюсь к бою, я молюсь
В предчувствии кровавого потопа.

***

Столько слышу уродливых слов!
Слов прекрасных встречаю так мало!
По столице бреду я устало,
Сомневаясь в победе стихов.

Но я знаю: домой лишь приду,
Лишь открою я томик поэта,
Вмиг на все я вопросы найду
Ослепительной ночью ответы.

Ностальгия по морским волнам

Где ты, где, о радостное солнце?
Где ты, где, лазурь морской волны?
Ах, не знал я в детстве, что придется
За свои раскаиваться сны!

Жизнь, прости наивному поэту,
Что не может сладить он с тоской,
Что ему зимою снится лето,
Крымский берег – теплый, золотой.

Ты прости, что смею ненавидеть
То, что причиняет сердцу боль.
Ты прости, что не желаю видеть
Снег февральский – белый, словно соль.

Потому я и пишу сонеты,
Потому я и в луну влюблен,
Что зимою солнце тускло светит
И не слышен сладкий шепот волн.

Подражание Омару Хайяму

Среди душных вещей затерялась душа,
В этой жизни не стоит душа и гроша.
Но умрет человек, что с собой заберет?
Уж, конечно, не кресло, диван и комод.

После смерти узнаем, что было важней:
Царство духа иль мертвое царство вещей.
Если пылью покрыта вся будет душа,
Значит, прожил не так, значит – прожил, греша!

Ветер в гостях

Вариация на тему Визбора

Мы затопим в домике печь,
Мы гитару в руки возьмем,
Будет песня рекою течь,
Наполняя мелодией дом.

Растворяется жизнь в делах,
Растворяются сны в ночи.
Нам знакомы усталость и страх,
Но об этом мы помолчим.

Пускай месяц желтеет свечой.
Помнишь, мерзли мы на ветру?
Знай: тебя я люблю горячо.
Мои губы тебе не соврут.

Мы друзей к себе пригласим,
Позабудем усталость и страх.
Люди спросят: «Чего шумим?»
Скажем: «Ветер у нас в гостях».

Стенька

В очи синие небес
Расплевался ветер.
И худой фонарь, как бес,
Желтым глазом светит.
Клещи позади пылают
Невозможных дней…
Делать что в жару, не знаю,
С головой своей.
Я пойду на снег, на ветер,
Босоногий вор,
Я пойду на плаху света –
Целовать топор…

Палата номер шесть

А.П. Чехову

Проснувшись зябкою весенней ранью,
Я понял: жизнь не стоит и гроша!
Здесь пахнет от людей какой-то дрянью,
И тряпкою становится душа.

Холодное и злое мирозданье,
Короткая и жесткая кровать.
Запутано, исколото сознанье…
Да, здесь лежат, чтобы потом не встать!

Цари, пророки, гении и судьи,
Разбитые, расколотые судьбы…
Здесь Господа ругает местный Кант.

По серым коридорам ходят люди,
Никто уже не дышит полной грудью,
И совесть, словно вечный арестант.

ОЛЬГА БОТЯНОВСКАЯ (ДЕДКОВА)

Родилась 27 октября 1961 года в деревне Бирюли Краснопольского района Могилевской области. С золотой медалью окончила десятилетку в Смолевическом районе Минской области в 1979 году. В этом же году поступила в БГУ им. Ленина на факультет журналистики. Окончила в 1984 году. Работала в газете «Трактор», 20 лет проработала в многотиражке «Автозаводец». В данный момент работает в газете «Транспортник столицы». Автор сборника стихов и поэм («Минсктиппроект», 2003), а также юмористической книги «Зина и Сима. Телефонный разговор» («Ковчег», 2010). Пишет маслом картины.

Голубь

Лети, мой голубь,
В небеса.
Пускай роса, пускай гроза,
Моя горючая слеза
Пусть солонее слез Рахили,
Лети над бездною, над илом,
Над тем, что я всегда любила,
Над тем, что воспевала в строчках.
Лети над матовым листочком
Так пряно пахнущей полыни,

Над нашей речкой,
Синей, синей,
Над всей моей бедой и бредом,
Над домом, где покой не ведом,
Над полем с острыми плугами,
Над крышами с их проводами. —

Лети, лети, лети над нами…
Скажи, что я жила на свете.

Церковь

Высоко на горе эта церковь стоит
И крылом закрывает весь город.
Воткинск спит, и о чем, и о чем говорит
Эта церковь с синеющим бором?
Будто птица, слетевшая с самых высот –
В ней красивая святость и строгость,
В ней от купола до незакрытых ворот
Величайшая преданность Богу.
Нас куда-то, как щепки, несет и несет.
Моя жизнь вдалеке будет длиться,
Но как хочется мне хоть на будущий год
В этой церкви святой причаститься.

Юрьево. На Пасху

Присядь. И вместе помолчим.
Вон облака плывут над крышей,
И вьюжит ветер снег над вишней.
Весенний снег всегда любим.

Всегда любимо, что осталось
За рубежом ушедших лет.
Мне скверов брошенных усталость
Об этом говорила вслед.

Мне жаловались колокольни
Шатающихся тополей,
Округу наполняя звоном
Скворцов — любимых звонарей.

Неужто уходило столько
И туч, и вёсен, и людей?

Луна отлущенной фасолькой
Скрывала тайны этих дней.

И где-то я, совсем отдельно,
Жила, страдала и жила.
И в этой жизни беспредельной
Какая-то тоска росла.

Присядь. И вместе помолчим.
Я не искала здесь отрады,
Но как же все деревья рады,
И каждый встречный куст любим!

***

Наверно, я из тех веков,
Когда металл лежал в земле.
Руда, похожая на кровь,
Струится красная во мне.

Земли приливы тяжелы.
И я их чувствую душой.
Да, я подножие скалы,
Я кварц и слиток золотой.

По мне и реки, и ручьи
Бегут в безмерный океан.
Мои горячие лучи
Стекают лавой по холмам.

Вот почему с моей землей
Не разлучить меня никак.
Во мне поют, поют века –
Холмом, долиной и скалой.

Сыну Афанасию

Из дома скрипка уходила.
И саван белый был — футляр.
Каштанов выцветших кадила
Чадили в утренний угар.

Она, как ты, мой сын, болела
И умирала — за тебя.
Я помню — ты был белый-белый,
Как ангелы, что в снег глядят.

Как лебедь клали, взяв за шейку,
Твою подругу в светлый гроб,
Обрезав струны, словно реки,
Чтоб не текли, не ныли чтоб.

Ты знай, она ведь замолчала
И умирала — за двоих.
То, что она не досказала,
Доскажешь ты в стихах своих.

***

Я вас считала, как цыплят –
Мятущиеся города –
Мосты, проспекты, поезда.
Я в вас входила наугад.

Там, сзади, оставался сад.
Для верности брала фонарик.
И где-то на земле был ад
И солнышка воздушный шарик.

Мне нечего теперь хвалить,
Ступнями мостовую плавить.
Мне скучно по дворам ходить
И быт чужой по свету славить.

Перешибёшь плеть обухом.
Я воспою свое кочевье –
Меня нашли под лопухом
В глухой и нищенской деревне.

***

Мне кажется, мне сотни лет,
И гор Уральских цепи –
Мой, жизнью согнутый скелет.
Да, я ковыль и – степи.

Я – этот ил, я – топь реки,
Убежище русалок.
Как спирт, сгорают васильки.
Их синий пламень жарок.

Зови – я эхом отзовусь
Со всех окраин света.
Сейчас я женщиной зовусь
И крест несу поэта.

НИКОЛАЙ БУДИШЕВСКИЙ

Родился 7 апреля 1956 года в Овручском районе Житомирской области. В 1973 году закончил Овручскую школу. Трудился рабочим строительной бригады, а в 1977 году закончил Припятское училище № 8 по специальности «слесарь КИП и А». Работал на Чернобыльской АЭС. Принимал участие в пуске первого энергоблока Чернобыльской атомной ТЭЦ. Работал на монтаже оборудования Усть-Илимской ГЭС и Череповецкого металлургического комбината, на открытых горных работах в Красноярском крае.

С 1983 года работал на стройках Беларуси (Минская ТЭЦ-4, ТЭЦ-5, Белоозерская ГРЭС, Гродненская, Могилевская, Гомельская и Бобруйская ТЭЦ).

В настоящее время на пенсии. Проживает в п. Дружный, Пуховичского района, Минской области.

Первые стихи написал в 1983 году, сохраняет верность поэтическому слову и сегодня. Автор сборника стихов и поэм «Хочу мечтать» (2015 г.).

Ветеранам второй мировой войны

Рассвет, сверкают ордена – багряны,
Свет из-за горизонта, яркий свет.
Но старые опять заноют раны,
Хоть радует тюльпанов свежих цвет.

Воркуют нежно голуби на крыше,
Ещё в голубизне есть серп луны.
А свежий воздух поднимает выше,
Сады цветут, и нет давно войны.

Легко ступает ранний тот прохожий,
Вдыхая воздух, дышит тишиной.
А в День Победы, светлый и пригожий,
Под солнцем город спит и под луной.

Трамвай идёт, шевелится округа
Автобус вышел в первый ранний рейс.
Вставай, товарищ, и поздравь ты друга,
И обними тепло, как эдельвейс.

Постой и помолчи у обелиска
И положи к подножью ты цветы.
Так далека победа, и так близко,
Ей дорожат потомки – я и ты.

Окопов и дорог военных нити –
Счастливых ради наших, светлых дней
Бойцам, войну прошедшим, поклонитесь:
Их подвиг вечен – в памяти людей.

И тишь, и мир – то их заслуга,
Отдавших жизнь, свершивших чудеса.
И взмыла в честь них Стелла над округой,
Флаг Родины подняв под небеса.

На разных волнах

Подул ветерок,
Зашумели берёзы.
Растаял снежок,
Отступили морозы.

В дремучих лесах
Звонко птицы запели
Вон клин в небесах –
С криком гуси летели.

____

Тихо роща шумела...
Прилегло к телу платье.

Капля сока созрела
Для девчонки – ах, знать бы...

Зарумянились щёки,
И весна манит в дали.
Чистый взгляд ясноокий
Гибкий стан нашей Вали.

А в сетях заблудился
Озабоченный Гарик.
Не в лесу с пути сбился –
В интернете кумарит.

Незаметно любовь
И весна пройдут мимо:
Время выкрадет вновь
Его ящик любимый.

Есть друзья и вино,
За душою копейка.
Всё возьмёт казино
И рулетка-злодейка.

Стоят молча, сок пьют,
У березок девчата.
Для парней их уют –
Интернет и блок-хата.

***

Бежит мальчик по дорожке –
Это Димы спешат ножки.
Хочет в садик он сейчас –
Дверь открыли в первый класс.

Молча оттопырив ушки,
Смотрят детские игрушки,
Словно дочери-сынишки,
На тетради, сумку, книжки.

Звук машинки приглушили –
Вчера только с Димой были.
Настя нежно у подушки
Гладит мягкие игрушки.

Так по Диме все скучают
Ему в школу, они знают:
Вырос, в первый класс пошёл –
Седьмой годик подошёл.

«Как хорош наш молодец!» –
Сказал ласково отец.
Он коробочку открыл
И подарочек вручил.

Мама чуть слезу пустила,
Книжку сыну подарила
И подарки принял он
Все от родственных персон.

Пожеланий было много
Диме в школьную дорогу:
«Твёрдо, смело ты иди
По учебному пути!

Для Вселенной будь звездою
С чистым сердцем и душою!
Сто лет счастья, светлых дней,
И побед в жизни твоей!»

О любви

Саша в машину влюблён,
Жить без неё он не может.
Вася – мужик наш, не клён,
Любит жену свою всё же.

Чай очень любит Иван,
Томе нет жизни без кофе.
Толя от мёда лишь пьян,
Я обожаю картофель.

Любят одни лишь блины,
Ну, а другие – пельмени.
Дай одним банки страны,
Денег другим хватит жмени.

Голые – рады штанам,
Кто побогаче – палатам.
Ходит любовь по пятам:
И по дворцам, и по хатам.

Монолог продавца

Привет, клиент! Не хмурь ты брови,
Скажи с улыбкой комплимент.
Продать товар всегда готовы –
Ты не скупись, лови момент.

В торговле я проблем не вижу –
Смотри, плати, бери товар.
Клиента в жизни не обижу:
Упрёки в этом – лишь базар.

Я же такой, как ты, трудяга
Будь повнимательней ко мне.
И на весах товара тяга
Чуть легче станет, то ж – в цене.

Всегда хорошему клиенту
Рад, и безмерно, продавец.
Для верности вручит он ленту
На радость бьющихся сердец.

Не хмурь, расправь густые брови
Поправь для бодрости усы,
И станет тёплым взгляд суровый,
Пройдут секундами часы!

***

Мечтаем достичь мы вершины,
Любви нам, как всем людям, надо,
И мыслях вдвоем мы едины –
Среди яблонь райского сада.

Вот смело мы сделали шаг,
Идем мы навстречу друг другу.
Цветы держим нежно в руках,
С собой приглашаем подругу.

Вальс, платье, причёска, фата –
Бал кружит, с собой увлекает...
Костюм, галстук, ленточка та,
В петлице цветок аж сверкает.

«Родные, простите вы нас –
Вчера ещё мы были дети.

И крепко целуем мы вас:
Нам всех вы дороже на свете.

Спасибо вам, мама, отец
За то, что нас благословили,
И в трепет что наших сердец
Вы доброе слово вложили!»

Вальс льётся, и хочется жить,
И с лёгкостью плыть вновь по кругу,
Чтоб танец всех смог подружить,
Чтоб смог пробудить всю округу.

«Желаем мы все молодым,
Звезда чтоб сияла удачи,
Сомнений развеялся дым,
Чтоб жили в любви – не иначе,

С любовью растили детей,
Гордились за внучек и внуков,
Добились чтоб цели своей,
Дружили с культурой, наукой.

Сияйте улыбкой, уста,
Пусть дом будет – полная чаша!
В любви лет живите до ста,
Сказали чтоб: «Гордость вы наша!»

КЛАЎДЗІЯ ВЕРАБ'ЁВА

Нарадзілася ў жніўні 1941 года ў Беларусі, у Магілёўскай вобласці, у Чэрыкаўскім раёне. Бацька прапаў без весткі ў снежні 1943 года. У маці, якая працавала ў калгасе, засталося трое няпоўналетніх дзяцей. Адступаючы, фашыст спаліў усю вёску. Пасля сярэдняй школы працавала на птушкакамбінаце, на маслазаводзе ў г. Крычаве.

З верасня 1959 года па чэрвень 1963 года вучылася ў Мінскім педагагічным інстытуце. Працавала ў дзіцячым садзе № 16 МТЗ выхавацелем, а ў садзе № 242 МТЗ – метадыстам-выхавацелем, інспектарам па дашкольнаму выхаванню ў Мінскім ГарАНА, загадчыцай яслей-сада № 273. З апошняй пасады ў снежні 1996 года пайшла на пенсію.

Мае дачку, унука і ўнучку.

Вершы пачала пісаць у сталым узросце.

Беларуская мова

Мова матчына, бацькава мова –
Беларуская мова мая!
Яе дзіўнае кожнае слова,
І гучыць, быццам спеў салаўя!
Нібы сонейка ў шчасці і горы
Ласку дорыць, як звон ручая,
Аб мінулым са мною гаворыць
Непаўторная мовая мая.
Забівалі, гразёй аблівалі –
Паўставала, стагоддзі жыла.
І любіць нам яе не давалі –
Мова роднай, як маці была.
Не цурайся, мой дружа, вытокаў,
Зразумееш і ты спакваля:
Трэба мову падняць нам высока,
Каб прызнала яе ўся зямля!

Памяці бацькі

Не памятаю бацькі я свайго,
Загінуў ён ля Проні – нашай рэчкі,
Пражыў ён трыццаць два гады ўсяго,
Не пасталее болей бацька мой – адвечна.

Ад роднай вёскі блізка тая рэчка,
Растанне ж усё доўжыцца жыццё,
Ён ваяваў, здаецца, недалеча,
Ды назаўжды пайшоў у небыццё.

Тут не вада – ракою кроў лілася,
Фронт тутка дзевяць месяцаў стаяў.
Фашыст, як звер шалёны, агрызаўся,
Зямлю паліў – трымаў, не аддаваў.

Ліст атрымала маці ў сорак трэцім:
«Ваш муж, прапаў без весткі на франтах».
Засталася ўдавой, малыя дзеці...
Дзе дзеўся чалавеча? Жыццяў крах...

Дзяцей было пяцёра. Так багата!
Адзін другога менш – вось скарб увесь.
А муж прапаў, згарэлі рэчы, хата –
Хоць у пятлю ад гора маці лезь.

Дзе бацька пахаваны, дзе магіла,
Каб праху пакланіцца мы маглі?
Смерць абаронцаў нашых парадніла:
Старыя, маладыя – паляглі...

Прайшлі мы праз такія здзекі, мукі –
Балюча ўспомніць, цяжка расказаць,
Нас лашчылі матулі нашай рукі –
Паклон цяпер павінны ёй аддаць.

Паклон і вам – загінуўшым, жывым,
Радзіму засланіўшым ад навалы.
Каб сонейка свяціла нам – не ім,
Дзяцей і ўнукаў радасць сагравала.

Радзіма

Іду – лясныя ўсё сцяжынкі,
У неба я блакіт гляджу,
Плывуць па небу аблачынкі
Кудысь далёка. За мяжу?

Жывецца ўтульна і прыгожа,
Шчаслівыя – нібыта ўсе.
Не, жыць не ўсякі ў шчасці можа,
Бо рай будуюць пакрысе.

Радзіму пакідаюць людзі,
І шлюць лісты нам з-за мяжы.
Мо гараваць там, плакаць будуць,
Што дужа рай той ім чужы?

Не тыя там плывуць аблокі,
Не тая мова там гучыць,
Маркотна там і адзінока –
У Беларусі трэба жыць.

Усё тут роднае так блізка:
Пейзаж, і рэчка, і ралля,
Самотны помнік, абеліскі –
Тут родная бацькоў зямля.

Другой зямліцы мне не трэба,
Тут нарадзілася, жыву.

Каб паспытаць чужога хлеба,
Турысткай за мяжу плыву.

Вайна прайшла па нашых вёсках,
Наш кожны трэці – у зямлі.
Сумуюць белыя бярозкі
Аб людзях плачуць на раллі.

Чарнобыль – чорная навала,
Чарней якой і не было,
Зямельку раптам напаткала,
Бы джала болем апякло.

Не гледзячы на ўсе напасці,
Што нам сустрэліся з табой,
Усё ж, якое гэта шчасце –
Жыць на Радзіме дарагой!

Майму народу

Было і прыкра і балюча
За беларускі мой народ:
Такі нясцерпны боль, пякучы,
І доўжыўся ён з года ў год.

Абцас чужынцаў з веку ў век
Гаротную зямлю таптаў.
Цярпеў пакуты чалавек,
Праклёны – у раллю кідаў.

Настаў нарэшце час збавення,
Свабода – нібы дар нябёс,
Адчуўшы неба багаславенне,
Малюся за народа лёс.

Каб стаў багатым і шчаслівым
Добразычлівы мой народ,
Каб ураджайна спелі нівы,
Каб быў вясёлым карагод.

І веру я, што шчасце будзе,
І стане Беларусь сабой:
Цяпло і ласку ўбачаць людзі.
Радзіма – цуд і гонар мой!

Гула вайна

Гула вайна, гарэлі хаты,
І над зямлёю стогн стаяў,
На нас ішоў фашыст пракляты,
Нікога ён не шкадаваў.

Ён нішчыў і людзей, і радасць,
Расстрэльваў, вешаў, забіваў,
Скарыць хацеў, пабачыць слабасць,
Ды ўсе ж немногіх ён зламаў.

Мужнелі дзеці і старыя,
Сякеру бралі, аўтамат,
Бары прынялі векавыя –
Ім партызан, бы родны брат.

Нянавісць утрымаць няможна,
Яна б'е ў грудзі, як набат.
Фашыста гналі пераможна,
І пакаціўся ён назад.

І да Бярліна дакацілі,
Узнялі над Рэйхстагам сцяг.

Дзень Перамогі абвясцілі,
І кожны гэтаму быў рад.

Няхай жа сонейка нам свеціць,
На плошчы хай ідзе парад,
Хай весела смяюцца дзеці,
І людзі ўсе – сястра і брат.

Плач

Ой, у полі пры дарозе
Вырасла каліна.
Пад калінай у знямозе
Плакала дзяўчына.

Слёзы льюцца ручаямі!
Ціхія святыя.
Здзекуюцца, ой, над намі
Чужынцы ліхія.

Бяда-гора напаткала
Родную краіну.
Неба хмарамі заслала,
Любы мой загінуў.

Біўся з ворагамі люта
Поплеч з сябрукамі,
Абарвала жыццё крута –
І смерць паміж намі.

Досыць плакаць, гараваці,
Сяброў не паднімеш.
Мужна станем мы змагацца
За сваю Радзіму.

Дзве дарогі

Дзве дарогі – ды розныя лёсы,
Па якой з іх пайсці мне, куды?
Ярка сонейка свеціць з нябёсаў,
Ні трывогі, ні жалю, нуды.

Родны дом я даўно ўжо пакінуў,
З той па свеце блукаю пары,
Для сяброў, сваякоў – бы згінуў,
Не ступала нага ў іх двары.

Жыў багата і бедна – ды мала,
Працаваў ад цямна да цямна,
То жыццё многа думак наслала,
І ад іх паратунку няма.

Дык куды ж мне: направа, налева?
Шлях ад роднага дома вядзе.
Лепш дамоў – чуць радзімы напевы,
Больш не будзе мне шчасця нідзе!

Пажар

Чорныя хмары над намі плывуць,
Дым ды пажары з сабою нясуць,
Дзесьці шалее, агонь, бы прыбой, –
Людзі заняты з агнём барацьбой.

Гарыць, аж стогне лес зялёны,
Гараць бары, бярозкі, клёны,
І звер бяжыць, ляціць і птушка,
Вужака сцелецца істужкай.

Ой, што ж зрабіў ты, чалавеча?
Чаму прыроду ты знявечыў?
Не прапаўзе тут муравейка,
Не заспявае салавейка.

Згарыць ушчэнт усё да тла,
Зямля заплача, бы імгла,
А вецер будзе баляваць,
Ды клубы пылу, попел гнаць.

Ты мажа, змораны, прылёг?
Знянацку выпаў аганёк
З цыгары той, што закурыў –
Сябе згубіў, і лес згубіў!

Мо ноч турысты піравалі,
Вадой касцёр свой залівалі?
І з песняю дамоў пайшлі,
Бяду пакінулі ў зямлі.

Гадоў жа колькі трэба ім,
Зялёным дрэўцам маладым,
Каб тут стаяць ва ўсёй красе,
Каб любаваліся мы ўсе!

Іх лісце шэптам тым лагодным
Загоіць боль неверагодна.
Лес дасць здабытак, паратунак,
Зімой ад сцюжы ўсім прытулак.

Сабака

У прыцемках іду дамоў ахвоча –
З работы. Бачу: сціпла між людзей
Уважліва глядзіць усім у вочы,
Ардэль блукае, мокры, без надзей.

Дастала пачастунак з сваёй сумкі,
Працягваю я шчодра, толькі не –
Ён пысай круціць і не есць ласунка,
У роспачы глядзіць ён на мяне.

Глядзіць, і так пакорліва, пытліва:
«Пацешыліся, потым не ў журбе,
Так хутка, злосна, нават палахліва
На вуліцу штурхнулі ад сябе...»

Не есці хоча – клопату і ласкі,
Хоць трошкі чалавечага цяпла,
Паслухаць з дзецьмі вечарамі казкі,
І гаспадыня добрай каб была.

Яго ўзяла, памыла, пакарміла,
Жалобны чула, бы дзіцячы, плач.
Што ж, лекі ў вочы, лапы падлячыла,
Паклала спаць, закрыўшы ад няўдач.

Спіць на канапе і дрыжыць, скуголіць –
Відаць, цяжкі яму прысніўся сон:
Мо гаспадар ужо з кватэры гоніць,
Мо хлапчукі бяруць яго ў палон?

Жыццю, сабака, радуйся, не бойся!
Ніколі не пакрыўдзяць цябе тут.
Адданым будзь, ласкавым, супакойся,
Ты сябрам станеш, вось твой родны кут.

Госць

У маёй сяброўкі свята –
Ёй сягоння – пяцьдзесят.

Будзе тут гасцей багата,
Песень. Танцаў вельмі шмат.

Ой, шуміць, гудзе бяседа,
Пьюць гарэлку, пьюць віно,
Дык частуй сусед суседа,
Пі, гуляй – жыццё адно.

А сусед мой так напіўся,
Што забыўся, хто ён ёсць,
А калі пад стол зваліўся,
Стаў свіння ён, а не госць.

На танцах

Я на танцах танцавала,
Хлопца там сабе прыдбала,
Дужы ён такі, высокі,
Не акінуць нават вокам.

Хлопец мой, ты зухаваты,
Правядзі мяне да хаты,
Я на прызбу паднімуся,
І з табою абдымуся.

Хлопца моцна пакахала,
Да сябе прычаравала.
На вяселле прыйдуць госці,
Праспяваюць разам штосьці.

Нараджаем многа дзетак,
Яснавокіх майскіх кветак,
Хай растуць яны прыгожа,
У любві да працы гожай.

ЕВГЕНИЙ ВЕРМУТ

Родился 3 апреля 1957 года в Минске. Начал писать стихи с 17 лет. Участвовал в шести коллективных сборниках, увидевших свет в Беларуси и в России. Активный интернет-пользователь. Создатель и администратор сайта литературного клуба «Экватор» – «Литературный экватор». Имеет собственный сайт, где постоянно размещает свои произведения. Не избегает и периодической печати – как белорусской, так и российской. Публиковал свои стихи в газете «Рабочий», в журнале «Немига литературная» и др. Член Международного союза писателей (МСП) «Новый современник». Живет и работает в Минске.

Почему-то нельзя…
(Памяти отца)

Пулеметный огонь – соловьиная трель,
И разрывы снарядов, как уханье сов…
Вот бы всё это разом закрыть на засов
И была б тишина…
А в безмолвье – свирель…

Почему-то нельзя…

Наша память сильна, наша память в крови,
И ее не убить, и не взять на «ура».
Почему только в теле бывает дыра?
И прощается жизнь,
Как ее ни зови…

Почему-то нельзя…

Отыграет свое и воскликнет Душа:
– Я жила по частям, я жила лишь на треть.
Я хочу повторить, чтоб ошибки стереть

Как-нибудь, почестней,
Как-нибудь, не греша…

Почему-то нельзя…

Волчья работа
(Сторожевое)

На окне решетка, за решеткой стройка,
Там сплошная глина смешана с листвой.
Я бы спел, пожалуй, но попробуй, спой-ка,
Ведь, под дождь осенний только волком вой.

Отчего же мысли загустели странно,
Отчего бессвязна и ленива речь?
Я не волк, я знаю, но ноябрь туманный
Заставляет что-то в логове залечь.

Вылизать волчонка, ткнуться носом в самку,
Тихо возмутиться, что тесна нора,
Закопать поглубже жизненную лямку
И без лап, без задних дрыхнуть до утра…

Я простой человек-человечек...

Я простой человек-человечек,
Я живу, как и все, не спеша.
У меня неширокие плечи,
Но немного пошире душа.
У меня беспокойное сердце –
Нездоровое, малость, зато
Свою совесть я тоже, поверьте,
Чищу так, как не чистит никто.
Я стараюсь казаться спокойным,

Но покой – часто хуже костра.
Знаю: надо прожить бы достойно,
Только жизнь что-то больно хитра.
Иногда я хожу по ней криво –
В чём-то скор я, а в чём-то ленив.
Зарастает, порой, моя «нива»,
Сколько было уже этих «нив»…
Сколько было благих начинаний…
Хватит детям и внукам с лихвой.
Сколько раз находился на грани…
Слава Богу, пока что живой.
Я не ставлю за здравие свечек –
Толку нет, всё равно без гроша.
Я простой человек-человечек
И живу, как и все, не спеша…

Конкретные стихи

Конкретная Муза
Конкретно сказала
Конкретно Кому-то
Конкретное «Нет!».
И в ту же минуту Кого-то не стало,
Того, про кого говорили – Поэт.

Конкретные люди
Конкретно смеялись,
Конкретно над кем-то,
Конкретно над Ним.
Он тоже смеялся, смущаясь и скалясь,
Он был очень добр и душой не раним.

Конкретный товарищ,
Конкретный мошенник,
Конкретно с деньгами

Конкретно насел,
Но бывший поэт отказался от денег,
Он просто сказал уже всё, что хотел...

Монолог вожака собачьей упряжки

Я в собачьей упряжке,
При тяжелых санях,
Я кусаю всем ляжки
И пугаю бродяг.

Я покоя не знаю,
Мне в санях бы трястись,
Но кричит мне хозяин:
– Не в свои не садись!

Ни семьи, ни прикола,
Кроме снежной степи,
Ведь давно я не молод –
Лучше быть на цепи.

Как хочу я на воздух,
Мне пожить бы в горах,
Но летит к черту отдых,
А мечты мои – в прах.

Прут по спинам летает.
(Ох, жестока лоза!)
Только глупая стая
Так же смотрит в глаза.

И кричу в небеса я:
– Оглянитесь же, псы!
Ведь хозяин бросает
Нашу жизнь на весы!

А когда дома гости,
До утра с ними пьет.
Он швыряет нам кости
И про волю поет.
Что за воля такая?
От него бы уйти!
Чую – смерть ждет лихая
На безбрежном пути...

Нас учит жизнь?

Тщеславье наше, страсти и пороки…
Они для всех и каждого – беда.
Нам часто жизнь подсказывает строки,
А как нам жить, не скажет никогда.
Мы учим мир классической морали,
Но что-то он учиться не спешит,
Ведь без греха еще не умирали,
И тот, кто учит, больше всех грешит.
Мне наплевать, роптать уже недолго,
Хоть время есть, но некуда идти.
Я был поэтом, скоро стану волком –
Всем покажу, кто грешник во плоти.
Не надо слов – предвижу возраженья.
Друзья мои, греха в учебе нет.
Жизнь без рывка вперед – не униженье,
А бег на месте – тоже не во вред.

Нет прекрасней женщины на свете…

Нет прекрасней женщины на свете,
Там же нет умнее, чем она…
Там же и моложе нет, чем эти, –
После... ну... стаканчика вина.

Женщины прекрасно это знают,
На пороках строя капитал,
И они же в пьянстве обвиняют
Тех, кто их воздвиг на пьедестал.

Взглянешь – что-то толстое и дура.
А когда хлебнешь вина чуток:
– Ах, какая славная фигура!
Ах, какой изящный локоток!

Никогда нас бабы не ценили,
Заплатив за юность по счетам –
Если б мужики поменьше пили,
Сколько б некрасивых было дам!

Совесть

Совесть от времени тоже стареет,
То посидеть, то прилечь норовит,
Ждет, как и я, когда солнце пригреет,
Ляжет и примет задумчивый вид.
И ничего в это время не слышит,
Уши плотнее заткнёт от греха.
Кошки с котами гуляют по крыше,
Громко орут, только совесть глуха.
Выстрелы где-то и крик:
– Помогите!
Кровь на стекле растекается в нить.
– Парень, открой…
Господа, извините,
Встал бы я, но жалко совесть будить.
Плотно впечатались в тело, как в ящик,
Нам с ней теплее в обнимку вдвоём.
Только ворочаюсь ночью всё чаще,
Что-то не ладится в сердце моём.

Нет, неужели дошел я до грани?
Совесть, филонишь, ведь, ты не стара.
Ткну я ногой её, бок протаранив:
– Ну-ка, вставай, на работу пора!
Трудно прожить в нашем теле нормально,
Не превращаясь в бездумных овец.
Жить, не жалея других, – аморально.
Совесть загнулась – и ты не жилец.

Просто осень

Ветер в грудь толкается,
Дождь весь день идет.
Осень развлекается,
Но грустит народ.
Мысли затуманены
Плачущим дождем,
Словно сердце ранено,
Будто пуля в нем.
Мы пропылесосены –
Нет в умах огней,
Потому-то осенью
Столько серых дней.
Красными рассветами
День осенний слаб.
Много бабьим летом их –
Так они ж для баб...

К свадьбе сына

Нам никакие не ведомы трудности,
Нам не знакома боязнь умереть,
Но, расставаясь когда-нибудь с юностью,
Медленно мы начинаем стареть.

Встречи, разлуки, свиданья с любимою,
Клятвы и свадьба, и шум на весь дом,
Дети, под сердцем любимой носимые,
И ожиданий часы под окном…
Жили красиво и начали с дочери…
Годы, как щепки, унес ураган.
Вот, незаметно и школу закончили
Кнопочка-дочка и сын-хулиган.
Снова сначала судьба повторяется,
Снова решать за вопросом вопрос:
Дочка уже с кем-то тайно встречается,
Сын возмужал (и когда он подрос?)
Новое время всё так же стремительно
Кучей забот обновляет мой дом.
Взрослые дети – процесс удивительный:
Наперекор нам растут, и при том
Знаю одно обстоятельство верно я –
Свадьба за свадьбой уйдут, как прибой,
Но страшновато услышать, наверное:
«Вот и одни мы остались с тобой…»
Жизнь — далеко не всегда благодарности,
Кто не любил, тот, конечно, не жил.
Скажет ли сын мой когда-нибудь в старости
Той, чьей любовью он так дорожил:
– Что нам болезни, мы живы – и ладушки,
Главная истина в жизни одна:
Ты все такая же милая, Аннушка,
Самая лучшая в мире жена!

Пора поэта

Снова дождь целый день моросит,
По утрам просыпаюсь едва.
И туман над домами висит,
И в тумане моя голова.

Мне ее бы к подушке прижать
И в кровати до лета прожить.
Никуда не пытаюсь бежать,
Никуда не стараюсь спешить.
А зима впереди, как назло,
Не украсит отнюдь бытия.
Говорят, будто мне повезло,
Что родился не в Арктике я.
Вновь от снега всю зиму страдать,
Укрываться и кутаться мне.
Ну, зачем же ему выпадать,
Если таять потом по весне.
Я с опаской в окошко гляжу
На унылых людей и дома.
Прогуляться? Пожалуй, схожу.
Хорошо, что еще не зима.
Ухожу от тепла и ковра,
Одеваю лениво пальто.
Благодатна поэтов пора –
Вот и я сочинил кое-что.

Зима начинается

Слякоть, как палки в колеса телегам,
Дождь и туман встали вязкой стеной,
Город уснул под растаявшим снегом,
Парки укрыв до утра тишиной.
Осень сбежала от будущей стужи,
Словно внезапно лишилась ума.
Шлепая громко по собственным лужам,
Входит хозяйкою в город Зима.
Где-то в лесах застревают метели,
Где-то в грязи задержался мороз,
Но, как всегда, как бы мы ни хотели,
То, что придет он, уже не вопрос –

Злой, надоедливый, жесткий, скрипучий,
Гордый собой от своей крутизны…
Ладно, посмотрим попозже, кто круче,
Дай только время дожить до Весны!

Разговор с самим собой в пустой комнате

Стою, сам с собою, у зеркала-исповедальни,
Ах, как бы хотелось последний забыть разговор,
Но всё еще где-то лежит, в глубине нашей спальни,
Тобою оставленный зонт у прокуренных штор.

Я пью иногда, ну, так что ж, просто сдали нервишки.
В запыленной вазе давно не стояли цветы.
Хотел бы я стать тем, кому ты стираешь бельишко.
Хотел бы я знать, с кем, наверное, счастлива ты.

Куда-то торопится жизнь, а я в воздухе висну.
И если движение есть, то, скорее, назад.
Я клялся когда-то тебе, что один не раскисну,
А сам свою жизнь день за днем переделывал в ад.

Ты счастлива, милая, с кем-то, не знаю, и где-то…
За то, чтобы это узнать, много отдал бы я.
Хотелось бы видеть то солнце из нашего лета,
Но солнце давно поднимается лишь для тебя.

Прости меня, милая, плакаться я не намерен –
Хоть как-то, хоть с кем-то, хоть как-нибудь век доживу.
Я просто обязан, я должен быть просто уверен,
Что кто-то сегодня один из двоих на плаву…

ИНГА ВИНАРСКАЯ

Родилась 7 октября 1971 года в Бресте. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета по специальности «преподаватель русского языка и литературы и белорусского языка и литературы» в 1994 году. Поэтесса, переводчица, прозаик, публицист. Пишет на русском и белорусском языках. Переводит стихи и прозу с белорусского, польского, французского языков. Стихи и переводы И. Винарской печатались в «ЛiМе», «Нёмане» (Минск) и в других республиканских изданиях, переводы – в журналах «Дружба народов», «Наш современник» (Москва). Автор пяти книг поэзии: «Вариации на тему любви» (1996), «Превращение в лирику» (1998), «Цветá пламени» (1999), «Через огонь» (2000), «Ночные поезда» (2011). Автор ряда книг о предприятиях Беларуси. Член Союза белорусских писателей с 2004 года. В настоящее время занимается литературно-издательской деятельностью. Шеф-редактор альманаха «Лiтаратурны экватар». Живёт в Минске.

Новогоднее

Любите жизнь, людей, друзей –
Хвостатых наших и усатых.
Судьба, как прежде, полосата,
Но надо примириться с ней…
Пусть будет много светлых дней,
Теплом и радостью богатых!

***

Исчезни, растворись, забудься…
Пройдя опять обиды твердь,
Ты вновь вернёшься, только впредь
Не говори желанью «сбудься».

Ещё не время умирать –
Твоя пора придёт не скоро…
Свою судьбу пора принять.
В ночи грохочет поезд скорый,

Но так невыносим расклад
Лежалых карт, больных и старых…
Слова и мысли невпопад,
И хриплый голос под гитару…

***

Разве кровь моя – Родины кровь?
Разве время наполнено жизнью?
И всегда рядом с «кровью» – «любовь» –
Неизбежна, как боль по Отчизне.

Я люблю – не люблю… Что за бред?
Что за глупость? Все жаждут лишь денег.
Исчезает любви моей след,
Ночь кончается на понедельник…

***

Исправлен год. И век уже исправлен.
Пустых времён уже начертан срок.
Но старый друг пока что не оставлен,
А старый враг нащупает курок.

Забытый мир, как сонм забытых истин.
Ещё дышу и чувствую пока.
Любовь, любовь… Твой беспощаден выстрел,
Но в одиночестве дорога нелегка…

***

Я провожала лето в голубом
Шифоновом, воздушном, лёгком платье.
Ах, лето, как нежны твои объятья!
Тебя я провожала в голубом.

А осень – это маленькая смерть…
Я ощущала это умиранье,
Входящее, как яд в моё сознанье,
Как яд, который застывает в твердь.

Конечно, осень есть стихов пора,
Но больше не люблю я время это,
И хочется кричать: «Вернись же, лето!..»
Ах, жизнь... Какая странная игра...

***

Ветер с юга или ветер с севера?
Воздух пахнет страстью и дождём…
И зачем я в чудеса поверила?
Что ж, ещё немного подождём.

Вновь везенья-невезенья полосы.
Заблудились в дебрях оба – что ж?
Ты опять поёшь с чужого голоса,
На меня с небес вновь льётся дождь.

Мы с тобой такие, милый, разные.
Но в сердцах живёт любовь опять.
Хоть с тобою вновь мы труса празднуем,
Время вспять – конечно, время вспять!

***

Белым молоком туман в низинах,
И до боли тяжело молчать.
Солнце, словно алый шар в корзине, –
В белой дымке... И рассвет, как тать.

Холодно. Грохочет электричка.
Я в том дне откуда и куда?
Жизнь ещё не догорела спичкой –
Я рассвет встречаю в поездах.

Это было? Разве это было?
Хлёстко память закрывает дверь.
Да, забыла. Я тебя забыла.
Навсегда свободна я теперь.

***

Фантасмагория смещений –
На миг, на день, на год, на жизнь...
И среди этих превращений
В уме, попробуй, удержись.

Порвалось платье на принцессе –
Ей королевою не стать
После скандальных фотосессий.
Ей – всё по новой. Да, опять.

А принц уже сбежал – ничтожен.
Как малодушен, жалок. Что ж...
Но, как бы ни был осторожен,
Получит в переулке нож...

***

Незаконченность жестов –
как признак безумия.
Недосказанность слов –
первый признак любви.
Ах, давайте сегодня
без благоразумия!
Может, счастье так близко –
лишь чуть позови.

Только кликни – и вот
уже солнышко светится,
И счастливые вновь
так искрятся глаза.
Мы должны, мы с тобою
должны ещё встретиться,
Чтобы глаз никогда
не касалась слеза!

***

Нет спасенья от осени
Ни в любви, ни в судьбе.
Уже волосы с проседью,
А живёшь – всё в борьбе...

Никакого раскаянья
Не найдёшь у врагов.
В битве Авеля с Каином
Нет, увы, берегов.

Только шепчешь: «О, Боже мой,
Защити, помоги...»
Нет, сдаваться негоже – той,
Что так любят враги!

ПЕРЕВОДЫ С БЕЛОРУССКОГО

Данута Бичель

Над Котрой

Тишина.
Я сижу возле Котры.
Не считаю ни встреч, ни утрат.
Что? Достали меня современные ноты
Трепотнёю колхозных девчат?

Те обиды, как дым от цигарок, –
Серый пепел лежит на столе.
Но у дочек счастливых советских доярок
Есть одна академия – хлев.

Много в Котре колхозной культуры
С ферм навозом течёт по волнам.
Тут своих узнают по дебелой фигуре,
По пустым и безумным глазам.

***

Нет, не увидит никто моих слёз.
Вытяну как-то под горку свой воз.
Ведь загореться – пустяк для меня.
Мне ль, саламандре, бояться огня?

Будешь меня обвинять ты не раз:
Слишком в ночи посветлело от глаз.
Нехотя в наши пойдёшь ты места,
Но и надежда моя уж не та.

Радости сколько в несчастной любви!
Утром щебечут о том воробьи.
Снова счастливый пирует, как вор,
А неудачник бежит на простор.

Максим и Людвика

Максим с Людвикою в военном Минске.
Зимы суровость. Расставанье близко.
Не дал им Боже ни весны, ни лета –
Они пока не думают об этом.

И Гродно вспоминают доброй сказкой.
Между Садовой и Городничанской
Кривая кладочка на Городнице.
Им до сих пор она обоим снится…

Два бережка и мостик между ними –
Её песчаный, а его кручинный.
Над Нёманом качаться так любили –
Он снял ей туфельку, водицу вылил.

Январь военный в Минске души студит.
«Мы здесь живём, словно чужие люди,
Додуматься так до чего-то сложно,» –
Он в карточке напишет осторожно…

Раиса Боровикова

Французское танго в метро с Некляевым

Нас зачеркнули, с горем пополам,
Но Музу не прельщает чинность ранга…

Париж мог позавидовать бы нам,
Танцующим в метро изящно танго.

Хоть вместо стрел Амур берёт ядро,
«До лампочки» давно его нам норов.
Пусть, впечатлённое, замрёт метро,
Ведь оттанцуем мы, даст Бог, нескоро.

Свою печаль отдай, Володя, мне,
Моя – как лист осенний – полетела…
Уже скользит по мраморной стене
Слеза эпохи этой оголтелой.

Не важно, нам отмерен год иль час, –
Судьба пророчит, как когда-то Ванга.
Ещё не принимает небо нас,
Но и на землю не пускает танго.

****

Жить чувством,
лирикой,
отвагой…
Не надо больше ничего.
А тут уже лучи, как шпаги,
Скрестились: ну, и кто кого?!

Но, как земля не станет небом,
Так не родится и герой
Из тех, кто жив холуйским хлебом,
И за него готов на бой.

Грохочет жизни бездорожье…
Бедняк, несчастный, тут и он –

Холуй! И в нём же, осторожный,
Живёт малюсенький Нерон.

Он счастлив, лирик.
Чист и ясен…
Но, если здесь на мудрый лад, –
«Поэт нисколько не опасен,
Пока его не разозлят».*

___

* *Строки Н. Рубцова.*

Лариса Гениуш

Ничто так не мило

Ничто так не мило, как в хате огонь,
Что сердце остывшее греет.
Ничто так не мило, как старый загон,
Что хлебом сам как-то засеял.

Ничто так не мило, как угол родной,
Как гул самопрялок весь вечер,
Как гомон цепей на току разлихой,
Как дедова сказка у печки.

Ничто так не мило, как шнур наших хат –
Там гостеприимны пороги, –
Как вербы, что стали, зелёные, в ряд
У ровной далёкой дороги.

Хризантемы

За окнами ветер в густую бьёт темень,
Задул даже в сердце горячем огни, –

И только – соцветья бледны – хризантемы
Цветут в вазе тонкой хрустальной одни.

И клён, что вчера лишь в саду золотился,
От слёз он осенних сегодня промок,
И сорваны ветром узорные листья,
И тихо лежат, как могильный венок.

А с осенью серой бороться напрасно –
Погасит она и весенние дни;
И лишь хризантемы так просто и ясно
Печальное сердце утешат одни…

***

Не сгибай меня – нет, не согнусь я,
Не боюсь я ни страхов, ни зла.
Ведь не зря из земли Беларуси
Непреклонной сосной проросла.

Напрямик иду тропкой, что знаю,
Мудрость предков в горячей крови,
Ни пред кем, сгоряча, не склоняю
Головы я своей и любви.

Обхожу я весь сброд – тот, что рядом
Хочет путать и мучать до слёз.
Вдаль гляжу, не моргнув даже взглядом, –
Разум тьму всё ж пронижет насквозь.

ІГАР ГРЫЦКОЎ

Нарадзіўся 7 верасня 1963 года в г/п Уваравічы Буда-Кашалёўскага раёна Гомельскай вобласці.

З 1981 по 1984 гг. служыў у пагранічных вайсках КДБ СССР. З 1984 па 2008 гг. служыў у органах унутраных спраў Рэспублікі Беларусь.

З 1990 па 1992 гг. – курсант Мінской сярэдняй спецыяльнай школы міліцыі МУС СССР імя М.Ф. Фрунзэ. У 1997 годзе скончыў Акадэмію МУС Рэспублікі Беларусь.

З 2008 года на пенсіі па выслузе гадоў.

Літаратурай захапляецца з юнацтва. Піша на беларускай і рускай мовах. Аўтар кніг: «Братья» (2012 год: проза), «На южных рубежах» (2014 год: проза).

Калі ты сапраўдная маці...

(Апавяданне)

Памятаю, як у дзяцінстве з сябрамі ў парасніку маладой лазы знайшлі мы двух кацянят-немаўлятак. Яны, чорна-белыя жывыя камкі, жалобна пішчалі ўвесь час. Відаць, іх пакінулі на пагібель.

У той момант нечакана грымнуў гром і з неба ўпалі першыя кроплі дажджу. Дзеці, пераглядваючыся, маўчалі ў затаемным чаканні, і вось адзін з іх, зняўшы з галавы капялюш, пераклаў туды кацянят. Не чакаючы большага дажджу, дзеці кінуліся да сваіх хатаў. Увесь прамокшы, хлапчук стаяў на парозе дома перад сваёй маці, прыціскаючы да грудзей капялюш.

– Мама, мама, – жалобна прасіў ён, звяртаючыся да яе.

Жанчына заглянула ў капялюш і цяжка ўздыхнула. Хлапчук, прадчуваючы штосьці нядобрае, захныкаў, прыціскаючы капялюш да сябе.

– Ну, навошта ты іх прынёс, горачка ты маё? – запытала гаспадыня.

– Мама, давай пакінем іх у нас, – жалобна прасіў той.

– Сваіх чацвера вунь пад кошкай, – строга заявіла жанчына-маці.

Хлапчук працягваў хныкаць, выклянчваючы згоды ад сваёй маці, каб пакінуць у іх дома кацянят. Ягонаю просьбу падтрымала

старэйшая сястра хлапчука, якая хуценька выйшла з дому на іх галасы. Дзеці з вялікай жалобай дамагаліся мацінага дазволу. І жанчына-маці дала згоду:

– Добра, вось да нашых кацянят іх падкінь.

Мокрыя кацяняты адразу апынуліся ў каробцы з-пад абутку, дзе ціха адпачывалі іх старэйшыя сабраты. Наступіў час чакання. Як жа падкідышаў прыме маці-кошка? Мокрыя і дрыжачыя кацяняты яшчэ працягвалі пішчаць, калі праз некаторы час у пакоі з'явілася старая шэрая кошка. Яна ціха прайшла да сваіх дзетак і здзіўлена абнюхала падкідышаў. На нейкі час кошка-маці прысела, паглядаючы на сваю гаспадыню і яе дзецей, затым працяжна замяўкала.

– Ну, чаго чакаеш? Кармі дзетак, – дала падсказку ёй гаспадыня.

Кошка паслухмяна пачала аблізваць кацянят-немаўлятак. Яна асцярожна ступіла ў каробку з-пад абутккy і яшчэ больш асцярожна прылегла з краю. Яе хуценька абляпілі старэйшыя кацяняты, а следам за імі падключыліся трапезнічаць і малодшыя.

У цішыні пакоя за кошкай-маці і яе шасцю дзецьмі з павагай назіралі сямігадовы хлапчук, яго старэйшая сястра і іх маці. Кожны з прысутных задумаўся аб чымсьці сваім, а жанчына-маці ў маркотнай задумлівасці звярнулася да мінулага, як некалі ў маленстве пастукванне ў шыбу ўспалашыла яе і ўсю іх сям`ю. Вось яе маці ў начной сарочцы кінулася да печы, дзе адпачывалі суседскія хлапчукі:

– Хуценька хавайцеся, – прашаптала ім гаспадыня.

Спалоханыя хлапчукі кінуліся, збіваючы з ног адзін другога, у падпечча. Але самае страшнае было, калі ў хаце нечакана з'явіліся нямецкія салдаты. Асабліва лютаваў у той час мясцовы паліцай, прыхвасцень нямецкага каменданта. Вось яго і трэба было засцярагацца. І тады маці шэпатам сказала ўсім дзецям плакаць, каб нарабіць больш шума.

У час нямецкай акупацыі, калі цяперашняй гаспадыні было трохy больш за тры гады, яе маці засталася з чатырма дзецьмі і двума старымі бабкамі. Пра што яна думала ў той час, калі прыняла ў хаце двух яўрэйскіх хлапчукоў, увесь час хаваючы іх пад печчу. Час ад часу яна і дзве старыя бабкі звярталіся да Маці Божай і Усявышняга, просячы заступніцтва.

Праз шмат год да мяне зноў прыходзіць успамін, і, нібы бачыцца знаёмы пакой, каробка з-пад абутку, у ёй старая шэрая кошка з кацянятамі, а жанчына сярэдняга ўзросту ў задумленені ўспамінае ўслых аб роднай маці, сваім дзяцінстве і двух старых і хворых бабулях, што знайшлі прытулак у іх хатцы. А потым пра суседскіх хлапчукоу Леню і Валодзю Фрэйдзіных, якія доугі час хаваліся пад печчу... А ў думках я усё звяртаюся да пытання: дык што гэта, подзвіг адчайнай жанчыны, ці норма для сапраўднай маці?

Напярэдадні дня Перамогі

(Урывак з аповесці)

1.

Красавік 2000 года запомніўся сваёй цеплыней, ласкавым сонейкам, шчабятаннем-прывітаннем пералётных птушак.

Кожны новы дзень прыносіў усё больш аднаўлення ў абрыс прыроды, і яна за гэта шчодра плаціла. Цяплыня дзённага надвор’я адчувалася ўсё мацней. Любавацца вясновай прыгажосцю выйшлі са сваіх дамоў і старыя бабулькі, і маладыя матулі з дзецьмі. Бліжэй да поўдня ў адным з двароў Фрунзенскага раёна горада Мінска прахажваўся малады чалавек у джынсавым адзенні з фотаапаратам, падвешаным на шыі. Ён бадзёра падыйшоў да пажылых жанчын, якія як і заўсёды, аблюбавалі адну з лавак свайго двара. Між маладым чалавекам і мясцовымі жыхаркамі адразу завязалася даверлівая размова. Малады чалавек быў ветлівым і між суразмоўнікамі хутка наладзіўся кантакт. Задаўшы некалькі пытанняў, ён ласкава развітаўся з жанчынамі.

– Відаць, з газеты, ці, можа, пісьменнік малады, – заўважыла адна з іх, а потым працягвала. – Бачыш, ветэранаў шукае.

– Хутка ж свята, Дзень Перамогі, вось яны ветэранаў наведваюць, – падтрымала сваю суседку другая жанчына.

Далейшая іх гаворка пайшла пра цяжкія гады ў час вайны, пра жаночую долю, пра сваіх бацькоу і пра шмат іншага.

У двары ўсё было, як раней: вясновае сонейка адорвала сваёй цеплынёй суседак-жанчын, што на лаўцы, малых дзетах з матулямі ля пясочніцы, жанчыну, што ля першага пад`езда збірала смецце, пасатага, падобнага на тыгра, кацяня, снуючага між пакінутых аўтамашын. Горад працягваў жыць сваім штодзённым жыццём.

Малады чалавек з фотаапаратам на шыі накіроўваўся да другога пад’езда аднаго з дамоў па вуліцы Адоеўскага. На некалькі хвілін ён затрымаўся ля ўвахода ў пад`езд, разглядаючы нешта ў сваім мабільнам тэлефоне. З пад’езда выйшла жанчына, і малады чалавек, пераняўшы дзверы, з лёгкасцю шмыгнуў у пад’езд дома. Падняўшыся на пяты паверх, ён заўважыў:

– Зноў апошні. Мабыць, спецыяльна ўсіх старых на самы апошні паверх засялілі.

Малады чалавек пастаяў трохі на пляцоўцы, перавёў дух, прыгладзіў валасы і пазваніў у кватэру пад нумарам 39. Калі ён пазваніў у дзверы другі раз, за ёй пачуліся шаргаючыя крокі, потым лязг адчыняемага замка. З кватэры выглянуў шчуплы пажылы чалавек. Увесь яго выгляд: змятая шэрая кашуля, старыя, брудныя штаны, абадраныя, нібы лахматая бадзяжная сабака, тапкі – казалі аб цяжкім і адзінотным становішчы жыцця гэтага чалавека.

– Дзень добры, – пачаў з вітання і ліслівай усмешкі малады чалавек. Я са сталічнай газеты «Экспрэс-навіны», рыхтую да друку матэрыял аб героях Вялікай Айчыннай вайны.

Ён хутка дастаў з кішэні джынсавай курткі дакумент і паказаў гаспадару квартэры. Той, нібы вінавата, зазірнуў у працягнутую яму паперу і, нічога не разумеючы, прамовіў:

– А што патрэбна?

Малады чалавек стаў паступова растлумачваць аб тым, што хутка свята – Дзень Перамогі, ён і яго таварышы па працы збіраюць матэрыял аб былых салдатах-франтавіках, аб воінах-героях.

– А што я, мабыць які герой? – пытаецца стары.

– Так, так... Вы змагаліся, абаранялі Радзіму, – пачаў яго нібы ўгаворваць прышэлец-госць.

– Праходзьце ў квартэру, – кажа гаспадар і прапускае госця ўперад. – Усе ў той час ваявалі: хто на перадавой, хто ў тылу, а нехта там, пад нямцамі, на акупаванай зямлі.

– Так, так, – падтрымліваючы гаворку старога, кажа малады чалавек. Ён праходзіць у пакой і разглядае старую мэблю, выгарэўшыя ад сонца і часу шпалеры, пацёртую падлогу.

Стары заўважае нездарэчную цікаўнасць госця і кажа:

– Мабыць, гадоў дваццаць ці болей рамонта не было. Я ж адзін, сілы няма, грошай таксама. Мне і так добра.

Між гаспадаром і госцем засталася цішыня.

– Ну, што, можа, гарбаты зрабіць, паспрабуеце? – прырывае паўзу прапановай стары.

– Гэта можна, – адказвае гоць і адразу пытаецца, – як Вас па бацьку зваць?

– Валчэцкі Мікалай Яфрэмавіч.

– Тады вось што, Мікалай Яфрэмавіч, Вы мне адразу узнагароды, фотаздымкі дайце, а самі можаце на кухні гарбату гатаваць і расказваць мне аб сваім жыцці, як ваявалі і гэтак далей.

Гаспадар, ледзь перастаўляючы ногі і шаргаючы, замітусіўся па пакоі. Са старой шафы ён дастаў каробку з-пад абутку, у якой было шмат выцвіўшых і пажаўцелых фотаздымкаў.

– А на медалі, на ордэн пасведчанні ёсць? – пытаецца госць – супрацоўнік сталічнай газеты.

Гаспадар моўчкі дастаў руды пінжак, на якім было шмат узнагарод. Сэрца яго ў гэты час забілася хутчэй, з'явіліся прыткасць і жаданне пачаставаць госця і дагадзіць яму. Пакінуўшы святочны пінжак з узнагародамі на стуле, ён зноў зашаркаў сваімі нагамі да кухні, дзе доўга грымеў талеркамі, чайнікам. Недзе праз час стары спытаў з кухні:

– Ну, ці пазналі вы мяне на фотаздымку?

Ён зліў з чайніка ваду, набраў у яго зноў вады і зноў зліў яе. Зрабіушы так некалькі разоў, паставіў чайнік на пліту. Доўга корпаўся з запалкамі, якія чагосьці не паддаваліся яго старым маршчыністым рукам. Потым узяў са стала дзве чашкі, якія пачаў старанна мыць.

Гаспадар квартэры нібы акрыяў, ён усхвалявана гатаваў свой просты пачастунак. За некалькі апошніх гадоў яго ніхто не наведваў, не цікавіўся ягоным жыццем і становішчам. Работнікі сацыяльнага забяспячэння перасталі яго наведваць ужо даўно. З Савета ветэранаў прыходзіла віншавальная паштоўка раз на год. Газет і часопісаў ён не купляў. Стары замурзаны тэлевізар ужо даўно не працуе і сумна стаіць у вуглу аднапакаевай кватэры. На версе тэлевізара – газета з акуркамі ад папірос рознага калібру і віду. Мабыць, стары збірае іх у

двары, ля магазінау, па вуліцы. Знаемых у Мікалая Яфрэмавіча было зусім мала, ды і тыя жылі на другім канцы горада, а ў сваім двары ён мала каму быў патрэбны.

І вось вяртаецца ўсхваляваны гаспадар у пакой і не разумее, дзе яго госць. Ён хутка прасоўваецца да ваннай, заглядвае туды, потым задумліва праходзіць па пакоі. Па стале раскіданы фотаздымкі, на стуле вісіць пінжак, з якога зніклі ўсе баявыя ўзнагароды. З нейкай надзеяй стары выходзіць з кватэры, але там нікога...

У гэты момант за акном у небе грымнуў раскацісты гром. Вяртаецца былы франтавік у адзінокі пакой і доўга, як помнік, стаіць ля акенца. Затрэсліся плечы старога, затрэсліся яго сухія, маршчыністыя рукі і апусціліся ўздоўж усяго цела. Набеглі слёзы ў ягоных вачах. Па запыленаму шклу сыпанула рэдкімі каплямі дажджу, потым – мацней і мацней. Вось ужо пабеглі доўгія ручаі вады. Яшчэ некалькі разоў грымнуў вясновы гром.

Відаць, само наваколле не згодна з гэтым здарэннем, і нябесныя сілы дадаюць перуноў. А ён, стары і шчуплы, доўга стаіць ля акенца, углядаючыся ў сівую далячынь, а думкі яго дзесьці далёка...

2.

1945 год. Нямеччына. Ён – малады салдат сярод сваіх саслужыўцаў. Вось-вось скончыцца вайна, цяжкая і апастылеўшая. Кажысь, яна ўсім не ў радасць: рускім, немцам, палякам, – і ўсюды, дзе прайшлася, па чыёй зямлі пранеслася ў гэтыя апошнія чатыры гады. А ён, просты радавы салдат Мікалай Валчэцкі зноў сярод сваіх баявых таварышаў у невялікім прускім горадзе. Ён збег са шпіталю ў свой полк. За гады вайны гэта ўжо другое ягонае раненне. Аднак ён узрадаваны, што зноў сярод сваіх, жывы і здаровы, і ўсе жыццё наперадзе.

«Вось скончыцца вайна. Вярнуся дадому, да маці, а там ўсе жыццё пойдзе па-іншаму. Маладосць натхняе і накіроўвае на добрыя справы. Усе будзе добра, па-святочнаму. Людзі пасля вайны будуць найбольш дабрэйшымі і ад гэтага шчаслівымі,» – так меркаваў пра сябе малады Мікалай, гледзячы на малых нямецкіх дзяцей. А тыя, белабрысыя і чумазыя, сталі ў рад ля салдацкай палявой кухні. Выдаць мясцовым жыхарам ежу распарадзілася камандванне пал-

ка. Відаць, што ўсе нямецкія дзеці маюць добрае выхаванне. Яны церпяліва чакаюць сваёй чаргі, а пасля таго, як атрымаюць палонік кашы і лусту хлеба, абавязкова дзякуюць.

Ужо тады, у той час, сама сабой з'яўлялася думка: «Навошта была гэта вайна? Каму чаго не хапала? Хто той, хто ўсё гэта пачаў? Гэта – Гітлер і яго ваенная вярхушка. Дык ад чаго ж так, чаму ўсе людзі не сказалі «не»? Чаму не пайшлі супраць яго, ягонай волі і загадаў?»

Шмат, шмат пытанняў і думак у той час абдумваў малады салдат, а ў шчырам его сэрцы пульсавала гарачая кроў. І было яму шкада тых нямецкіх дзяцей, што стаялі ў чарзе за салдацкай кашай.

Вось так жа ў той час грымнуў вясновы гром і нечакана сыпанулі каплі дажджу. Дзятва збілася вакол дзвюх жанчын, хаваючыся пад адным чорным парасонам, а повар-кашавар, у той час зачыніўшы вечку палявой кухні, схаваўся ў будынку. Вытрымаць гэту сцэну ён не змог, просты радавы салдат. Мікалай хутка нацягнуў свой брызентавы плашч над галовамі дзіцей і запрасіў падняць парасон над палявой кухняй. Сам узяўся раздаваць палонікам пярловую кашу. У гэты момант каля яго з'явіўся той самы повар-кашавар, які хацеў прыпыніць раздачу ежы.

– Прэч ад вайсковага аб'екта, – зарычаў ён на Мікалая, хватаючыся за палонік.

– Ты што, Калабок? – адазваўся, жартуючы, малады салдат.

– Для каго Калабок, а для каго яфрэйтар Калабковіч, – і ён дзёрнуў да сябе доўгую ручку палоніка.

– Ад якога гэта такога аб'екта? Ды я зараз хуценька ўсё раздам, – весела настойваў Мікалай.

– Яшчэ чаго. Які ж ты хуткі, прэч ад кухні.

– Давай я парасонам цябе прыкрыю, а ты працягнеш выдаваць ежу, – прапануе Мікалай.

– Не твая справа, а зараз выдаваць не буду.

– Тады я сам усё зраблю.

На іх спрэчку з'явіўся стары вусаты палкавы старшына.

– Што за спрэчка і слота?

– Вось і я кажу, што слота, – праканючыў повар.

– А я хуценька… – хацеў апраўдацца Мікалай.

– Не дам, права не маеш, – завапіў, перабіваючы яго, грузны повар.

– Я з Валчэцкім прыкрываем ад дажджу, а ты – хуценька ўсё раздаць, – загадаў старшына.

Так і стаялі яны пад дажджом, рускія салдаты з распрасцёртым брызентам, абярагаючы нямецкіх дзяцей у час раздачы абедзеннай кашы.

Гэты факт з сваяго жыцця цяпер раптам узнік і хуценька прабег у ягонай памяці.

– Вось ты іх шкадуеш, ежу, душу ім сваю падстаўляеш, а яны цябе не пашкадуюць. Падгадуюцца і ўсё роўна для нас ворагамі застануцца, – выказваў сваю незадаволенасць тым вечарам яфрэйтар Калабковіч. Ён доўга выказваўся сярод саслужыўцаў свайго ўзводу, тым самым накіроўваючы свае словы ў бок Мікалая. А той маўчаў, да слухаў.

– Пройдзе час, вырастуць гэткія дзеткі і адпомсцяць за сваіх бацькоў. Яшчэ і ад сваіх невядома, чаго чакаць. Не думай, што ўсё будзе, як у раі. Жыццё лепей не стане, а мо і не наладзіцца ніколі. Дык у нас, на Русі заўсёды цягаты патрэбны…

Доўгі час яшчэ стаяў ля акенца ўсхваляваны Мікалай Яфрэмавіч напярэдадні Дня Перамогі ў маі 2000 года. Журбота і ўвесь яго абыякавы выгляд падсказалі, што гэта свята не для яго.

3.

Чорны рынак, там дзейнічае свой закон: «Тавар – грошы – скрытнасць і асцярожнасць».

Ёсць там свае лідэры і старажылы, ёсць тыя, хто першы раз зварочваецца да яго паслуг. Упершыню – гэта чыесьці падапечныя або па рэкамендацыі. Усё, чаго няма на звычайным базары, ёсць тут, і ўсё мае свой кошт. Таксама ардэны і медалі, а калі да іх ёсць пасведчанне, яны каштуюць у два, тры, а то і чатыры разы больш. Аб гэтым, як сваё імя, ведаў раней судзімы па мянушцы Мяшок, а па пашпарту Мяшкоў Александр Віктаравіч. Прамышляў ён крадзяжамі дзяржаўных узнагарод, іншымі дробнымі крадзяжамі, любіў выпіць і прыняць самапрыгатаванага зелля з маку. Мяшок нідзе не працаваў, нічога яго ў гэтым жыцці не цікавіла. Затое ён добра ведаў усе ўзнагароды, ад старажытнага да цяперашняга часу, добра ведаў аб

усіх палкаводцах і выдатных асобах, удастоеных дзяржаўных ўзнагародаў. Гісторыю сваёй дзяржавы ў ваенны час ён ведаў як дыпламаваны чалавек і мог прачытаць па гэтай тэме не адну лекцыю. Шмат часу за гістарычнымі падручнікамі ён правёў у бібліятэцы, каб прымяніць свае веды ў крымінальнай справе. Цяпер на яго рахунку дзясятка з два абабраных ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны. Дзень нецяжкай працы ў ролі фотакарэспандэнта ці журналіста адной са сталічных газет, і нейкі перыяд ён матэрыяльна забяспечаны. Тады ён шчыра раскідваецца грашамі, закупае спіртныя напоі ці семя мака.

Вось яго сябры: браты Грыбко Аляксандр і Юра – таксама шмат разоў судзімыя ўжо чакаюць, каб завітаць на базар за семем мака. А як гатаваць гэта варыва, яны ведаюць, у гэтым яны вялікія спяцы.

Сяброўскае рукапацісканне, і Мяшок з братамі Аляксандрам і Юрам ужо ля базара, што ў мікрараёне «Малінаўка-4». Вось яны прыкупілі, што ім было патрэбна, і хутка крочаць да квартэры па вуліцы Любімава. Па іх тварах відаць, як яны задаволены, спяшаюцца, аб чымсьці размаўляючы. У іх кватэры ўсё ў парадку, бацькі атсутнічаюць, усе прыналежнаці (каструлька, марля, растварыцель, шпрыцы) на месцы, у крымінальным свеце такая кватэра завецца «прытон наркаманаў». І вось працэс прыгатавання пачынаецца, і па квартэры разпаўзаецца кіслы пах ацэтона. Праз нейкі час задаволеныя сябры, глыбока ўдыхаючы паветра, закацілі свае вочы. Яны заціхлі, і вакол цішыня, а за акенцам па ацынкованым жалезе скачуць адзін па другому пёстрыя галубы, якія збіраюць пакінутыя рэшткі дурнога варыва.

Духмянасць кустоў бэзу, што празрастаюць тут, у гэтым і іншых дварах горада, змяняюць толькі што намаляваную карціну і становішча пра брыдкасць з жыцця наркаманаў. І толькі вясновае паветра, ласкавае сонейка, першыя расцвіўшыя кветкі, да надыходзячая свята падымаюць настрой жыхарам горада. Падрыхтоўка да святкавання Дня Перамогі бачна ва ўсім і адчуваецца ўсюды. Пасвойму да свята рыхтуюцца і Мяшок з сябрамі.

4.

Было ў злодзея – Мяшка два каналы для збыту скрадзеных узнагарод. Гэта пастаянныя і правераныя скупшчыкі, з якімі ён ужо быў

знаёмы на працягу нейкага часу. Барыга – так завецца ў крымінальнам свеце скупшчык скрадзенага.

Праз дзень пасля крадзяжу ўзнагарод Мяшок чакаў аднаго з іх, сваяго дзялка-барыгу ля парку Чалюскінцаў. Яны заўсёды сустракаліся тут, так як абодвум было хораша дабрацца сюда, схаваца ад пабочных асобаў, а потым на мятро ці на аўтобусе сотага маршрута раз’ехацца ў розных напрамках. Скупшчык-барыга, што спяшаўся на сустрэчу з Мяшком, быў афіцэрам з адной вайскавой часткі. Гэта быў асцярожны і прагматычны чалавек, які зрабіў са сваёй кватэры склад для скупленага барахла. Гэтае барахло мела каштоўнасць, і вялікую. Час ад часу нейкія дарагія рэчы ён хаваў у гаражы, альбо ў машыне. Яшчэ у 90-я гады, калі пачала распадацца вялікая дзяржава Савецкі Саюз, калі перасталі працаваць заводы і фабрыкі, калі дзяржава забыла пра вайскоўцаў і ўсю армію, ён пачаў займацца скупкай і перапродажам усяго, што давала грошы. З’явілася матэрыяльная падтрымка, даход, а пазней капітал, які паслядоўна павялічваўся. Вайскавы афіцэр, займаючыся скупкай і гандлем, здагадаўся і нават ведаў, адкуль бяруцца гэтыя рэчы, узнагароды, золата, срэбра, іншае. Прага нажывы зацягнула яго ў гэтае балота, але ён яшчэ гэтага не ведаў. Прыбытак ад перапродажу крадзеных рэчаў даў магчымасць памяняць стары аўтамабіль на больш прэстыжную мадэль, назапасіць грошай на другую кватэру, забяспечыць усім неабходным сваю сям`ю, выканаць пажаданні любоўніцы.

– Прывітанне, прывітанне – абменьваюцца прыязнасцямі Мяшок і вайсковец-барыга.

– Пайшлі сядзем на лаўку, – гаворыць ваеннаслужачы.

Усе тонкасці і дыпламатычнасць, з якой яны ставяцца адзін да другога, усё гэта найграны фарс. Першы і другі маюць адзін намер, каб атрымаць большую карысць. Скупшчык прадбачліва прыкідвае, як занізіць кошт тавара, каб потым пры перапродажы мець большую розніцу. Злодзей-гандляр хоча паказаць, як яму цяжка было здабыць тавар, каб павысіць кошт.

Седзячы на аддаленай лаўцы, яны размаўляюць аб адным. Гледзячы з боку, думаецца, што простыя людзі размаўляюць паміж сабой, а тым часам між злодзеям па мянушцы Мяшок і скупшчыкам ідзе дзелавая размова аб продажы крадзеных узнагарод, замаўляецца

заказ на іншыя, больш значныя і больш каштоўныя ўзнагароды. У гэты час скупшчык зусім не задаволены, ён купіў два ордэны Вялікай Айчыннай вайны. Гэта дробны тавар, так лічыць ён, значыцца і выгады будзе меней. Вось калі ўзнагарода з пасведчаннем, якое пацвярджае яе прыналежнасць да ўладара, тады і кошт яе павялічваецца. Усе гэтыя прамудрасці добра вядомыя ім абодвум, але што рабіць, гэта таксама сапраўдныя грошы.

Між «кампаньёнамі» адбылася здзелка, яны развітваюцца і разыходзяцца ў розныя бакі парка. Мяшок ідзе ў глыбіню парка, купляе марожанае і сядае на лаўку. Ён нікуда не спяшаецца, задаволена цешыцца халодным пламбірам.

Калі ведаеце, жыццё – такое добрае рэчыва. Аб чым ён думае і задаволена ўсміхаецца ў гэты момант? Аб тым пажылым чалавеку, што застаўся адзін у гэтым жыцці, даверыўся яму, пабег хутчэй гатаваць гарбату, каб пачаставаць госця, ці проста чалавека, які завітаў да яго? А можа, аб іншых, тых, каго таксама падмануў, абабраў, зламаў веру ў дабрыню. Ці пра тых, каго яшчэ трэба падмануць і абабраць?

Яго ахвяры – старыя, хворыя, бестурботныя людзі. Яны ўжо пражылі шмат часу і больш яго не цікавяць. А яму ўсяго дваццаць шэсць год, яму трэба шмат, яму трэба жыць, і усё жыццё наперадзе. Цяпер яго думкі былі пра другое, і яны ажыццяўляліся. Калі яму прыйшла такая ідэя, цяжка ўспомніць, але ён да яе вяртаўся не раз. Не давала яму спакою багацце барыгі, які нажываецца дарма, нічога не робячы. А можа, настаў момант, каб выставіць яго хату? Так думаў і размаўляў пра сябе вор і наркаман па мянушцы Мяшок.

У той час, як Мяшок смакаваў марожанае і адбумваў свой план супраць скупшчыка-барыгі, апошні проста спяшаўся да сваёй кватэры. Яго думкі былі далёка ад сённяшняга дня. Ён прыкідваў і падлічваў, колькі будзе мець ад камерцыйнай паездкі ў Варшаву. Чалавек страціў усялякую пільнасць, ён ішоў увесь у сваіх думках. Следам за ім, як на прывязі, цягнуліся два маладых чалавека. Гэта былі браты Грыбко, Аляксандр і Юрый. Па загаду свайго сябра яны спяшаліся за будучай ахвярай. Хаця ахвярай гэты чалавек стаў яшчэ ранней, у той момант, калі яго пачалі «пасвіць». А можа, тады, калі ён пазнаёміўся з Віктарам па мянушцы Мяшок, а можа, ячшэ раней – тады, калі стаў скупляць скрадзеныя рэчы?

5.

Кагосьці «пасвіць» на крымінальным жаргоне – гэта сачыць за аб'ектам. Аб'ектам можа быць чалавек, аўтамабіль, будынак, нейкая тэрыторыя і гэтак далей. Вось і прывёў аб'ект-скупшчык «пастухоў» да свайго дома. Вайсковец, ні аб чым не здагадваючыся, думаў аб тым, як лепш збыць тавар. Думкі яго былі ў будучым, але ён нават не ўяўляў, што падставіў сябе, сям'ю, кватэру, што становішча яго небяспечнае.

– Калініна, 15. Пад'езд першы, – кажа Грыбко Саша, калі яны з братам вяртаюцца ў парк Чалюскінцаў, дзе іх чакае Мяшок.

Мяшок задаволена працяжна паўтарае:

– Ка-лі-ні-на, пят-нац-ца-ць. Ты, Юрась, заўтра ці пазней «папасві» яго ў двары, – як бы просячы, дае загад ён адному з братоў. Даведайся нумар хаты, у якой ён жыве, з кім жыве, калі выходзіць на працу, калі другія выходзяць. Ну, ведаеш, пра што я кажу, а потым мы ўсё, як трэба, падрыхтуем.

Пры гэтых словах Мяшок хутка пацёр далонямі сваіх рук.

– А цяпер пайшлі, расслабімся, – сказаў ён.

Яны дружна падняліся з лаўкі і пайшлі да выхаду з парка. Іх далейшы шлях ляжаў у напрамку да Малінаўскага рынка. Цераз некаторы час крымінальнае трыа, усё абдолбленае, як папала ляжала на квартэры, дзе пражывала сям'я Грыбко.

Дур, які яны вараць і выкарыстоўваюць для ін'екцый, пакаштаваў першым Мяшок. Раней ён ужываў макавы вар з пачаткаў і сцябла маку, так званую саломку, як кажуць у крымінальным свеце. Цяпер людзі, якія пастаўляюць яму мак, заўсёды на рынку. Дастаткова яму з'явіцца там, з дапамогай позірка і маніпуляцыі рук усё становіцца відавочна паміж ім і гандляром мака.

Дур на крымінальным жаргоне – рэчыва, маючае наркатычны змест. Цяпер гэтую гадасць ведаюць усе: ад малых да старых. Ужыванне наркатычных рэчаў без медыцынскага дагляду часта прыводзіць да смяротнага выніку. Гэта ведаюць усе. Аднак купляюць, прымяняюць, ужываюць і даюць паспрабаваць іншым. Пасадзіць на іглу – так на крымільнам жаргоне завецца наркатычная залежнасць чалавека. І таму, хто паспрабаваў і падсеў на іглу, зваротнага хода

няма. Толькі малая, зусім малая частка наркаманаў вырвалася з гэтага палону. Астатнія альбо загінулі, альбо сталі пачварамі, і іх таксама чакае смерць.

Помніцца, як у далекіх 80-х гадах мінулага стагоддзя цыганская сям'я, што жыла ў Калодзішчах пад Мінскам, займалася гандлем макавай саломкі. Іх сярэдні сын таксама прыахвоціўся да гэтай гадасці. Бацькі спрабавалі лячыць яго, вазілі за кардон, да царкоўных святыняў, аднак дарэмна. Бацькі цыгана-наркамана зрабілі металічную клець у сваім доме, дзе некалькі год дзяржалі у ёй сваё дзіця. Чым усё гэта скончылася, сказаць цяжка, але яшчэ горш усё гэта было бачыць і чуць ад маці-цыганкі.

6.

У Маскоўскім раённым упраўленні ўнутраных спраў праца ідзе поўныя суткі. Супрацоўнікі змяняюцца, і на дзяжурства заступае новая змена. Дзяжурства на суткі – гэта святое, і да яго трэба рыхтавацца. Супрацоўнік павінен быць бадзёрым і здаровым, маральна гатовым да нясення службы, памытым, пабрытым і мець вайсковую прычоску, чыстае і нагладжанае абмундзіраванне. Усё гэта абавязкова для паспяховага нясення службы для заступаючага на дзяжурства, а таксама для ўсіх іншых вакол яго (супрацоўнік на дзяжурстве). Супрацоўніку патрабуецца ведаць нарматыўныя акты, артыкулы крымінальнага і адміністрацыйнага кодэксаў, каментарый да іх і правільнае прымяненне іх на практыцы, службовыя інструкцыі і правілы прымянення спецыяльных сродкаў і зброі, і шмат чаго іншага. Кожны дзень у горадзе адбываецца шмат крымінальных здарэнняў, нясчасных выпадаў, аварый і знікненняў людзей. Па-рознаму можа змяніцца абстаноўка і патрабуецца выконваць службовыя абавязкі і прымаць рашэнні самому. Вось тут і пазнаецца прафесійная, баявая і маральная падрыхтоўка супрацоўніка міліцыі. І як будзе выканана пастаўленая задача, альбо выканана неабходнасць дапамагчы грамадзянам, ацэняць простыя людзі. Ад гэтага залежаць чыёсь жыццё, жыццё самого супрацоўніка, а мабыць, і некалькіх людзей.

Сумленнасць і справядлівасць, разуменне і спачуванне пацярпелым грамадзянам, якія звяртаюцца да міліцыі, – вось што ў першую чаргу прыкмячаюць і ацэньваюць людзі. Другое – як вядуць сябе супрацоўнікі, як ставяцца да людзей, завітаўшых у міліцыю з пытаннем, як выконваюць свае службовыя абавязкі. Ну, і трэцяе – як вядуць і чым жывуць кіраўнікі органаў унутранных спраў, Міністэрства ўнутранных спраў, хто кіруе ўсёй міліцыяй. Калі ў прэсу ці ў іншыя сродкі масавай інфармацыі прасочыцца негатыў аб карупцыі або злоўжыванні службовымі абавязкамі, аўтарытэт усёй міліцыі знішчаны на доўгія гады.

У паўсядзённай сваёй дзейнасці радавыя супрацоўнікі працуюць «на зямлі». Так завецца паміж саміх супрацоўнікаў праца, калі яны абслугоўваюць свае замацаваныя ўчасткі тэрыторыі. Яны кожны дзень сустракаюцца з судзімымі, п'яніцамі, валацугамі, бандытамі і іх супольнікамі. Акрамя таго, працуючы сярод грамадзян, шукаючы і апытваючы людзей, прыходзіцца мець зносіны з псіхічна хворымі, маніякальна настроенымі, проста з невытрыманымі і хворымі людзьмі. Увесь час прыходзіцца быць пільным. Сілы і энергіі супрацоўніку ўнутраных спраў патрабуецца шмат.

Шмат хто з іх, а раней было так, што ўсе, хто робяць «на зямлі», добра ведалі свой кантынгент, гэта тых, хто меў судзімасць ці прадстаўляў нейкую цікаўнасць для органаў унутранных спраў. А калі шмат ведаеш, да плюс вопыт работы, тады і працаваць лягчэй. Вопытныя супрацоўнікі ведаюць пра крымінальнае мінулае свайго кантынгента. Ведаюць аб іх крымінальных дзеяннях, але гэтага ўсяго мала. Закон патрабуе, каб было ўсё даказана. Але і гэтага мала, трэба каб было даказана законным шляхам, але і гэта не усё. Тут шмат тонкасцяў, якія патрабуецца вытрымаць, але гэта ўсё юрыдычныя аспекты.

Дык вось, ведае супрацоўнік міліцыі аб тым, што нехта, напрыклад, злодзей Мяшок учыняе крадзяжы, а каб прыцягнуць яго да адказнаці, па законе патрабуецца здабыць рэчавы доказ, або іншы доказ. Патрабуецца добра папрацаваць, апрасіць шмат народу, здабыць факты, правільна іх аформіць. А калі няма чалавека-сведкі, тады патрабуецца знайсці ўліку. Як гэта робіцца, яны – супрацоўнікі ведаюць добра.

7.

Мяшкоў Аляксандр, па мянушцы Мяшок, і яго сябры Аляксандр і Юрый, па прозвішчы Грыбко, з юных гадоу былі добра знаёмы мяс-

цовым супрацоўнікам міліцыі ў Маскоўскім раённым упраўленні ўнутранных спраў. З дзяцінства яны былі ўжо на спецыяльным уліку міліцыі. Са з'яўленнем новай тэхнікі, камп'ютарнай базы дадзеных аб злачынствах, аб раней судзімых, аб зброі і т.д., дадзеныя былі аб'яднаны і цэнтралізаваны.

Не, не хацеу Мяшок, зусім не хацеў пайсці на зону. Ён выбіраў свае ахвяры ў другіх раёнах горада Мінска. Старыя людзі маюць слабае здароўе, дрэнна бачаць, крыўдзяцца на памяць. Усё гэта было для яго, злодзея і махляра, дапаможным элементам. Цяпер ён яшчэ ў кішэні, акрамя фальшывага пасведчання, меў велізарныя акуляры. Не, не хацеу Мяшок свайго хуткага выкрыцця ў крадзяжы ўзнагарод, пагэтаму вырашыу перастрахавацца і забяспечыць такім чынам змену свайго твару.

Сёння, перад Святам Перамогі, ён рашыў наведаць некалькі ветэранау вайны ў горадзе Барысаве. Іх прозвішчы, адрасы ён даведаўся ад ветэранскай арганізацыі, куды завітаў як фотакарэспандэнт адной са сталічных газет.

Седзячы ў электрычцы, падстаўны фотакарэспандэнт разглядаў адну з газет. Яго зацікавіў артыкул, распавядаўшы аб барацьбе ў гады вайны і жыцці ў цяперашні час гераічнай жанчыны Марыі Казей.

«Казей, Казей... Дык гэта сястра знакамітага героя Марата Казея, якая таксама мае ўзнагароды,» – ажыўлена будаваў свае цёмныя планы аматар чужых медалёў. З газеты ён даведаўся, што ў гераічнай жанчыны пад час вайны былі адмарожаныя абедзьве нагі, цяпер яна інвалід і жыве ў Савецкім раёне горада Мінска. Артыкул так зацікавіў чытача, што ён некалькі разоў перачытаў яго. У галаве яго рабілася амаль вар'яцтва, думкі несліся хутчэй цягніка. Ён ужо прадстаўляў жаночы чорны пінжак, на якім шмат мадалёў з ардэнамі. На твары чытача з'явілася хітрая, крывадушная ўсмешка. Нейкае ап`яненне ці нават лёгкі кайф ад малой дозы наркатычнага рэчыва наведала яго душу. Відаць, ад прачытанага, а мо, ад хуткіх думак, настрой яго ўзняўся і чытач адкінуўся спіной назад і, закрыўшы вочы, пачаў марыць.

Электрычка хутка набліжалася да Барысава, ужо па радыё перадалі аб прыпынку. Мяшок некалькі разоў прагладзіў рукой па газеце,

склаў яе ў сваю паходную сумку і дастаў адтуль фотаапарат. Людзі з вагона пацягнуліся да выхада. Састаў качнуўся і замер ля вакзала. Мяшок на хаду перакінуў рэмень ад фотаапарата цераз шыю і выйшаў з вагона электрычкі.

Вясновае сонейка падымалася ўсё вышэй. Горад красаваўся ў зелені і чырвоным убранні, што падрыхтавалі да свята. Малады чалавек з фотаапаратам на грудзях і сумкай у руцэ жмурыўся ад яго ззяння. Ён, усміхаючыся, прадчуваў, што ўсё будзе, як у мінулыя разы. Але думкі яго віталі там, у недалёкім будучым, ён ужо намеціў план супраць гераічнай жанчыны Марыі Казей.

– Заўтра свята, адбудзецца шэсце ветэранаў, трэба мне таксама патрапіць туды, – так марыў, ідучы па горадзе адзін з тых, хто завецца маладое пакаленне. Мабыць, адзін з тых, хто будзе планаваць і будаваць гарады, адзін з тых, на каго будзе абапірацца дзяржава, падтрымка і апора бацькоў і дзядоў нашых? Яму і яго пакаленню выпала, пашанцавала, падаравалі лёс і яны, ветэраны вайны добрае і шчаслівае жыццё. Толькі як яго выкарыстуе ён, дваццацішасцігадовы малады чалавек?

8.

Пяцьдзесят пятая гадавіна Дня Перамогі святкавалася па ўсёй краіне са шчырым размахам, асабліва ў горадзе Мінску. Мясцовая ўлада зрабіла ўсё, каб забяспечыць ветэранаў і іх сем'і ўсім неабходным. Медыкі, сацыяльныя работнікі, гандаль, бытавое абслугоўванне былі праінфармаваны аб першачарговым забеспячэнні ветэранаў вайны. У красавіку стаматолагі запрашалі да сябе ветэранаў, каб без кошту лячыць зубы. Вадзіцелі маршрутнага таксі не бралі грошы з ветэранаў вайны ў дзень свята. З тэлеэкранаў і па радыё гучалі віншаванні і пажаданні, патрыятычныя песні і песні аб вайне, перамозе, песні ваенных гадоў. У гэты яркі і сонечны дзень уся краіна і яе грамадзяне ўшаноўвалі сваіх герояў.

Сярод тых, хто прыйшоў на ўсенароднае свята ў цэнтр горада, быў і малады чалавек з фотаапаратам. Такіх, як ён, з фотаапаратамі ці з відэакамерамі, было шмат. Яны здымалі знаёмых і незнаёмых, адзінокіх ветэранаў і сумесна з сябрамі-аднапалчанамі, старых у ваеннам адзенні, шчаслівых маладых людзей і дзяцей. Толькі ён,

Мяшок, нібы кагосьці шукаў у людскім натоўпе. Грамадзяне з кветкамі, шарамі, чырвонымі і чырвона-зяленымі сцягамі працягвалі шэсце да цэнтра горада.

Вось ля ГУМа аднаму з ветэранаў стала кепска, ён дакрануўся да грудзей і адышоў у бок.

«Па усім відаць, хворае сэрца,» – адразу заўважыу пра сябе малады чалавек з фотаапаратам. Трэба дапамагчы.

Ён хутка трапіу да старога чалавека, які спыніуся ля дрэва. У гэты момант яго апярэдзілі міліцыянеры, якія неслі службу побач. Яны таксама звярнулі ўвагу на гэтага старога, выклікалі хуткую дапамогу, запісалі дадзеныя хворага і нумар брыгады медыкаў. Так патрэбна, і гэта правільна. А можа, хто-небудзь будзе шукаць гэтага чалавека, калі той не зможа даць аб сабе знаць?

«Вось зараза, каб вас разарвала!» – так вылаяўся Мяшок у адрас міліцыянераў, якія ўвесь час былі побач з хворым. Мяшок злаваўся, што яго апярэдзілі стражы правапарадку.

Шэсце ветэранаў працягвалася па праспекце Скарыны, галоўнай вуліцы горада Мінска. Следам ішлі простыя людзі, хтосьці з сябрамі, нехта з дзецьмі, сем'ямі. У добрым настроі, з кветкамі і рознакаляровымі шарамі, яны рухаліся да цэнтра горада, помніка Перамогі. Сярод іх крочыў і ўсміхаўся той малады чалавек з фотаапаратам на грудзях. Ён ішоў і марыў, каб набыць новую ахвяру, яму патрэбны іх ардэны і медалі, а гэта грошы, за якія ён будзе мець усё. Прадчуваючы добрую нажыву, ён зларадна пасміхаўся

«Абавязкова пашанцуе, – думаў пра сябе Мяшок. – Такое вялікае свята, шмат ветэранау, трэба з кімсьці з іх пазнаёміцца».

І ён пачаў актыўна дзейнічаць. Выбіраюцы адзінокіх ветэранаў, ён шчыра віншаваў іх, не скупячыся на пажаданні. У канцы дня ў сваёй кішэні Мяшок меў спіс, дзе налічвалася чатырнаццаць адрасоў былых вайскоўцаў – ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны.

Яму вельмі спадабалася, што большасць з іх жывуць адасоблена, далёка ад дзяцей і ўнукау.

«Ужо заўтра зноў пачну сваю дзейнасць па адыманню ўзнагарод у былых франтавікоў,» – блукалі думкі ў ягонай галаве...

ВЯЧЕСЛАВ ДАНИЛОВ

Родился 31 августа 1970 года в г. Торез Донецкой области Украины. По образованию – бухгалтер. Пишет стихи с шестнадцати лет. Участвовал в 14-ти коллективных сборниках, в том числе в «Антологии современной русской поэзии Беларуси». Состоял в редколлегии альманаха «Панядзелак». Печатался во многих республиканских газетах и журналах, среди которых «Неман», «Немига Литературная» и др. Автор книги стихов «На ладонях тишины» (2008 год).

Маме

Благодарю за снежный пух
И дождь осенний на руках.
За то, что я ни слеп, ни глух,
За утро в белых облаках.

Что я осмысленно в окно
Могу вглядеться в тишине,
За всё, что лишь тобой дано,
За жизнь, что подарила мне.

***

От всей души желаю Вам
Воздвигнуть с куполами храм,
Чтоб вера в тех стенах жила,
Хватало всем её тепла.

Чтоб знали все, куда идти
Через сугробы на пути,
Чтоб каждый там духовно рос
Оставив в прошлом реки слёз!

***

Как одиноко без тебя,
Я понял лишь сейчас.
И, что такое ждать, любя,
Изведал в первый раз.

Большие серые глаза
Ночной экспресс унёс,
Я не успел тебе сказать,
Что я влюблён всерьёз.

Сказать, нисколько не шутя,
Что плохо будет мне,
Когда вагоны улетят
Навстречу тишине.

***

Я тот, кого застать врасплох
Уже не так-то просто.
Я тот, кому не нужен вздох
И лишние вопросы.

Вокруг меня уже не те,
Не те, что были раньше…
И я уже не в темноте,
И не в объятьях фальши.

Меня уже не злит давно
Всё то, что раньше злило…
И я уже смотрю в окно
Теперь не так уныло.

Мой голос стал звучать ровней,
Всё чаще улыбаюсь,
И в суете дождливых дней
Уже не потеряюсь.

Меня не ранят те слова,
Что сказаны невеждой…
Теперь, ребята, чёрта с два,
Расстанусь я с надеждой!

***

Шпили высоких костёлов
Небо вечернее ранят.
Солнце от дум невесёлых
Красным тюльпаном завянет.

Птицы покинули гнёзда.
Нет больше листьев зелёных.
Тучи укутали звёзды
Шумом дождей не рождённых.

***

Все правильно, аж зло берёт.
Всё сходится, как надо.
По небу солнышко плывёт,
Сменяя звездопады.

Судьба хранит меня от слёз.
Удары все отводит.
И если трудно мне всерьёз –
На выручку приходит.

Хранит меня от зла и бед,
На славу охраняет.
Врагов, что были, больше нет –
Она всех убирает.

Всё правильно, аж зло берёт.
Всё сходится, как надо.
А мне бы всё наоборот, –
Чтоб только ветер рядом!

***

Пустые мысли. Смысла нет в словах.
Приблизиться к Светилам – лишь мечта.
Слезу из глаз выдавливает страх.
А за спиной зияет пустота.

Не понимая многого, живу.
Стираю о дорогу башмаки.
Топчу асфальт. И кое-где траву.
Летать мне, к сожаленью, не с руки.

***

Стихам снижается цена:
Лежат на полках и пылятся.
Я вдруг подумал у окна:
«Не стоит даже и пытаться
Писать и складывать. И вновь
Раздумья класть мне на бумагу…
Про дружбу, веру и любовь,
Про бескорыстие, отвагу.
Всё это – старый нафталин,
Уже не действующий даже…

Пишу не только я один,
И кто угодно это скажет».

***

Видит Бог: я от обид ещё не плакал,
Только челюсти сжимались всё сильней.
Я на душу, что давно уже в заплатах,
Нашивал ещё одну заплату поскорей.

И никто не видел круче оптимиста,
И никто не верил в лучшее, как я!
Пусть на небе, на моём ещё не чисто,
Но придет моя минута, лишь моя!

И тогда мы все посмотрим, что случится!
И тогда ещё посмотрим, чья возьмёт!
Правда, может ничего не получиться,
Но минута просто так не пропадёт!

Мне надоело

Все в масках, париках, все как один, –
Кто сказочен, а кто литературен.
Сосед мой слева – грустный Арлекин,
Второй палач, а каждый третий – дурень.
В. Высоцкий

Мне надоело прятать чувства.
И не бывать самим собой,
И улыбаться, если грустно,
И веселиться, если злой.

Мне надоело быть игрушкой,
Пусть даже в любящих руках,

Каким-то тряпочным Петрушкой,
Что шевелится пальцам в такт.

Я был под стать марионетке,
И каждый вечер вновь, опять
Изображал жар-птицу в клетке –
Ту, что не хочет улетать.

Мне надоело прятать чувства,
За медный грош день ото дня
Купаться в море лже-искусства –
Оно уже не для меня!

***

Одним мазком напишет ночь
Тяжелых снов свою картину,
Сегодня прошлое отрину,
И в этом смогут мне помочь
Рассвета белых два крыла,
И жёлтый лист в бездонной луже,
И ветер, что запел снаружи
Такого хрупкого стекла…

***

Юный клён мягкотелый
Пожелтевший свой фрак
Сбросил в лужу несмело,
Погружаясь во мрак.
Отдыхают берёзы.
Мрачный город затих,
А соленые слёзы
Огорчают триптих.

***

Зашевелились мысли в голове,
Как только ночью тёмною проснулся.
Поют кузнечики зелёные в траве,
Печальный месяц в реку окунулся.

Хотелось очень многого достичь…
И не лежать в обшарпанной кровати.
Но на Луне газонов мне не стричь –
Отваги и умения не хватит.

***

Я стал какой-то равнодушный
Ко всем. И ко своей судьбе.
Я чувствую себя ненужным
Другим. И самому себе.

Живые умирают краски,
Теряют свой весёлый цвет.
Все люди вдруг надели маски,
И лиц открытых больше нет.

И я, как все, имею маску.
Душа в мажоре не поёт.
В добро не верит больше, в сказку,
В ней вера в Бога не живёт.

Не отыскать уже надежды
На солнечный грядущий день.
Эх, верить мне бы, как и прежде,
Но вот она – от маски тень...

***

Огонь умирает под слоем золы.
Ладоней твоих не согреет костёр.
Ветра этой ночью особенно злы.
И скрылся за тучами месяц. Хитёр.

***

Словно мальчишка, смеётся
Пухом летающий снег,
С неба набрав свой разбег
И оторвавшись от солнца.

Дом погружает в сугроб
Ставни окошек незрячих.
Будет пурга. Не иначе.
Бьёт бедолагу озноб.

***

Как я люблю тебя – никто еще не замечает.
Да я и сам ещё не в силах отменить.
Кому сказать – ведь скажут: «Не бывает,
Что можно просто фотографию любить.

Ведь фотография – бумага лишь простая,
С названьем «фотка» – только и всего».
Изображение на ней живым не станет
От дерзкого желанья моего.

На сердце тяжко. О несбыточном мечтаю…
Ты где-то в Лондоне читаешь «Монинг стар»,

А я о юности босяцкой вспоминаю
В красивом городе российском Краснодар.

***

А может, всё и делается к лучшему?
И нужно, чтоб сегодня я грустил?
Чтоб город отражался снова лужами.
И мокнул под дождем. И серым был.

И будет небо радугой украшено.
И мы пройдём в хрустальной тишине.
Ты ни о чём, пожалуйста, не спрашивай,
А лишь побудь со мной наедине.

***

Дыханье холода. Беды.
Тепла завьюжены следы.
Разрушен здесь старинный храм.
И бродят тени по дворам.
Растоптан Дух Святой, Христос.
И тонет Свет в истоках слёз.
Вокруг снега. И стынет кровь.
Забыта радость. И любовь.

***

Сколько на землю упало дождей?
Сколько растаяло белых снегов?
Сколько ещё потеряю друзей?
Сколько придёт их на место врагов?

***

Давно не виделись, малыш!
А ты одна... Куда спешишь?
Быть может, нам с тобою по дороге?
Среди толпы и срочных дел
Я предложить тебе хотел:
«Давай забудем все печали и тревоги!»

Открою я тебе секрет,
Кого люблю я столько лет.
И без кого мне в жизни этой очень плохо.
Давай пойдём потанцевать,
Как в прошлый раз, сейчас опять –
Повеселимся и развеемся немного.

Давай зайдём куда-нибудь,
Чтоб просто вместе отдохнуть.
Зачем нам время коротать поодиночке?
Ведь вечер ласковый такой!
Не зря мы встретились с тобой!
О том и звёзды нам толкуют, между прочим…

***

Растерзают темноту ножами фар,
Пробегая мимо окон, «легковушки».
Я от вечера с почтеньем принял в дар
Сны, что спрятаны в перине под подушкой.

Хорошо, когда в квартире тишина,
Ровный ход будильника чуть слышен.
Чашка кофе мною выпита до дна,
Чёрной кошкой примостилась ночь на крыше.

АЛЕКСАНДР ЗМУШКО

Родился 10 апреля 1981 года в Минске. Окончил факультет биологии Белорусского государственного университета по специальности «биотехнология». Научный сотрудник отдела биотехнологии РУП «Институт плодоводства» РБ (направления работы: «Генетическая изменчивость яблони в искусственных условиях» и «Коккомикоз – грибное заболевание вишни»).

В основном работает в жанрах научной фантастики, фэнтези, альтернативной истории, детской сказки, постмодерна. Имеет печатные публикации (в издательствах «АСТ», «Эксмо», журналах «Космопорт», «Уральский следопыт», газете «Виртуальные радости» и др.), победы в литературных конкурсах (за рассказ «Девушка у горы Коя-сан» занял третье место на конкурсе «Согласование времён» (2012 г.)), озвученные произведения («Клятва Марьям», журнал «Фантаскоп»). Автор художественных статей: «ОБЖ: как выжить в объятиях монстра» (журнал «ФанCity») и др. Принимал участие в организации литературного конкурса «Фант Доп-2013» на базе издательства «Аэлита». В настоящий момент является директором литературного кружка «Школа ЭФ» базе форума «Эксмо» (с 2015 г.). Литературный псевдоним – Саша Тэмлейн.

Город и маска
(Сказка-фантазия)

Однажды в город пришёл человек с тысячей масок. Он пришёл в яркий, погожий день: флаги полоскались над ратушей, словно разноцветные языки драконов, небо было чистым, будто тётушка Филла протёрла его тряпицей, и даже камни мостовой блестели нарядно, желая казаться поделочными.

При входе в город на нём была маска из слоновой кости.

Он держал у губ трубочку, с помощью которой напевал незатейливые мелодии. В руках он нёс букет обычных полевых цветов – васильков и ромашек, а одежда его была пыльной – обычной одеждой для странствия.

Уголки рта на его маске изгибались вверх.

На улице Прожорливых глоток он встретил маленькую девочку и вдруг опустился на одно колено.

– Как тебя зовут, дитя моё? – спросил он мелодичным, переливчатым голосом.

– Амели, – сказала она.

– Этот букет тебе, Амели, – сказал он.

– Ой, правда?

А человек в маске уже шёл дальше.

В переулке Бродячих котов он засунул старую маску в мешок и вытащил новую – изящную маску из светлого дерева, и её полные губы были чуть приоткрыты, будто смеялись. На площади перед ратушей, он встретил девушку, чья верхняя губа будто дразнила его чуть порочным изгибом, как будто просила поцелуя.

Человек в маске вновь опустил руку в мешок – и вытащил оттуда невероятной красоты розу, сработанную из латуни.

– Я пронёс её через пустыню и море, – сказал он. – И она достойна тебя – той, чья красота подобна освежающему ветерку, стекающему ночью со звёзд.

– Ой, правда?

Девушка взяла розу, запунцовела и отвернулась.

Третью маску человек надел чуть позже – маску одутловатого, Добропорядочного зажиточного Горожанина, с вислыми усами.

Зайдя в трактирчик «Шустрая пони», он присел за столик к тучному, огненнобородому завсегдатаю и предложил:

– Почтеннейший! Я здесь недавно, но если Вы расскажете мне о вашем дивном, вне всякого сомнения, городе, я почту за честь отблагодарить Вас тем, что оплачу обед.

– Я тоже могу рассказать, – сказал красноносый по соседству.

– А Вам я оплачу пиво, – учтиво согласился человек в маске.

И вот так он вскоре стал для дочери горшечника – чудным любовником, для Амели Понд – куртуазным ухажёром, для стропильщика – компаньоном по выпивке, для пивовара – отличным советником, и для всех жителей города – самым близким, самым настоящим другом, которого только можно представить.

Он прожил в городе недолго: может, весну, а может, две.

Дочь стропильщика получала от него подарки, Амели – цветы и забавные безделушки, которые он вырезал из дерева, стропильщик – регулярно получал свою пинту пива по выходным, а пивовар беседовал с ним о разных дальних странах и сортах пива: от лагера до тёмного бока. И все, даже пастор были убеждены: человек в маске – очень славный человек!

«Самый настоящий славный приятель – говорил про него мажордом. – Где ещё такого сыщешь! Только скрытный немного».

«А так даже и лучше, – уверяла дочь горшечника. – Так бы приелось одно лицо, а так целуй и целуй разные маски!»

Но со временем жителям города захотелось узнать о человеке побольше.

– Почему бы тебе не снять маску? – напрямую спросил мэр. – У нас в городе ничего скрывать не принято!

– Да, но ведь я так привык, – защищался гость, впрочем, уже давно ставший своим парнем, да и вообще – во многих заведениях – завсегдатаем.

– Привык – не привык, – сурово сказал мэр. – А это дело такое! Снимай маску, и дело с концом! Мы самоуправства не потерпим!

– Или что? – тихо сказал человек.

– Или уходи из города!

Мэр распалился, его вислые щёки пылали.

– Ладно, – сказал человек.

Никто не думал, что он на самом деле уйдёт.

Никто не видел, как он ушёл.

Тихо, в неясный предрассветный час, он увязал свои тюки, пересыпал в мешки, купленные на рынке безделушки, подпоясал свою старую, невзрачную дорожную одежду, и пустился в путь. У его маски уголки губ были опущены.

Когда он вышел из города и тот остался далеко-далеко, а кругом – лишь пыльная равнина, бурьян и чертополох, человек сел на землю и снял маску. Под ней оказалось невзрачное лицо, рыжеватые волосы, торчащие клоками, и мутно-водянистые глаза. На вид ему было лет двадцать пять.

Человек плакал.

– А что, если они не примут меня таким, какой я есть? – сказал он фразу, казалось, повторяемую столько раз, что она мраморно запечатлелась в уголках его губ.

Наконец, он утёр глаза и поднялся.

– В мире ещё много городов, – сказал он. – Попробую ещё раз.

Он одел маску из слоновой кости, уголки её губ были подняты, выудил из сумы свирель и принялся насвистывать подбадривающую себя саму мелодию. Более не оглядываясь, человек пошёл вперёд – там виднелось поле с ромашками и васильками...

ТЭРЭЗА КАВАЛЬЧУК

Нарадзілася 17 красавіка 1962 года ў Свіслацкім раёне, у вёсцы Студзенікі, каля маляўнічай Белавежскай пушчы. Працуе загадчыкам бібліятэкі ГУА «Гімназія № 2 г. Ваўкавыска». Стаж працы 31 год.

Яшчэ вучаніцай у часопісе «Бярозка» друкавала дзіцячыя вершы. Напісала і выдала ў выдавецтве «Экаперспектыва» тры метадычных дапаможніка для бібліятэкараў і настаўнікаў: «Уроки информационной культуры» (2009), «Сценарии массовых мероприятий для школьных библиотек» (2010), «Данесці цудоўны скарб…» (2013). Друкуе артыкулы ў часопісах: «Бібліятэка прапануе», «Здаровы лад жыцця», «Экалогія», «Роднае слова», «Народная асвета», «Качели», раней друкавалася ў часопісах: «Читаем. Учимся. Играем», «Берегиня дома твоего».

Жэбра

(Апавяданне)

Непадалёку ад вёскі Елка жыў малады пан у сваім прыгожым маёнтку, якім можна было любавацца цэлы дзень, гледзячы на яго вежы. А вось сам паніч быў такі брыдкі, што нават не мог ажаніцца, хоць і быў багаты, і нават людзі гаварылі, што добрае меў сэрца. У вёсках, якія знаходзіліся пад яго уладай, людзі не скардзіліся, як гавораць «жылі, не тужылі». Паніч не здзекваўся над людзьмі. Той, хто добра працаваў, меў сваю гаспадарку. Некаторыя нават любілі свайго паніча і не жадалі яму дрэннага. Вёска Елка не была пад уладай паніча, таму тут людзі жылі вельмі бедна. З горада прыязджаў раз на два тыдні стары пан Аляксандр і абдзіраў людзей, як тую ліпку.

Сям’я Цагельнікаў жыла бедна, у іх было сямёра дзяцей. Горш за ўсё было пракарміцца зімой, калі заканчвалася бульба. Бацька Васіль быў вымушаны старэйшую дачку Адэлю апраўляць пабірацца па другіх вёсках. Праз некаторы час у вёсцы яе сталі называць не па імені, а далі мянушку Жэбра. Адэля нават спачатку з-за гэтага плакала, але потым не стала на гэта звяртаць увагі.

Старэйшы за Адэльку быў Янка, але ён быў патрэбны для работы, яго нанімалі ў вёсцы як парабка, і за гэта давалі хлеб. Дзяўчынцы першы раз было сорамна хадзіць па незнаёмай вёсцы і прасіць міластыню, але яна праз некалькі тыдняў прывыкла. Вось толькі ногі пакрыліся вадзяністымі мазалямі і балелі, асабліва ноччу. Людзі ёй пападаліся добрыя, распытаўшы перш пра сям’ю, затым давалі хто што мог: хто бульбы і цыбулі, хто акраец хлеба, а некалькі разоў пашанцавала: далі сала. Але больш за ўсё шанцавала Адэльцы тады, калі яе запрашалі за стол і давалі ў рукі акрайчык хлеба і налівалі гарачай стравы. Яна перш за ўсё аб міску грэла свае задубеўшыя і непаслухмяныя рукі, а затым з вялікім апетытам ела прэсны крупнік, і ёй здавалася, што смачней яго нічога не існавала.

Як толькі яна прыносіла свае здабыткі, да яе, як на крылах, зляталіся галодныя дзеці і хапалі, што толькі маглі, нават жавалі сырую бульбу. А потым бацькі забіралі ў іх з рук усё, і матка пачынала распальваць пліту і гатаваць страву. Накарміўшы ўсіх, гладзіла карміліцу, якой было толькі восем гадкоў, потым укладвала яе спаць. Адэльцы дазвалялі адпачыць адзін дзень, а потым зноў выганялі з хаты. Яна не крыўдзілася, сама бачыла, якая бяда і галеча пасялілася ва ўсіх кутках іх старой хаты.

З цягам часу яна ўцягнулася ў гэтыя вандроўкі, прывыкла думаць, што другога выйсця проста няма, бацькі не маглі пракарміць іх вялікую сям’ю. Разам з ёю не было каго адправіць. Брат, які нарадзіўся пасля Адэлькі, быў хваравіты і кульгаў на левую нагу, а астатнія былі зусім малымі.

Усё было, як і ў мінулым годзе. Адэлю ўжо пазнавалі ў чужых вёсках, але шкадавалі, як і раней. У адной хаце дазволілі пагрэцца, і адпачыць. Яна, узрадаваная ад непрадбачнага адпачынка, папрсіла дазволу пакалыхаць у люльцы немаўлятка, а потым нечакана, адагрэўшыся ад завеі, заснула, а калі прачнулася, засабіралася ў дарогу. Гаспадыня, паглядзеўшы на стомленае дзіця, запрасіла яе нават на начлег, але Адэля адмовілася – не таму, што была не стомленая ці не хацела начаваць у чужых людзей, не, яна прывыкла спаць, дзе папала, тут справа была зусім не ў гэтым. Бульбу, якую ёй надавалі людзі прыхапіў мароз, яе трэба было як мага хутчэй данесці да дому. Калі яна пацячэ, будзе нясмачнай. Таму яна, без вялікага жадання, вый-

шла на парог добразычлівага дома, забраўшы свае клункі, і рашуча затупала па снезе, шургаючы сваімі лапцямі.

Ісці было цяжка, груз цягнуў яе да зямлі, балелі ад торбы плечы, ад клункаў рукі, але яна цярпела. Цярпела і ўяўляла, як узрадуюцца яе маленькія сёстры і браты, пабачыўшы, што ёй дала гаспадыня, у якой яна калыхала маленькае дзіця. Гэта быў не хлеб, не – гэта быў проста цуд! Маленькія, кругленькія, нібы сонейка, пахучыя булачкі. Калі добрая гаспадыня гэты хлебны скарб Адэльцы перадала, ёй захацелася адразу ўсе іх праглынуць, але яна, панюхаўшы і абліз- нуўшыся, акуратна загарнула іх у чыстую анучку. Якое права яна мае есці такі цуд, калі дома малыя дзеці: Ядзюнька, Насця, Верунька і самая маленькая Анютка, – яна іх вельмі любіла. Яны такога цуда, як гэтыя булачкі, і не бачылі нават. Калі ў іх была такая якасная мука, то мама ім гатавала з яе смачную зацірку. А на Каляды мама выпякала вялікія смачныя караваі. Успаміны пра галоўнае свята адагналі ад дзяўчынкі страх перад завірухай і марозам, які ўсё крапчэў.

Адпачыць Адэлька баялася, яна можа сесці і не заўважыць як замерзне, пагэтаму трэба тупаць знямоглымі нагамі, не затрымліваючыся. Так яна вырашыла таму, што ўзгадала пра тое, што ёй раіла мама, калі адпраўляла жэбраць. Мароз крапчэў, а змерзлыя ногі перасталі слухацца, як бы пратэставалі ўсяму знямоганаму целу. Неўзабаве дзяўчынка зачапілася за нябачны ў снезе камень і паляцела разам са сваімі торбамі на заснежаную сцяжынку. Адэля балюча разбіла каленку, на якой адразу цераз панчошку праступіла кроў, але на гэта яна не звяртала ўвагу, трэба было ісці далей. Адэлька паднялася, атрахнула прамёрзлыя рукі і свой андарак і рушыла ў дарогу. Рана балела і замінала пераступаць, кроў адбілася на другой назе і яны паміж сабой змярзаліся, трэба было з болем іх раздзіраць. Гэта яшчэ больш раз'юшыла рану, і за дзяўчынкай цягнуўся крывавы след. Праз некальмі метраў яна не магла ўжо пераступаць нагамі, такая слабасць была ва ўсім целе, што яна, як падкошаная, павалілася на сцежку.

Спачатку было холадна ляжаць, а потым яна заснула і перастала адчуваць холад. Яна сніла маму і сваіх галодных сястрычак, яны елі прынесеныя нібыта ёю цудоўныя булачкі, і змярцвелыя пасінелыя вусны дзяўчынкі кранула ўсмешка. На яе стаў сыпаць бялюткі снег,

і праз некаторы час пакрыў бы яе цалкам, але на шчасце па гэтай якраз дарозе, а другой там і не было, ехаў малады паніч Юльян. Ён задумліва глядзеў на дарогу і разважаў наконт цяжкай долі сваіх сялян. Яму вельмі хацелася палепшыць іх гаротнае жыццё, але ён не ведаў, як гэта зрабіць. Грошай у запасе ў яго не было – параздаваў абяздоленым людзям. Хваробы касілі малых дзяцей, старыя хаты хіліліся на бок. Паўсюль, куды б ён ні паехаў, яму ў вачах бачыліся жудасныя карціны яго збяднелых вёсак, і гэта яму замінала адпачываць, адхіліцца, павесяліцца на якім-небудзь балі.

Раптам погляд паніча Юльяна прыцягнулі крывавыя плямы на снезе. Перш ён падумаў, што тут бегла воўчая зграя, але пазней разгледзеў ляжачую на снезе постаць дзіцяці. Ён загадаў конюху затрымацца, а сам пабег да засыпанай дзяўчынкі, доўга яе трос, але яна была, як непрытомная, твар яе быў такі самы бялюткі, як той снег. Паніч падняў яе на рукі, панёс на воз, накрыў яе кажухом, на якім ён ляжаў, а затым, падумаўшы трохі, зняў з сябе кажух і ім таксама накрыў дзяўчынку. Па дарозе ў свой маёнтак Юльян расціраў яе рукі і шчокі, але арганізм змерзлай дзяўчынкі не вяртаўся да жыцця.

– Хутчэй грэйце ваду, – крыкнуў паніч жанчыне, якая вышла з маёнтка сустрэць яго.

Адэльку распранулі і ў сарочцы палажылі ў цёплую ваду. І Бог над ёю змілаваўся, яна адкрыла свае прыгожыя вочкі. Паніч вельмі ўзрадаваўся, і па сваёй дабрыні спачатку сам пакарміў з лыжкі дзяўчынку, а потым сам паеў з такім апетытам, што жанчына, якая працавала ў яго кухаркай, была ўражана ўбачаным. Шмат усяго новага прыйшлося паспытаць Адэльцы за тыя дні, калі яна знаходзілася ў маёнтку. Ніколі ў сваім кароткім жыцці яна не бачыла такой прыгажосці, ніколі так смачна не ела, ніколі так мякка не ляжалася ёй, і ніколі яна не бачыла такой дабрыні.

Адэльцы здавалася, што яна папала ў чароўную казку, што калі яна прачнецца, усё імгненна зменіцца, прападзе маёнтак, а з'явіцца яе бедная хата. На ранку яна баялася расплюшчыць вочы, нібыта гэта ўсё толькі сон. Кожны дзень яе праведаць прыходзіў паніч і распытваў пра яе сям'ю, і кожны раз яна пунсавела, калі распавядала пра сваіх бацькоў, братоў і сястрычак. Яна ўжо папраўлялася, і сёння абавязкова задумала падняцца з ложка і пахадзіць па маёнтку, але тут

яе думкі накіраваліся да сваёй хаты: «Што ж я нарабіла, мама думае што я недзе змерзла пад снегам, а я тут разляглася на мяккім матрасе і забыла пра сваіх родных. Хто ж я пасля гэтага?»

– Пане Юльян, дзякуй вам за ўсё, што вы для мяне зрабілі, але адпусціце мяне ўжо дамоў, я ўжо здаровая, і змагу дабрацца да сваёй вёскі. Бацькі мае лічаць мяне ўжо загінуўшай, і можа шукаюць, ходзячы па вёсках, – склаўшы рукі, як пры малітве, папрасіла дзяўчынка.

– Хопіць мяне ўжо дзякаваць, а пра бацькоў не турбуйся, яны ведаюць, дзе ты. Я перш-найперш распытаў у жанчын хто ты, і дзе жывеш, і перадалі пра цябе вестачку, так што можаш ачуньваць далей.

– Не, не магу, мае меншыя сястрычкі з голаду пухнуць, а я тут у вас адпачываю, – і слёзы пацяклі з вачэй дзяўчынкі.

– Ты памыляешся, яны больш не галадаюць, я перадаў тое, што ты нясла ў завіруху, і дадаў трошкі сам.

– Ну, вось, а вы кажаце, хопіць дзякаваць, я не толькі дзякаваць, я маліцца за вас ўсё жыццё буду, – прамовіла Адэля.

Паніч пажартаваў гаворачы, што трошкі дадаў. Яго конюх адвёз да бацькоў дзяўчынкі цэлы воз харчоў, ён не хацеў, каб такая танюткая, прыгожанькая дзяўчынка жэбрала па вёсках. Маці яе, убачыўшы прадукты, аж рукі зламыла, ніколі за ўсё сваё жыццё яна такога багацця не бачыла.

Праз некаторы час Адэля вярнулася ў сваю хату, але ж болей жэбраць яна не хадзіла, таму што некалькі разоў за зіму ім ад паніча прывозілі муку, сала, бульбу, рэпу і многа іншага, без чаго нельга выгадаваць здаровых дзяцей. Адэлька доўга помніла пра паніча, і хоць усе гаварылі, які ён брыдкі, для яе ён быў самым прыгожым юнаком з усіх, каго яна ведала. А можа, яна была закаханая ў яго, аб гэтым яна не ведала, і не хацела нават думаць пра гэта: хто ён і хто яна?

З цягам часу на дзяўчынку сталі паглядаць ўсе хлопцы акругі, а ў касцёле яна на сабе лавіла заўжды позірк высокага чарнявага хлопца, і ёй гэта было вельмі прыемна. Толькі адна акалічнасць пазбаўляла яе шчасця, паўсюль яе называлі не яе імем, а Жэбрай. Не ведала дзяўчынка, што гэтая мянушка да яе прырасце на цэлае жыццё. Старэйшы брат ужо быў жанаты, і маці падрыхтоўвала дзяўчынку да любой неспадзяванкі. Яна дала зразумець, што Адэля жыве цяпер ў хаце брата, і калі да яе хоць хто-небудзь пасватаецца, яе тут жа аддадуць за яго замуж.

– Мамулечка, а калі прыедзе ў сваты зусім стары чалавек, ты за яго таксама мяне аддасі замуж? – спытала спалоханая дзяўчына.

– Таксама, і не віні ў гэтым сваю матулю, бацька і брат твой так задумалі.

– Няўжо ты, дачушка, не бачыш, як цесна стала нам, калі твой старэйшы брат ажаніўся? – апраўдвалася маці.

– Бачу, але чаму я ў вас заўжды вінаватая? Жэбраць – мне, з хаты гоніце – таксама мяне.

– Такі твой лёс, будзь пакорлівай, не гняві свайго бацьку, ён табе дрэннага не пажадае, – пяшчотна пагладзіла па галаве дачку жанчына. Гэта было ўсё, што яна для яе магла зрабіць.

Гаспадар быў бязлітасны, ён свайго рашэння не памяняе. Адэля цяпер сябе адчувала, як шчупак на гарачай патэльні, жагналася, калі чула шум на вуліцы, малілася пастаянна. А калі толькі заплюшчвла вочы, нагадвалася ёй брычка прыгожая, а ў ёй стары з клюкай. Яна была ўпэўнена, што нічога добрага да яе берага не прыб’ецца, яна па жыцці няшчасная. Але яна памылялася, лёс яе, пры божай дапамозе, напэўна, распарадзіўся па-іншаму. Першым і апошнім сватоў заслаў той прыгожы юнак з дальняй вёскі Крамяніца, які ўжо амаль цэлы год зыркаў на яе ў касцёле, і так і не падышоў: ці быў сарамлівы, ці несмелы – ніхто аб гэтым не ведае. Адэлька аж знямела, калі ў хату зайшлі статныя, багата апранутыя людзі. Яна не верыла сваім вачам і свайму шчасцю. Далей усё: падрыхтоўка да вяселля, само вяселле, пераезд – праляцелі так хутка, што, толькі апынуўшыся ў хаце Адама, яна адчула палёгку і сваё шчасце. Але шчасцем цешыцца доўга не прыйшлося: на яе абурылася, не ведама за што, сястра яе мужа. Абзывала яе жэбра і ўбогай, вяла на яе паклёп бацькам і брату. Адэля цярпела гэтую ману, але толькі да выпадку з каровай. Бацькі Адама прадалі старую карову, каб потым падсабраць яшчэ грошай і купіць другую, таму што са сваіх цялят выходзілі толькі бычкі. Грошы бацька паклаў за ікону Божай Маці.

– Прызнавайцеся, хто ўзяў грошы, – зароў аднойчы на ранку бацька.

Усе стаялі каля печы і глядзелі на яе, на Адэлю.

– Я не брала грошы, паверце мне, – упала на калені і злажыла рукі, як пры малітве, цяжарная маладая жанчына.

Але ад яе ўсе адводзілі вочы, і нават яе Адам. Ніхто ёй не паверыў. Цэлы дзень Адэля плакала і прасіла, але дарэмна, таму вечарам яна пайшла тапіцца. Каля рэчкі пачула як штурхаецца ў яе целе яе дзіцятка, павярнула да сваёй вёскі, прыйшла да сваёй хаты, калі вёску ўжо накрыла цёмная ноч і пачалі мігцець зоркі на небе. Яе, знямоглую, паклалі на ложак, але заснуць не прыйшлося: праз гадзіну яна скруцілася ад жудаснага болю, і адчула макрату пад сабою, калі адкінула коўдру заенчыла на ўсю хату – яна была ўся ў крыві. Немаўлятка, а гэта была дзяўчынка, нарадзілася мёртвай, яшчэ быў малы тэрмін, толькі шэсць месяцаў. Адэля цэлымі днямі бесперапынна плакала, нічога не хацела есці, таму што перажыванняў ёй яшчэ дабавілася. Праз тры дня прыехаў на падводзе Адам. З парога пачаў прасіць прабачэння. Расказаў, што ён знайшоў гэтыя грошы, скрала іх яго сястра Франя, і перахавала пад бэльку. Адэля маўчала, адвярнуўшыся да сцяны. Потым Адам зразумеў усё, паглядзеўшы на яе жывот, і пачаў плакаць і біць сябе кулаком па галаве.

– Як ты мог ёй не паверыць, яна ж цябе так кахала, – дакарала зяця маці Адэлі.

– Чаму вы сказалі кахала, яна што, цяпер мяне не кахае, я ж за ёю прыехаў, – шаптаў Адам цешчы.

– Нікуды яна пакуль не паедзе, ёй трэба адляжацца пасля такога здарэння, – запратэставала маці Адэлі.

– Я да вас не вярнуся, хопіць нада мной здзеквацца, пайду лепш да пана Юльяна ў маёнтак за прыслугу, – гледзячы прама ў вочы свайму каханаму сказала Адэля.

Апусціўшы галаву, у задуменні ён выйшаў з хаты. Праз некалькі дзён прыехалі бацькі Адама, свякроўка плакала і прасіла вярнуцца. Праз гадзіну Адэля здалася, але, прыехаўшы, пашкадавала аб гэтым. Франя на яе глядзела так, як і раней – з нянавісцю. Ніякай віны сваёй яна не адчувала, але доўга гэта не працягнулася. Бацька яе не прабачыў, адмалаціў, цягаючы за косы, і сказаў, што аддасць замуж за старога Лёсіка.

– Ты што, з глузду з’ехаў, – крычала маці. – Ён жа хворы, суседзі наводзілі плёткі, што ён не можа нічога рабіць і збіраецца нават распрадаваць сваю гаспадарку.

– Нічога, хоць за чорта, але яе ў нашай хаце не будзе, – рашуча сказаў бацька.

Так ён пастанавіў, так і зрабіў. У хаце стала спакойна, душа Адэлі аж нарадвацца не магла, свякруха яе палюбіла як дачку, і яна адказвала ёй і адчувала да яе таксама такія пачуцці. Праз два гады Адэля нарадзіла сыночка Ванечку, а потым праз два яшчэ і яшчэ. Было ўжо ў іх хаце весела, бегалі адзін за адным шэсць дзетак. Бацькі Адама памерлі, але іх парадак у гаспадарцы і хаце падтрымліваў Адам, а дапамагала яму яго каханая жонка. Адно здарэнне азмрочыла шчаслівае жыццё гэтага сямейства: памёр стары муж Франі, і ёй трэба было пастаянна дапамагаць.

Адэля адпраўляла да яе за сем кіламетраў свайго мужа ўсё часцей і часцей, таму што Франя сябе адчувала дрэнна, а праз некаторы час і зусім злягла. Адэля вырашыла забраць яе з трыма дзецьмі ў сваю хату, за ёю патрэбны быў дагляд. Калі Адам прывёз яе і, несучы на руках, пераклаў на ложак, яна не вытрымала і заплакала, і пачала прасіць прабачэння ў Адэлі, якую не бачыла цэлых васемнаццаць гадоў. Адэля абняла яе, выцерла слёзы, і паабяцала, што ўсё будзе добра, яна яе вылечыць. Перш за ўсё Адэля памыла жанчыну, расчасала яе зблытаныя косы. Нацерла і памасажыравала схуднелае яе цела. Падбіла подушкі, і тут Франя схапіла яе за руку, Адэля аж схамінулася ад нечаканага яе руху.

– Прабач мяне, дурную, мяне не пакідае мінулае. Я не ведаю, што са мною тады было такое, я старая дзева, а ты да нас прыйшла такая малодзенькая і шчаслівая, і я пазайздросціла твайму шчасцю, і мне хацелася, каб табе так было дрэнна, як мне. Мяне ніхто не кахаў, а брат з цябе пылінкі здуваў. Ты, Адэлька, святая жанчына, я толькі цяпер гэта зразумела, калі ты мяне забрала і даглядаеш, як сваю сястру. Аб адным цябе прашу: калі мяне не стане, не кідай маіх дзетак.

– Я табе абяцаю, не кіну, і буду пра іх дбаць і клапаціцца, як пра сваіх, але ты ачуняеш, Франечка, я ў гэтым проста ўпэўнена. А я даўно цябе прабачыла, Бог усіх прабачае. А хто я такая? Травінка на гэтай зямлі.

Сястра Адама вылечылася, брат ёй аддаў сваю хату, а сабе пабудаваў новую. Жылі непадалёку адзін ад аднаго брат і сястра дружна пад Богам і па-людску – так, як ім наказваў у сваім запавеце іх бацька.

Яблычны спас усіх «спас»

(Апавяданне)

Вецер шамацеў у прыгожых галінках і лістоце. Дрэвы нібы штось хуценька шапталі нам. Аматарам прыроды не хацелася адсюль ад'язджаць, лес так і вабіў сваёй халаднаватай асалодай. А сонца з-за аблокаў нібы ўсміхалася лесу, а можа, і нам. Мы з маленства любілі лес – так, як яго любіла ўся наша сям'я. Усе назаўсёды запомнілі бабуліны словы, што толькі дзякуючы лесу выжыла наша сям'я ў гады ваеннага ліхалецця. Мая бабуля Зося часта ўзгадвала ваенныя гады, і гэтыя ўспаміны назаўсёды ўрэзаліся ў маю дзіцячую яшчэ памяць...

Пачалі на небе лятаць падазроныя самалёты, і ў вёсцы Цераспаль пачалі людзі гаманіць пра вайну. Многія не верылі, не маглі ўявіць, што гэта страшнае здарэнне можа закрануць іх, мірных жыхароў сваёй Радзімы, якія самі для сябе ўсё дабываюць і нікому ніякага зла не жадаюць. Гэтае страшнае слова не сходзіла з вуснаў дарослых і дзяцей. Людзі хадзілі адзін да другога часцей, чым раней, каб разам супакоіць свае страшныя думкі, якія лезлі ў галовы дзень і ноч, асабліва ноччу нельга было заснуць ад прадчування нейкай надыходзячай бяды.

Выгляд у аднавясконцаў быў стомлены, змораны. Што вайна, гэта дрэнна і страшна, здагадваліся нават дзеці. Спачатку ўсе былі ўпэўнены, што гэтая вайна хутка скончыцца, а потым зразумелі, што гэта надоўга, яшчэ зразумелі, якая яна страшная і жудасная, калі ўбачылі абозы, якія ехалі з фронта. Жанчыны з вёскі пахапалі, хто малако, хто хлеб, хто сала, і пабеглі да дарогі. Яны хацелі пакарміць параненых салдат, але тое, што яны ўбачылі, так іх уразіла, што яны, як статуі, застылі на месцы, забыўшы пра свае пачастункі. На вазах ляжалі акрываўленыя маладыя хлапчукі, жываты ў іх былі перавязаныя чырвонымі бінтамі, але пад імі калыхаліся кішкі. Гэтыя

параненыя, зусім яшчэ дзеці, доўга сніліся бабулі Зосі начамі і стаялі перад вачыма нават днём.

Страшна было слухаць гул нямецкіх самалётаў, у любы момант маглі паляцець з іх снарады, але яшчэ больш страшна было ўбачыць фашыстаў зусім побач з сабою. У той дзень, ці дакладней час, калі фашысты наехалі, як саранча, на вёску, бабуля ішла з крамы, прыціскаючы да грудзей яшчэ цёпленькі хлеб. Хто тады ведаў, што гэта апошні хлеб, які яна набыла у краме, а потым прыйдзецца яго самой пячы. Са страху бабуля аж прыліпла да плоту, проста ўрасла ў яго, ледзь не паваліла чужую агароджу. А карнікі усё ехалі і ехалі на машынах і матацыклах. Іх была ўжо цэлая процьма. Апошнія з гэтага эшалону па чарзе затрымліваліся каля хат і рабавалі збянтэжаных людзей.

Яны адразу напалохалі не толькі дзяцей, але і дарослых сваім жудасным нахабствам. Бегалі па дварах, хапалі кур, гусей, індыкоў, парсюкоў. Збіралі ў свае каскі яйкі. Гаспадары, у якіх было многа дзяцей у сям'і, не маглі спакойна глядзець, як немцы распраўляюцца з іх гаспадаркай, яны спрабавалі ім перашкодзіць і тут жа атрымоўвалі смяротныя раны ў галовы прыкладамі, а тых, хто яшчэ спрабаваў нешта супраць зрабіць, забівалі чэргамі з аўтаматаў. Паўсюль чуўся енк жанчын, плач жудасна спалоханых дзяцей.

Бабуля Зося кінулася стрымгалоў на свой хутар. Яна бегла з адной думкай: толькі б паспець. Яна была ўпэўнена, што фашысты заехалі і на яе хутар. Баялася за сваіх дзяцей, аддыхалася толькі тады, калі ўбачыла, што на хутары ўсё спакойна, не даехалі ворагі яшчэ сюды. Але адпачываць не было часу: трэба было схаваць ад карнікаў прадукты, каб было чым карміць дзяцей. Зося не магла ў гэты момант думаць, яна толькі магла дзейнічаць. Хавала ў стагі сена ўсё, што пападалася пад рукі: збожжа, бульбу, адзенне. Нават хлеб, які ўсю дарогу прыціскала да сябе, таксама туды засунула, не дала галодным дзецям. У агародзе вырыла вялізныя ямы і нахавала туды сала разам з цэбрам, мяса ў шкляных слоіках, зноў бульбу і зерне, сухія грыбы і садавіну. А потым сядзела на прызбе і маліла Бога, каб не сунуліся да яе на хутар фашысты, але дарэмна: на наступны дзень зранку пачула ўжо знаёмы страшны рокат матацыклаў. Фашысты прыехалі не рабаваць, а жыць, таму што адразу са сваімі клункамі накіраваліся ў хату.

Гэта было яшчэ страшней. Не магла нават уцяміць Зося, што будзе жыць разам з немцамі. Аглядзеўшы пакоі, немцы пачалі крычаць: «Шнэль,» – і штурхаць жанчыну разам з дзецьмі да дзвярэй. Не дазволілі нічога ўзяць з рэчаў апроч адзення, якое ляжала каля ложкаў, на якіх яшчэ спалі дзеці. Выгнаўшы ўсіх на вуліцу, фашыст паказаў пальцам на хлеў. Зося, помнячы пра расправы ў вёсцы, моўчкі пайшла да хлява. Апрануўшы дзяцей, яна іх угаварыла маўчаць, і нічога не распытваць у яе, і яшчэ сонных паклала на салому.

Яна стала «ламаць галаву», што прыдумаць, як можна жыць без хатніх рэчаў, без посуду, без свечак, без нажа. Савацца да немцаў у хату яна баялася: забіць яе і дзяцей ім толькі на руку, ніхто не будзе ім перашкаджаць. Але як можна пакарміць дзяцей? Пачала пад плотам шукаць стары прадзіраўлены чыгунок. Скруціўшы дроцік, знайшла камень і забіла дзірку. Насыпала бульбу і пачала распальваць на агародзе касцёр. Трэба было карміць дзяцей, кур, парсюкоў. Яна моўчкі глытала свае слёзы, але нічога не магла зрабіць, яна не магла рызакаваць сваімі дзецьмі. Ёй было цяжка глядзець на сваю хату і не ступіць нават на яе парог. Праз некалькі дзён фашысты прымусілі малодшую дачку Алесю, якой толькі споўнілася шэсць гадоў, прыбіраць ім пакоі. Гледзячы, што вытвараюць карнікі з яе хутарам, зжымаліся ў Зосі кулакі. Хацелася адкапаць нямецкі аўтамат і папрактыкавацца на гэтых катах.

У вёсцы, недалёка ад хутара, жыў бабулін родны брат. Меў ён дзве дачкі-прыгажуні. Старэйшая Яна, малодшая Веранічка, у якой была цяжкая і прыгожая каса. Яна ўжо цэлы год сустракалася з хлопцам са сваёй вёскі, даўно збіраліся пажаніцца, але ўсё адкладвалі. Не маглі ўсім паказваць сваё шчасце, калі вакол было столькі гора. А тут наранку прыйшоў стараста і прачытаў фашысцкі загад, у якім было напісана, што Яну і яшчэ сем прыгожых дзяўчынак заўтра адпраўляюць на працу ў Германію. Матка Яны адразу загаласіла.

– Божа мой, злітуйся, яна ж у нас такая хворая, паглядзіце на яе бледны твар, некалькі разоў на гэтым тыдні трациіла прытомнасць.

– Нічога не ведаю, – злосна адказаў стараста. – Загад ёсць загад, яго трэба выконваць.

Яна пачырванела, ад страху не ведала, што ёй рабіць, што прыдумаць: ці прызнацца бацькам, ці далей утойваць свой грэх.

– Мама, тата мне трэба вам нешта важнае сказаць, – пачала размову дзяўчына. – Я не з-за хваробы траціла прытомнасць, я цяжарная, ужо на пятым месяцы.

– Божа мой, што ж рабіць, – яшчэ болей загаласіла маці.

Палову ночы гарэла свечка, думалі, раіліся між сабой, нават бабулю з хутара паклікалі, і не дарэмна. Гэта менавіта яна прыдумала падмяніць сясцёр. Вераніка адразу згадзілася выручыць сваю цяжарную сястру, але наадрэз адказвалася адрэзаць сваю прыгожую касу, а ў Яны была стрыжка.

– Ох, якая бяда да нас завітала, у мяне ужо мазгі не варацъ, як мы іх падменім, не вельмі яны і падобныя, пазнаюць усе ў вёсцы, – не ўнімалася маці Яны.

– Я буду ісці да цягніка, апусціўшы галаву, закручу каля шыі хусцінку, а касу схаваю пад ватоўкай, – угаворвала ўсіх Вераніка.

Бацька маўчаў, а потым пагнаў усіх спаць, трэба было рана ўставаць. Раніцай Вераніка, расплюшчыўшы вочы, убачыла сваю касу, якая ляжала каля яе на падушцы. Бацька ноччу адрэзаў дачцы касу, баяўся рызыкаваць. Доўга крыўдзіцца на бацьку Веранiцы не давялося, не даехала яна да Германіі, у цягнік патрапіла бомба, і некалькі вагонаў былі раздробленыя ўшчэнт. У адным з іх ехала Вераніка. Рана была смяротнай: ад левай рукі да самага бядра. Праз некалькі хвілін яна сцякла крывёй. Не паспелі санітары пакласці яе на насілкі, як яна заплюшчыла свае прыгожыя карыя вочы.

Сярод ночы ў хаты сонных людзей прыходзілі карнікі, паднімалі ўсіх, а дзяцей ставілі да сцяны тварамі, і настаўлялі на іх аўтаматы. Пасля гэтага гаспадары аддавалі апошняе дабро і харчовыя прыпасы, якія былі схаваныя на апошні дзень. Самі ўсоўвалі немцам гарэлку, каб толькі ратаваць сваіх дзяцей ад смерці. Горай было тым, у каго ўжо нічога не засталося, усё панеслі немцы. Ім нічога не заставалася, як даносіць на сваіх суседзяў ці аднавяскоўцаў. Яны даносілі, у каго засталіся яшчэ прыпасы ежы, у каго схаваныя дабротны кажух ці воўна, у каго жыта, і гэтак далей.

Сем'і, у якіх было многа дзяцей і якіх не да канца абрабавалі фашысты, ноччу ўцяклі ў лес. Хутка, на скорую руку рылі зямлянкі. Спалі на зямлі, засланай яловымі лапкамі, па шасцёра чалавек у маленькіх зямлянках. І вось жа цуд: не было ім цесна і душна, хапала

ўсім паветра. Калі ў іх скончыліся прыпасы, Зося бегала да іх кожную ноч, насіла ім харчы, якія прыхавала ў стагах і ў агародзе. Людзі ў вёсцы спалі апранутыя, абутыя, яны адчувалі сябе, нібы на вайне. У любы момант, нават сярод ночы, прыходзілі каты і загадвалі адкрыць куфар, затым, вывернуўшы ўсё на зямлю, выбіралі тое, што ім спадабалася, астатняе таптаді сваімі бруднымі ботамі.

Зося была, як сувязная паміж бежанцамі і партызанамі. Дзе знаходзіліся партызаны, яна ведала, раней да іх часта хадзіла, але цяпер, калі побач былі фашысты, баялася надоўга адлучацца з хутара, таму што трэба было партызанам – перадавала ім цераз бежанцаў (так яна называла людзей, якія жылі ў зямлянках). Гэты год выдаўся ўраджайным, нібы прырода і зямля адчувалі ўсенародную бяду – голад. Нараслі не бачаныя ніколі ў агародзе: бульба, бурачкі, морква, цыбуля. А ў садзе аж галіны гнуліся ад яблыкаў, сліў, грушаў. Каб Зося толькі магла, яна б многа садавіны аднесла бежанцам – там жа дзеткі. Зося з вечара насыпала мяшок гародніны і садавіны, хавала яго, а ноччу, як толькі немцы заснуць, яна адносіла ўсё галодным людзям. Праз лес было цяжка валачы такі груз, яна чаплялася за кусты і расліны. А калі зачапілася за камень і рассыпала свой «скарб», не вытрымала і расплакалася. Прыйшлося Зосі перасіліць сваю слабасць, яна сціснула сваю сілу ў кулакі, прысела на кукішкі і, пазбіраўшы рассыпаныя па траве бульбу і яблыкі, панесла далей.

Калі пачало халадаць, жанчыны хадзілі па лесе, збіралі шышкі і галінкі, бо дровы закончыліся і не было чым паліць печы. Дзве жанчыны адышлі далёка ад вёскі і натыкнуліся на бункер, адтуль выйшаў палонны, ён збег ад немцаў. Папрасіў у жанчын хлеба. Жанчыны пашкадавалі галоднага чалавека, пабеглі ў вёску, прынеслі харчы, накармілі, пераапранулі ў цёплае адзенне. Даглядалі яны яго некалькі месяцаў, а потым гэтага палоннага схапілі немцы, і ён выдаў даверлівых жанчын, назваў іх імёны і вёску, дзе яны жылі. Жанчын схапілі фашысты, без допытаў вывелі за вёску і расстралялі, і так і пакінулі ляжаць каля грушы, пахаваць іх не дазволілі. У іх засталіся сіротамі маленькія дзеці. У Марыі-нябожчыцы іх было чацвёра, а муж загінуў на фронце. Суседка Марыі і яе сяброўка, якая ўцякла з Ленінграда са сваімі двума малымі дзецьмі, не магла гэтых чатырох сірот пакінуць паміраць ад голаду, яна іх забрала да сябе і

даглядала, як сваіх дзяцей. Але самы маленькі Васілёк быў такі галодны, што неяк наеўся сырога цеста, і ў яго адбыўся заварат кішак, а фельчар, які служыў немцам, быў у той дзень п'яны, і не дапамог беднаму малечы, і хлопчык памёр. Дзяцей другой жанчыны карміла ўся вёска. Вайна рабіла людзей мужнымі, яны маглі справіцца з невыноснымі цяжкасцямі. З голаду не паміралі, толькі дзякуючы лесу, ён падтрымліваў аслабеўшых людзей. Лавілі зайцоў і іншых лясных жыхароў. Грыбы, ягады, лекавыя травы збіралі ўсе – гэтым і ратаваліся.

Каля самага хутара былі зараснікі ягадніку чарніц, таму кожны год дзеці Зосі елі смачнае варэнне. Хаваючыся ад немцаў, Зося пастаралася хутчэй назбіраць чарніц для дзяцей, у катле зварыла смачнае варэнне, але фашысты знюхалі і, калі Зося раскладвала з катла варэнне па слоіках, немцы забралі ўсё сабе. Перад тым, як забраць, яны загадалі Зосі самой перанесці сваё варэнне ў хату ў кладоўку. Нічога не засталося дзецям, нават лыжачкі чарнічнага варэння.

Фашыстам падабаліся беларускія баравічкі, яны іх смажылі з бульбай і салам, і толькі пагэтаму адпускалі Зосю з дзецьмі ў лес. Гатавалі ежу самі – ідаць, баяліся, каб іх не атруцілі. А Зося і збіралася нават іх атруціць, яна ж ведала ўсе ядавітыя грыбы. Над гэтым думала Зося, калі збірала з дзецьмі грыбы, і тут нечакана пачула сваё імя. Зося прыслухалася, але ўсё было спакойна, яна нават падумала, што гэта ёй здалося, але пачутае раней паўтарылася зноў. Яна загадала дзецям адпачыць і стаяць на месцы, а сама пайшла туды, з якога боку пачуўся ёй шэпт, і ледзь не наступіла на гэтае «штосьці».

Зося прысела на кукішкі і стала адграбаць лістоту, і пад ёй стаў відны твар страшнага, стомленага, зарослага, схуднелага чалавека. Ён ляжаў і не варушыўся, як мёртвы, напэўна, страціў прытомнасць, аддаўшы ўсе свае сілы, калі клікаў сваячку. Зося апусціла галаву да яго грудзей, ён нават не дыхаў. Зося стала яго трэсці і лупіць па шчаках. Праз некалькі хвілін пачуўся яго стогн, і ён расплюшчыў вочы. Гэтыя вочы ёй былі знаёмыя: такія самыя, карыя і вялікія, былі ў яе гаспадара, які быў на фронце. Прыглядзеўшыся, Зося ў гэтым страшным чалавеку стала распазнаваць мужнінага брата Алеся. Вусны яго былі патрэсканыя, жанчына здагадалася, што ён не еў і не піў вады многа дзён. Зося пачала шукаць у кішэні, каб знайсці хоць што-

небудзь ядомае. Знайшоўшы сухар, яна адламала кавалачак і засунула яго ў рот мужчыне, але, відаць, у яго не было сілы яго жаваць, а можа, без вады перасохла ў яго ў роце. Трэба ж было нешта рабіць, а як яго ратаваць Зося не магла прыдумаць. Яна, «ламаючы галаву» над гэтым, сама пачала жаваць гэты сухі хлеб, а потым, каб яго спакусіць, яна спачатку дала яму яго панюхаць, а затым стала запіхваць сілай яму ў рот. Пачуўшы хлебны пах і смак, Алесь пачаў глытаць хлеб.

«Дацягнуць да бежанцаў у зямлянку, я не змагу нават з дапамогай дзяцей. Дахаты нельга, немцы знойдуць,» – думала Зося. І тут яна ўспомніла пра мядзведзя, якога бачыла ў бярлозе, якая чамусь правалілася. Гэта было якраз на гэтым месцы. Зося, як чумная, стала бегаць па лесе, у пошуках бярлогі, але дарэмна, яна як знікла. Расчараваная жанчына не ведала, што ёй рабіць, але Бог паслаў выратаванне, яна наткнулася на варонку ад снарада. Яма была вялізарнай, залазіць у яе было стромна, значыць, гэтая немчура сюды не палезе. Зося вырашыла збоку зрабіць паглыбленне, зямля была свежай і лёгка было рыць нават рукамі. Наламала яловых галінак, пасцяліла на зямлю. Потым пабегла за Алесем. Вельмі цяжка было яго валачы па траве, але яна спецыяльна адмовілася ад дапамогі дзяцей, няхай лепей яны пра яго не ведаюць, малыя яшчэ могуць прагаварыцца. Засадзіўшы яго ў пячору, яна завалiла ўваход сухімі галінамі, каб не было прыкметна.

Загаварыў Алесь толькі праз нядзелю, калі яна палячыла яго травянымі адварамі, лекавымі ягадамі. У тое, што пачула ад Алеся, немагчыма было паверыць, але яна ведала, што гэта чыстая праўда. Гісторыю свайго выжывання ён пачаў з таго часу, як патрапіў у нямецкі канцлагер. Людзі там мерлі як мухі, сотнямі. Кармілі дрэнна, можна сказаць, што зусім не кармілі. Раз у тыдзень іх зганялі на забор крыві, кроў патрэбна была раненым фашыстам. Працавалі ад цямна да цямна, назіраў за ўсімі канвой з сабакамі, і калі хто падаў ад стомы ці хвілінку адпачываў, атрымліваў па галаве пугай, на канцы якой было прымацавана жалеза, якое рассякала галаву чалавека. А калі чалавек падаў і не мог хутка падняцца, яго дабівалі чаргой з аўтамата. Фашыстам трэба было выкачаць з палонных кроў, і, спаліўшы іх целы, пусціць попел на ўдабрэнне нямецкіх зямляў.

Баланду ванючую не елі нават сабакі, але яны елі. Праз тры месяцы Алесь так аслабеў, што зразумеў, што гэта прыйшла яго смерць. Але тут з’явіўся шанц на выжыванне. Прыехаў з падводай тоўсты немец, апрануты ў рабочую вопратку. Ён, пагаварыўшы з канвоем, звярнуўся да палонных на ломанай рускай мове: «Кто ест быстро дойти до воза, поедет мне». Алесь зразумеў, што калі ён не зможа выкарастаць гэты шанец, ён прападзе. Ён сабраў, нібы ў кулак, усю сваю сілу, заскрыгатаўшы зубамі так, што яны ажно затрашчалі, і пабег, сілаю прымушаючы пераступаць непакорныя свае аслабеўшыя ногі.

Той таўсцяк аказаўся добрым чалавекам, ён не проста так забіраў людзей да працы, ён іх выратоўваў. Падкармліваў, а потым адпускаў на волю, а немцаў з лагера падманваў, што палонныя памерлі ад хваробаў. Нармальныя людзі былі нават у краіне ворагаў. Сабраўшы ўраджай, яны патрэбныя былі толькі пад час уборкі, яны сабраліся дадому, ведалі, што гэта небяспечна. Герман, так было імя гэтага добрага чалавека, дапамог з вопраткай, даў хлеба і сала на дарогу. Алесь дазнаўся яшчэ па дарозе дадому, што ў вёсцы фашысты, і накіраваўся на хутар да брата, і выходзіць, што тая акалічнасць, што ён страціў прытомнасць і не дайшоў да хутара, выратавала яму жыццё.

Зося вельмі перажывала, каб фашысты не знайшлі хованку, але бяда прыйшла з другога боку. На дарозе паміж вёскай і хутарам знайшлі двух забітых немцаў. Паўсюль былі аблавы, а калі фашысты не знайшлі партызанаў, яны пачалі расправу над мірнымі жыхарамі. Зосю з яе дзецьмі, штурхаючы ў плечы, пагналі ў вёску. Спачатку Зося думала, што яе з дзецьмі немцы гоняць расстраляць, і пачала ўяўляць сабе страшную карціну, як ляжыць яна акрываўленая, раскінуўшы рукі, а вакол яе ляжаць забітыя яе дзеці. Але калі прайшлі лес, яна ўздыхнула з палёгкай: каб карнікі хацелі яе забіць, навошта ім было так далёка цягнуць, у лесе ім было б зручней з ёю расправіцца. Тут раптам яна ўбачыла натоўп людзей за вёскай, сэрца адразу з болем закалацілася. «Значыць, будуць усіх паліць,» – такая думка адразу прыйшла ад Зосі. Падыйшоўшы бліжэй, яна ўбачыла, што мужчыны рылі вялізарны роў, іх і астатніх пільнавалі немцы. «Значыць, будуць расстрэльваць, а потым яшчэ жывых закопваць,» – здагадалася Зося.

Жанчыны стаялі, прыцiскаючы да сябе сваіх дзяцей, яны былі апранутыя ў прыгожыя сукенкі, таму што ў гэты дзень было царкоўнае свята – «яблычны Спас». Яны ўсе шлі ў царкву, але прыехалі карнікі і пагналі ўсіх натоўпам за вёску. Акружылі немцы з сабакамі, і білі прыкладамі аўтаматаў тых, хто да іх падыходзіў з пытаннямі. Дзецi плакалі, жанчыны галасілі, а гаспадары моўчкі глыталі свае слёзы. Фашысты прайшлі па ўсёй вёсцы і сабралі астатніх жыхароў, а старых і нямоглых гэтыя варвары расстралялі нават на іх ложках. Роў быў яшчэ не глыбокі, але чамусьці немцы загадалі вылезці з яго мужчынам і пакідаць рыдлёўкі – нешта змянілася. Пад'ехала бліскучая чорная машына, з яе вылезлі фашысты, злыя як сабакі, размахвалі рукамі і нешта даказвалі. Усе яны былі злосныя, нярвовыя, акрамя аднаго, які гаварыў то на польскай мове, то на нямецкай. Гэты афіцэр быў спакойны і аб нечым думаў. Былі ў яго добрыя вочы, якімі ён аглядаў спалоханых людзей, было бачна, што ён іх шкадуе. Потым ён нешта доўга даказваў фашыстам, і нават прасіў іх аб нечым. Тыя ўжо перасталі размахваць рукамі.

– Я – естэм поляк, я – чловек вэнжонцы. Джішь свято «яблычны Спас», пагэтаму я вас фшысткіх выратаваў, – гаварыў афіцэр на польскай і беларускай мовах. Потым ён яшчэ нешта гаварыў, але Зося толькі запомніла яго прозвішча, і доўга за яго малілася, і вырашыла за яго маліцца да самай смерці.

Выратаваныя людзі сталі верыць у перамогу, да іх прыйшло празрэнне: калі з імі здарыўся такі цуд, то Бог дапаможа перамагчы фашыстаў.

ВЯЧАСЛАЎ КОРБУТ

Нарадзіўся 2 ліпеня 1972 года ў Слуцку. Скончыў філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1994 годзе, юрыдычны факультэт Белдзяржуніверсітэта – у 2000 годзе. Паэт, празаік, публіцыст. Піша па-беларуску. Вершы друкаваліся ў газетах «Чырвоная змена», «Наша Ніва», «Літаратура і мастацтва», «Сям'я», «Беларуская ніва», у часопісах «Маладосць», «Вожык», «Першацвет» і інш. Аўтар чатырох мастацкіх кніг: «Цар-алень» (1997 год: вершы), «Начны мастак» (2000 год: вершы і апавяданні), «Чаму ўсміхаецца сонца?» (2005 год: вершы і паэмы), «Байкі дзядзькі Лапатуна» (2010 год: сатырычная паэма, байкі, гумарыстычныя апавяданні). Друкаваў свае творы ў некалькіх калектыўных зборніках. Член Саюза беларускіх пісьменнікаў з 2000 года. Аўтар серыі кніг, прысвечаных прадпрыемствам Беларусі. У цяперашні час працуе на літаратурна-выдавецкай ніве. Кіраўнік літаратурнага клуба «Экватар». Жыве ў Мінску.

Любіце Радзіму

Любіце Радзіму, як поле жытнёвае,
Як сціплай хваінкі сто першы расток,
Любіце Радзіму за сэрца сталёвае,
Што столькі стрымала пакут незрарок.

Любіце за верас на хлебным суквецці,
Дзе столькі пралілі народнай крыві,
Любіце Радзіму, мы ж родныя дзеці
Яе небакраю, што нас апавіў!

Пракосы палёў, мураваныя храмы,
І рэкі, як сціплыя межы быцця,
Мы цэгла той светлай ваколічнай брамы,
Дзе роднае слова, як светач жыцця!

Любіце Радзіму, яна нас атульвае,
Як маці малое сваё немаўля,
Яна берагіня, як шчасце агульнае,
Святая, як хлеб, Беларусі зямля!

Востраў

Набудзь палетак, знайдзі той востраў,
Глыні глінтвейна, знімай кашулю,
Бо гэтак трэба знайсці наш востраў,
Які не знікне, як лісце з ліпы,
Наступіць люты, я мы, як птахі,
Што спяць на скалах крылом да неба,
І, як касаткі, нырнем у мора,
Што дна не мае, ды ёсць праменні
Тваіх сігналаў, маіх здагадак,
Што захаваюць наш дзіўны востраў,
Дзе б’юць крыніцы, цяпло і песня,
І ліры творцаў былых эпохаў.
Жыве той востраў у вадаспадах,
Каралях пляжаў, зяленых мілях,
Там неба спіць, памяняўшы зоры
На стужкі з мройнага перламутра,
І ты знайшла, ты ідзеш з лагуны,
Павольна, томна, бы тая зорка,
Святло імчыць на наш вольны востраў.

***

Ты ведаеш мяне, я ведаю прастору,
Якая глушыць сем гукаў,
Што вальготна знікаюць ў цені
Здані, што накрыла чвэрць галактыкі,
У якой усе зоры сінія, а камет няма,

Бо ў студзені тройчы гучала гітара
На тыя басы, якіх не пачуць дужым.
Мы ж драўляныя фрэскі багемнага замку,
Што першы пабудавалі птушкі,
Што вярнуліся з той галактыкі,
Дзе зоры сінія, а камет няма.
Ты ж ведаеш мяне…

***

Ты Элада мая, ты мая Афіна,
Ды як пушчанскі воўк завые,
Як скіне скуру лайдак-трус,
То і бераг сіняга возера знікне,
Змоўкне ў тумане з Папараць-кветкай,
Якую ахоўваў воўк.
Ты мая пушча і вяргіня мая,
На поўначы зоры змяшаліся, і сэрца,
Што раскалілася ад пакутаў, лёгка,
Без бляску нашпігаваных манет,
Звініць, кідаючы талеры сваёй пяшчоты,
На той бераг, дзе ты мая Афіна, мая Элада,
Пераўтварылася ў пушчанскую каралеўну.
І таньчаць побач з намі купалькія языкі агню!

***

Радзіма, прачынайся. Боль і гнеў –
За волю сваю крэўную ганебна.
Даносіцца дзесь песень родных спеў,
І толькі вецер чэша нашы рэбры,

Навокал безліч птушак, як прыліў
Таго вялікага, чаго мы супраціў,

Імкнемся перасіліць нашу стому,
Каб песні сонца несліся дадому.

Мы там, дзе крыгі рваных гарадоў,
Багамі перакрытыя праспекты,
І ты спытаеш, ці я быў гатоў,
Каб веліч праўды вырвалася в пекла.

І хто такі сягоння гэты свет,
Што прагне вабна золатам іскрыцца,
Дзе эмігрант, смяльчак, адно ж плывец,
Адзін з паўсотні выжыў. Маладзіца

Ягоная з дзіцём на мора дне,
Ужо не даплыве да той Яўропы,
Кацёл сірыйскі варыцца ў вайне,
За ўладу распалёным стаў па кроплі.

І гіне свет, дзе заўтра цемры быць,
Якому ліху верыць сарамліва,
Мы маем голас, покуль не рабы,
І за свабоду б’емся мы цярпліва.

***

Напярэдадні халоднай зімы,
Човен, поўны раслін і хмызняку,
Поўны старых каранёў і кветак,
Пераплыў сем акіянаў і застаўся там,
Дзе скіфы ачышчалі золата. Там чары,
З якіх першы з людзей стане апошнім,
І вернецца раптам пунсовы захад
Над возерам Белага лебедзя…

На Вадохрышча

Срэбнае паветра,
Снег паўсюль блішчыць,
А з нябёс у гетрах
Месяц зіхаціць,
Ярка, смела, чыста
Неба ўсё мігціць
Мірыядам зорак,
А народ – бы золак.
Свята замаўляе
Свет вялікі ласкай,
Бог нас бласлаўляе
Вадзяною казкай.
Будзем чыста мыцца,
Чысціць дух і цела,
Кроплі той вадзіцы
Наталяйце смела.
Мыйцеся і свечкі
Гожа запаляйце,
Жыць усім вам вечна,
Бога бласлаўляйце!

***

Цяжкі ён, шлях твой, Радзіма –
Колькі ты бітай была?
Колькі сыноў нарадзіла?
Шмат і згубіць іх змагла.

Дзе за шыпы ці за ружы,
За векапомны той кліч,
Страчвала хлопцаў ты дужых –
Колькі ляжыць у зямлі?

Горкі ён, шлях твой, Радзіма...
Дзе палыном зараслі
Сцежкі ўжо, дзе ты хадзіла
Хворай па кволай раллі.

Хлебам дачок ты карміла
І сырадоем – усіх,
Меў каб народ тую сілу,
Меў на сваіх і чужых.

Ведаеш, маці-Радзіма,
Дзе твой няскошаны луг?
Там, сярод траваў надзіва,
Дзе ажывеш ты ад мук,

Што так звадзілі зласліва,
Ды той ўжо скончаны баль.
Славім тваю мы шчасліва
Непрадказальную даль!

Змены

Я мяняюся, як цені лістапада,
Як стамлёны прывід на скале,
Адраджаюся – у кроплях вадаспада,
І знікаю, і ўзнікаю, як на шкле.

Я такі, як тысячы папрокаў,
Як сусветны кінапрымітыў,
Не бестселер дзе, бутэльку грога
Стомлены ваяр не дацадзіў.

Я не веру, веручы ў сцены,
За якімі столькі глухаты,

Я не веру ў прывід пераменаў,
Што зманіў мільёны беднаты.

Я не мару марыць быць паперай,
На стале прафесара быцця,
Дзе са слоў – ужо адно хімера,
І да літар цягнецца дзіця.

Не аднекуль смелая дарога,
Напрасткі праз кроны і асфальт,
Так імчыць праз церніі да Бога,
І на ёй ніхто не крыкне: «Хальт».

Зноў мяняюся, як цені лістапада,
Праз дажджы хінаюся я ўбок:
Ад людзей з эмблемай «казнакрады» –
Да людзей з мянушкаю «прарок».

Не пра надзённае

Не гадуй мяне, колішні вецер,
Не гадуй, заняволены кут,
Моліць сонца халоднае вецце,
Дзе вавёрка вячэрала тут.

Так нясцерпна шукаў адзіноты,
Каб сябе і пачуць, і адчуць,
І хвалёныя радасці ноты
Праз балючы спакой праглынуць.

Спіць вялікае мора народу,
Спіць і самы чужы далягляд,
Дзе не будзе той колішняй моды
На без мэты прайшоўшы парад.

Сакавітага смешнага заўтра,
Дзе не будзе чырвонай ікры,
Дзе былога не знікнуць Манмартры,
Забудуюць Нямігу бабры.

А навокал – чарговыя цені,
Лёсаў нечых то гаспадары,
Зарываюць банкноты, ды ў цемры, –
З іх будуюць Нямігу бабры.

І табе, чалавек-валацуга,
Я вярну твой патрыманы плед,
Хай блукае жыццё зноў па кругу,
Да вавёркі ідзе на абед.

***

Скажыце, хто мы і з якой мы планеты,
Сюды завіталі на цуда-Зямлю,
Як промнямі сонца штодня тут сагрэты,
І верым у праўду ці сілу сваю.

Каб годна ісці па прасторах і стэпах,
Як тысячы тых, хто ў той вечнасці знік,
Хто штосьці шукаў і знаходзіў з імпэтам,
То – сэнс існавання, свае карані.

Так лёгка сказаць: я шчаслівы бязмерна,
Бо здолеў змяніцца насустрач святлу,
Адкрыцца і стаць чалавекам шматмерным,
З энергіяй шчасця, падобным цяплу.

Ды не, з нас не кожны жыве спагадліва,
З сям'ёю, прыродай, з сабою на здзек

Вялікай надзеі касмічнага дзіва, –
Для мэты якой ты жывеш, чалавек?

Для войнаў, нажывы, махлярства ліхога,
Каб існасць сусвету сабе прыгарнуць,
Стаць суперасобай. Што супердурнога,
Яшчэ не зрабіў, каб усіх падмануць?

Не трэба глуміцца над кожнай асобай,
Не трэба сябе, ды ў цямніцы, трымаць,
Наперад з паветрам, са свежаю здобай,
І кубкам гарбаты жыццё адчуваць!

Птушка

Птушка, о птушка з высокім крылом –
Птушка палёту бязмежнага, –
Мара паэта, схаваны твой дом
Недзе ля горада снежнага.

Неверагодна, ты пільна глядзіш
У свет, заклапочаны тэгамі,
Нам не па шляху, твой шэпт: што маўчыш,
Станем наўрад ці калегамі?

Болем аддасца апошні ківок,
Крылы вапруцца, ды ў сцены,
Ты не волі, Зямля – твой рывок
Да залатых пераменаў.

Колькі чакання і колькі дарог,
Звыкліся крылы бадзяцца,
Стогны іудаў, і крэўны Сварог
Прагне з табою спаткацца.

Дробныя рысы сучасных людзей,
Дробныя мары паэтаў,
Свечкі ля студняў, капканы ідэй,
Птушка, ратуйма планету!

Хлеба ім мала і мала цяпла,
Крохкія дозы свабоды…
Птушка параненай воддаль плыла,
Бойку спыніўшы народаў.

Быць чалавекам

Сягоння важна, як ніколі
Быць чалавекам на зямлі,
Магутны стаў ты сваёй воляй,
Багоў нашчадак. Караблі,

Ракеты, пад зямлёй калайдры,
Выпрабаванні з ДНК,
Смартфоны і 3D. Не Клайды
Нас атакуюць – са штыка.

Вакол пажары на планеце,
Спустошаных лясоў зашмат,
І сярод бежанцаў ёсць дзеці,
Стаў больш крывавым цыферблат.

Что час наш гэткі адбівае,
Наш планетарны метраном,
То ж чалавек Зямлю знішчае –
Цудоўны свой, багаты дом.

Рай электронны, свет касмічны,
Усё працуе на мяжы.

Калі заглохне звон крынічны,
Тады, відаць, і нам не жыць.

Сягоння важна, як ніколі,
Не існаваць, не выжываць,
А з розумам быць творцам долі,
Сваёй і тых, што змог спаткаць.

***

Прачынайся, грамада,
Хутка ўсё праспім,
Кульба часу па ладах
Прэ, як Аладзін.

Дзе ні востраў, там – свабода,
Поле – там курган,
Мы ж народ – раб агарода,
Лёс наш – барабан.

Не пусты і не вальготны,
Так, нібыта крэм,
Што намажаш ты на боты,
З часам перамен.

Ды яны ж у наш падворак
Аніяк не пруць,
О жыццё, на твой пагорак
Вельмі цяжкі пуць.

Дзе ж яны, вятрыскі зменаў?
Дзе, на самым дне!
Пад ільдом сучасных генаў,
Стаюць па вясне.

І тады на ўсіх прасторах,
Сёлах, гарадах,
Наш народ хай зрыне гора,
З думак сваіх страх.

Мы сваё з даўнінаў маем,
Ад дзядоў не здзек,
Будзь смялей, і свет спазнаеш
Вольны чалавек!

Сусед-афганец

Халодным пленам авалодае туман,
Туга і вільгаць восеньскага ранку,
Наперадзе жыцце, а там – Афган,
І дзе тваё жыццё, да шчасця планка?

Салдат былы, ён сёння – ветэран,
Ужо гады пажалі шавялюру,
Часцей баліць рука – парэшткі ран,
Далонь не тая і мускулатура.

Былы дэсантнік, горы і баі,
Іх пад Кабулам полк заўжды гатовы,
Даць бой, сваіх прыкрыць, свінцом паліць
Душманаў, іх бандыцкія высновы.

Салдат, табе радзей той сніцца пыл
Ад бэтээраў, пыхі куляметаў.
Сябры – часцей. Няма каго, скажы, –
Жыццё за іх прасіла так істотна.

А колькі на душы спяклося ран...
Ніводную не хочаш расцярушыць.

Цябе ў шыхты свае схапіў Афган,
Загад – і ты ў паход гатовы рушыць...

***

А недзе там, дзе стужыць мора,
Дзе чалавек губляе рай,
Дзе з вокнаў хат не бачна змораў,
Там ёсць адзіны дзікі край.

Там хтось шукае след надзеі,
Пасля імкне здзівіць наш свет,
І толькі песні чарадзееў
Да зор таемных ладзяць след.

І вось яна, зара настрою,
У гэтых мроях свет расцвёў.
І ты, і я, і нас не двое,
А міліёны – хто дайшоў.

Хто дацягнуўся да прасторы,
Усіх здзіўляючых вышынь,
Мы ж толькі людзі, а не зоры,
Нам не патрэбны лёс машын.

На ўскрайку свету ціш навокал,
Хрыпіць вулкан з глыбінь зямных,
І сярод нас няма прарокаў,
І сярод цемры мы адны.

Згубіўся след да светлай мары,
А мо яго звяргае быль,
І зніклі сярод нас пачвары
І маладушныя рабы.

Свабоду дзён хвалюе песня,
Для нас, хто зведаў боль нягод,
Святло магічнае ўваскрэсне,
Сагрэе сонца й наш народ.

І мы, стамлёныя ад жалю,
Ад барацьбы і халадоў,
Масты ў мінулае падпалім,
Каб шлях далей гукаў наноў.

Восені букет

І.В.

А восені букет, ён зараз твой,
Пранізліва ажыў наш лістапад.
Жар-птушка нам каронай залатой
Асвеціць шлях у восенькі той сад.

І восенькі букет, як быццам зніч,
Ён запалае – у тваіх руках.
Усмешкаю сваёй мяне пакліч,
Не, не забыты наш да шчасця шлях.

Магічны, непадкупны той букет
Багацці апавіў усе быцця.
Стаяла з ім, а восенькі ўвесь свет
Нам адбіваўся подыхам жыцця.

Мосцік

Мосцік вузенькі праз рэчку –
Усяго дзве кладкі.

Рэчка – так, як саматэчка,
Хоць пячы аладкі.
Дзе па пояс, дзе па ныркі,
Дзе глыбей – па грудзі,
У рачулкі выгляд зыркі,
Любяць яе людзі.
То сябрыну тут наладзяць,
То казу напояць,
Нехта пяткі вадой гладзіць,
Шчупачыху зловіць.
Цеплым летам пры народзе
Моладзь каля рэчкі
Карагоды спраўна водзіць,
Песні льюцца, спрэчкі.
Вось аднойчы каля кладкі
Недзе ранкам – летам,
Два дзяды сышліся гладка
Кожны быў з імпэтам.
З розных вёсак, апантана,
Па сваіх йшлі справах,
Кладка-та шырэй не стане:
Крок улева-права –
І ты ўжо вады па бруха
Легка паспытаеш.
Чэша дзед адзін за вухам,
А другі пытае:
– Мне хутчэй, ты пачакаеш,
Трэба за бавоўнай.
А другі яго пытае:
– Ведаеш Пятроўну?
Валянціну, з маладосці
Яе паннай звалі?
– Жонка то мая, – без злосці
Дзеду адказалі.
Тут, хіба што солі з’елі, –
Вось табе і цуда,

Дзед на дзеда паглядзелі
Рысакі-няўклюды.
Панны муж пайшоў на кладку
Каб пратэпаць першым,
А другі – о, непарадкі,
Стаў шчэ болей грэшным.
Яго кульбаю ды ў рэчку
Папіхнуў рачуча,
Не стрываў і сам з той спрэчкі
І зляцеў, бы з кручы.
У вадзе стаяць дзядулі,
Лыпаюць вачыма,
Ім – бы маладосць вярнулі,
Бо адну дзяўчыну
Яны некалі кахалі –
Там, у маладосці.
Быў адзін мілей для Валі –
Просты сам, без злосці.
Дабрыню яна цаніла
У сваім абраным,
Добрае жыццё пражыла –
Так наканавана.
І пайшлі дзяды на бераг,
Кожны бок свой ведаў,
Хто без злосці, хто без веры –
З перчыкам паснедаў.
Рэчка льецца перакатам,
Беражкі крутыя,
А жыццё, яно страката
Ладзіць байкі тыя.
Не адну наш мосцік шчыра
Можа распавесці.
Трэба, людзі, жыць у міры,
А не кульбай трэсці!

ЛЮДМІЛА ЛАЗУТА

Лазута Людміла Паўлаўна нарадзілася 27 чэрвеня 1954 года ў вёсцы Едначы Гродзенскай вобласці. Сярэднюю школу скончыла ў Слоніме. Пасля заканчэння Мінскага дзяржаўнага медыцынскага інстытута працавала ўрачом-педыятрам у Воранаве, Слоніме, Гродне. На працягу дваццаці гадоў працавала галоўным урачом дзіцячай паліклінікі ў Мінску. Перыядычна размяшчала апавяданні ў часопісах «Здоровье и успех», «Домашний очаг», у газетах «Воскресение», «Веснік БДМУ». Прыхільніца ідэі «адказнага бацькоўства»: у дзецях – наша будучыня, таму не можа быць чужых ці нічыіх дзяцей. У цяперашні час займаецца педагагічнай дзейнасцю: працуе ў Мінскім дзяржаўным медыцынскім універсітэце. У 2014 годзе выдала кнігу малой прозы «Імгненні».

Непагаснае святло надзеі
(Апавяданне)

Калі восень пачне зноўку клікаць зіму,
Чутны крык жураўлінае зграі.
Адганю я свой сум, вочы ў неба ўзніму –
Вы скажыце яму, што чакаю…

Добры дзень, мой каханы, мой непараўнальны, адзіны і незабыўны! Прайшло ўжо тры гады, як я вырашыла болей не пісаць мае безадказныя пісьмы табе, ды зноў не стрымалася. Цяжка маўчаць, калі сэрца хоча размовы. Ведаеш, у нас добрыя навіны: нарадзіўся яшчэ адзін працягвальнік роду, хлопчык у ўнучкі маёй сястры. Іванам назвалі. А яшчэ твой малодшы пляменнік купіў сабе новую прыгожую машыну, будзе яму ямчэй зараз ездзіць без усялякіх дарожных неспадзянак, ужо ж таксама не малады. Але што ж гэта я? Узялася за ручку не дзеля навінаў, хоць яны і вельмі радасныя. Прызнаюся – спалохалася, што можа ў наступныя дні цяжэй будзе пісаць, рукі слабеюць…

Вырашыла распавесці аб маім бясконцым каханні, пара прыйшла, каб ты ведаў. Старая ўжо, мо і не давядзецца пабачыцца, калі

з Божай дапамогай ты ўсё ж знойдзешся. Раней была ўпэўнена, што будзе магчымасць расказаць аб усім пры сустрэчы. Не здарылася. Вось і застанецца маё пісьмо, мо хоць яно свайго часу дачакаецца…

Памятаю, як суседка, што працавала ў сельсавеце, прывезла звестку, што скончылася вайна. Паветра ў вёсцы раптам ажыло, напоўнілася нязвыклымі гукамі: адны жанчыны галасілі ад роспачы і жалю да загінуўшых у вайну, другія абдымалі адна адну і радаваліся, што ёсць каго чакаць з фронту, дзеці бегалі кругамі і хваліліся адзін перад другім яшчэ не бачанымі ўзнагародамі сваіх бацькоў, якія ўжо, мабыць, едуць дамоў. Да гэтага часу перад вачыма, як жывыя, постаці дзеда Антося і кульгавага дзядзькі Сямёна, моўчкі ўкленчыўшых перад крыжам ля завулка. Яны, не саромечыся, плакалі, расціраючы далонямі слёзы па змучаных худых тварах, дзякуючы Богу за збавенне ад агіднай фашысцкай пачвары. Потым да іх далучыліся і жанчыны: кожная шаптала сваю малітву, сваю падзяку. А потым паціху ўсе разышліся па дварах, разам з вечарам на вёску насунулася доўгая цяжкая цішыня, бо ў кожнай хаце былі свае сямейныя асаблівыя ўспаміны аб загінуўшых.

Павячэраўшы, мы таксама доўга яшчэ сядзелі ля стала. Вырашылі, што сёння ўжо не абавязкова спаць апранутымі. А я падумала, што раніцай не трэба будзе нацягваць хусткі на самыя вочы, хаваць маладыя твары ад немцаў, абвязваць галовы мокрымі ручнікамі і залазіць на печ, каб салдаты думалі, што мы хворыя, у гарачцы. Немцы вельмі баяліся тыфу і тады хутчэй пакідалі хату, не паспявалі нават абрабаваць нас, забраўшы харчы. І ўжо не будзе страшна спаць, страшна выходзіць на вуліцу, страшна жыць у вёсцы, калі на амаль сто гаспадарак заставалася толькі трое мужчынаў: адзін калека і двое старых. Але мы ведалі, што тут, сярод сваіх, усё ж лягчэй было выжываць, чым вам, нашым бацькам і братам, нашым каханым там, на фронце, дзе кожны дзень смерць глядзіць у вочы, не шкадуючы, забірае жыцці ў гэтай страшэннай бойні без разбору…

Кожную хвіліну таго першага мірнага вечара я была агорнута ўспамінамі аб табе. Набраўшы з рэчкі вады для паліву агарода, затрымалася. Цёплы ветрык ласкава кранаў мае валасы і я нібы адчула дотык тваёй рукі, як быццам ты і сапраўды падтрымаў мяне на кладцы, як некалі, яшчэ да вайны. Потым бяссонная ноч: я думала

аб тым, што зараз, калі скончылася вайна, будзе лягчэй знайсці ўсіх без вестак прапаўшых. І ты абавязкова знойдзешся. Уяўляла, як выбяжыць насустрач твая маці, і, павітаўшыся з ёй, ты будзеш вачыма шукаць, дзе ж я. Не саромечыся, моцна прытуліш мяне да сябе і я зноў адчую пах тваёй скуры, твайго адзення, тваіх валасоў – твой пах. Я памятаю яго да гэтых часоў, ён непараўнальны, ён так і існуе ва ўсёй маёй істоце пахам адзіна каханага майго жаніха, назаўсёды ўсяўладнага гаспадара майго сэрца…

З фронту вярталіся амаль да самай восені. На некаторых прыходзілі запозненыя пахавальныя. Што рабіць – вайна за дзень спыніцца не можа. А тых, хто не вярнуўся і не лічыўся загінуўшым, працягвалі чакаць, услухваючыся доўгімі бяссоннымі начамі да кожнага шоргату ў двары. Тату з братам мы дачакаліся, а вось дзядзьку Хведара – не. Перад Новым годам цётка Ганна атрымала пісьмо з пахавальнай на мужа і падзякай ад камандавання. Так цяжка было ўсведамляць, што маленькі Іван, якога Ганна нарадзіла ў склепе, калі мы хаваліся ў час бамбёжкі, так ніколі і не ўбачыць бацьку, не адчуе моц і пяшчоту бацькоўскіх рук. А ён, на радасць усім, рос паслухмяным, быў матчынай надзеяй. Ажаніўся на дзяўчыне з суседняй вёскі, сына нарадзілі. Выгадаваць яго не паспеў – моцна захварэў, вылячыць урачы не далі рады. Сказалі Ганне, што сэрца ў Івана слабое было, хутка знасілася, вядома ж – дзіця вайны.

Потым, ужо наступнай вясной, амаль паўгады я жыла ў нашай сваячкі ў горадзе, вучылася на краўчыху. Дзень праходзіў у клопатах, а вечарам было вельмі цяжка і адзінока. Два разы на тыдзень на станцыю прыходзілі цягнікі з Брэста – я бегала іх страчаць: сэрца калацілася, здаецца, выскоквала з грудзей, калі цягнік спыняўся і з вагонаў пачыналі выходзіць вайскоўцы. У кожным з іх я хацела бачыць цябе. Іншым разам выносілі на насілках хворых і параненых, іх з вайсковых шпіталяў развозілі на далечванне па месцы жыхарства. Прыбіралася я перад гэтым рэгулярным наведваннем вакзала, як на спатканне. Вельмі хвалявалася, ці зможаш ты мяне пазнаць, калі раптам прыедзеш, ужо ж болей за чатыры гады мінула. Ну, а цябе я б здолела пазнаць нават ноччу, не трэба было б і ўглядвацца, бо адчула б сэрцам. Але ні адзін цягнік цябе не прывёз…

Час змяняў аблічча вёскі. Хтосьці пабудаваў новую хату, хтосьці рамантаваў старую. Усім мірам дапамагалі тым, хто застаўся без гаспадароў. Працавалі, спраўлялі вяселлі, нараджаліся дзеці. Пакрыху вайна адыходзіла, меней хварэлі, гаіліся раны на целе. Ды толькі не загойваліся яны ў сэрцах…

Ведаеш, я таксама магла выйсці замуж, да мяне сватаўся Косця з суседняй вёскі, вы з ім у адным класе вучыліся. Ён пад Варшавай быў паранены ў нагу. Доўга лячыўся, але, дзякуй Богу, раны зацягнуліся, толькі накульгвае трохі. Хлопец працавіты і памяркоўны па характару. Але ці магла я здрадзіць табе? Адмовіла яму, канешне, прасіла зразумець і не гневацца. Чакаў ён на мяне яшчэ тры гады, пазней ажаніўся на маладой суседцы.

Што гэта я зноў не зусім пра тое… Колькі гадоў на свеце жыву, а так і не навучылася, не саромечыся, распавядаць пра свае пачуцці. Ды і дзе знайсці тыя адпаведныя словы, каб было зразумела, што адчувала маё сэрца, калі я, устаўшы з жаўрукамі, колькі гадоў бягучы па лясной сцяжынцы на работу, кожным разам датыкалася да ствала нашай бярозкі, ля якой мы паабяцалі адзін аднаму быць вернымі назаўсёды? А куды было падзецца вёснамі ад пахаў чаромхі і бэзу – напаміну аб вялізным букеце, які ты, не саромечыся бацькоў, прынёс да нас у хату нядзельным ранкам. Я і зараз памятаю, як свяціліся і пераліваліся блакітам твае шчаслівыя вочы, калі працягнуў гэты букет мне. Часам мае дзявочыя мары пераносілі мяне на бераг возера, якое лічылася бяздонным і вельмі небяспечным, ды толькі не для цябе. Спакойны і прыгожы, ты падплываў да лілеяў і, даўшы нырца, вырываў іх з доўгімі сцяблінамі, каб падараваць мне. Кожная клетачка маёй істоты напаўнялася адчуваннем прыўзнятасці і шчаслівай удзячнасці за гэтыя цудоўныя і непасрэдныя знакі першага юнацкага кахання…

Вырасла мая малодшая сястра, выйшла замуж і паехала жыць да мужа ў горад. Потым памерла мама, яна амаль пяць гадоў вельмі цяжка хварэла. Мы доўга жылі з татам у вялікай хаце ўдваіх. А калі падраслі пляменнікі і сталі прыязджаць на канікулы, стала весялей. Я часта вадзіла іх па нашых сцежках, уяўляючы, як бы мы з табой радаваліся б сваім дзецям. Памятаеш – мы марылі, што ў нас абавязкова народзяцца двое хлапчукоў і дзве дзяўчынкі, вось толькі імёны так і не паспелі прыдумаць, перашкодзіла вайна. Не нарадзіліся і ўжо ніколі не народзяцца...

Аднойчы, калі мне было ўжо сорак гадоў, я трапіла ў навальніцу. Здавалася, што нястрымная маланка разрывае неба на часткі. Спачатку траскучы, а потым раскацісты і доўгі гром, як быццам, звісаў з неба над усім неабсяжным і сцямнеўшым наваколлем. Я стаяла адна на аселіцы, дзе да дажджу паспела зламыць сена ў капну, і… раптам наўзрыд заплакала, загаласіла – ад страху перад навальніцай і перад надыходзячай восенню жыцця, ад бездапаможнасці перад праявамі прыроды і лёсу. Мне было няўтульна і адзінока сярод гэтах магутных струменяў вады, якія змешваліся з салёнымі ручаінамі з маіх стомленых вачэй…

Хмары сплывалі з неба і знікалі за лесам так жа хутка, як і насоўваліся. Павіднела. З мокрымі валасамі, у наўшчэнт прамоклай адзежы я подбегам спяшалася дамоў. Насустрач, весела ўскокваючы ў цёплыя лужыны, несліся навыперадкі мае пляменнікі: Васілёк і Пеця. Перабіваючы адзін аднаго, распавялі, што хваляваліся за мяне, не разумеючы, чаму не сышла з аселіцы да дажджу. «Нічога з гэтым сенам не зрабілася б. Вось дзед канаплянку сказаў хутчэй табе занесці, ахіліся, калі ласка, наша цётачка, каб не прастудзілася,» – тараторылі яны. Ведаеш, гэтыя простыя дзіцячыя словы нібы падштурхнулі мяне зірнуць на жыццё з іншага боку. Стала зразумела і ад гэтага спакойна, што ў мяне ёсць шмат здабыткаў, якім трэба радавацца кожную хвіліну і дзякаваць Богу за ўсё. І зараз я добра ведаю, што самы вялікі здабытак для ўсіх на нашай зямлі – гэта мір і наваколле, напоўненае смехам дзяцей, ранішнімі спевамі птушак, чароўным пералівам званоў і грукатам навальніцы. Плакаць нельга, трэба ўсё рабіць дзеля таго, каб Васіль з Пятром добра разумелі, чым давялося людзям ахвяраваць дзеля Перамогі, і дбайна сцераглі наш далікатны спакой. І ніхто не зможа яго парушыць, калі мы будзем памятаць пра тых, хто не вярнуўся з вайны, дапамагаць пакалечаным, шанаваць пераможцаў, шкадаваць ненароджаных дзяцей…

Пакуль ішлі з хлопцамі дамоў, напланавалі, што заўтра з’ездзім ў горад: бацькоў наведаем і купім дзядулі новую сарочку, трэба радаваць родных. Як і належыць быць пасля навальніцы – на небе, ад-

мытым летнім дажджом, зазіхацела, запераліваласся сваімі непаўторнымі колерамі вясёлка…

Вось і пагутарылі, паўспаміналі. Перад вачамі твая незабыўная ўсмешка. Дзякуй табе за мір, за прыгажосць пачуццяў, за моц кахання, запаліўшага ў маім сэрцы непагаснае святло надзеі. Мы абавязкова сустрэнемся – праўда, не ведаю, дзе і калі…

Аддай мне твой боль
(Апавяданне)

Лютаўскія дзянёчкі для вясковай дзетвары, не гледзячы на неласкавую назву па месяцу, сталі больш лагоднымі: сонейка надаўжэй высоўваецца са свайго спальнага пакою, вышэй узбіраецца на неба, і хоць не зусім адкрыта глядзіць на ўсіх заспанымі за зіму вачамі, а ўсё ж весялей робіцца праводзіць вольны час у забавах. Так прыемна, стоячы на прамых нагах, хутка і па многу разоў злятаць па бліскучай ледзяной дарожцы-коўзанцы, якая, нібы стужка, цягнецца з самай вяршыні насыпу ля моста аж да сярэдзіны рэчкі, выгнуўшыся ў самым канцы невялікім гарбочкам. Патрабуецца добры спрыт, каб не скончыць спуск балючым прызямленнем, самі ведаеце, якім месцам цела. Таму так коўзацца адважваліся не ўсе, большасць малых з'язджала на кукішках: калі і падкіне напрыканцы, то падаць зусім не страшна – проста завалішся на бок. Дзеля большай весялосці і надзейнасці часта з'язджалі ланцужком, прысеўшы і трымаючыся адзін за аднаго, нібы вагоны ў цягніку. І калі на небе з'яўлялася сонейка, то гульня дзятву добра ўгравала і адважныя старэйшыя дзеці расшпільвалі, ці нават зусім здымалі верхнюю адзежу, узяўшы, канешне, абяцанку з малых, што гэтая акалічнасць не дойдзе да бацькоў.

Сёння была нядзелька. Пасля баршчу са смачнай квашанай капустай, умлеўшай ў печы разам са свіной рабрынай, чаму ж і не пабавіць двум братам некаторы час на горцы. Дзед, папалуднаўшы, няспешна патрухаў да сваёй сястры, бабулі Зосі, аж на другі канец вёскі, астатнія дарослыя, хто дзе, прыладзіліся пакімарыць, на тое і нядзелька. Пад вечар Міколу, старэйшага брата, чакаў адправунак на кані ў суседнюю вёску, каб заўтра ў тамашняй школе пачаць чарговы вучэбны тыдзень. Ды тое ж пад вечар, а зараз – рабі, што хочаш. Вырашылі ўзяць з сабой і санкі і канькі, каб атрымаць ад цудоўнага зімняга дзянёчка поўную асалоду.

Розніца ва ўзросце братоў была ў тры з паловай гады, але гэтая акалічнасць не перашкаджала ім добра сябраваць, яны ўвесь час былі побач, быццам звязаныя нейкай нябачнай ніткай. Мікола, русавалосы і танклявы падлетак, быў разважлівы, добра вучыўся, любіў шмат чытаць, ведаў напамяць мноства вершаў на беларускай і рускаў мовах і нават сам складаў радкі святочных віншаванняў. А яшчэ ён вельмі здатна ганяў на каньках, выпісваючы мудрагелістыя фігуры на расчышчаным ад снегу невялікім ледзяным квадраце рэчкі. Усё гэта рабіла яго аўтарытэт перад братам і суседскімі хлопцамі непарушальным. Янка ж ужо з малога быў вельмі жвавым і ў рухах, і ў словах, умеў па-дзіцячы пажартаваць. Мажнейшы за многіх сваіх аднагодкаў, кучаравы і круглашчокі, колькі разоў за дзень «аблятаў» вёску на сваіх быстраходных нагах. Паспяваў праведаць і прадзеда, і бабулю, і іншых сваякоў, паспрабаваўшы ўсялякіх прысмакаў амаль што ў кожнай хаце. Гарэзліваму і кемліваму хлопчыку ўсе былі радыя. Розныя даручэнні ад адных другім ён выконваў заўсёды дасканала і тэрмінова, дзед казаў, што мо і дачакаецца, калі ўнук вывучыцца і стане дзяржаўным чалавекам. Што гэта за з'ява такая – дзяржаўны чалавек, Янка пакуль што зусім не разумеў, але з дзедам пагаджаўся, бо той многа дзе паездзіў за сваё жыццё, шмат розных цікавых здарэнняў распавядаў і ўнукам, і дарослым. Дзеда вельмі паважалі ў вёсцы, за дарадамі да яго звярталіся. «Калі дзед кажа, значыцца буду,» – думаў сабе хлапчук.

Снег, накрыўшы лёд, пераліваўся рознакаляровымі іскрынкамі, нават балюча было вачам. Колькі радасці прыносіла рэчка, якая, выныраючы з-за лесу, набліжалася да агародаў жыхароў вёскі правым бокам, потым падзяляла вёску на дзве часткі, схаваўшыся натрохі разам з берагамі пад драўляным мостам. Далей, нібы стараючыся выканаць свой абавязак перад усімі сяльчанамі, якісьці кавалак свайго рэчышча зноў вяла ўздоўж сядзібаў, потым паварочвала, хутка мяняючы напрамак, каб урэшце дасягнуць лесу, але ўжо з паўночнага краю вёскі. Апынуўшыся пад аховай прыгажуняў-соснаў, яна станавілася больш глыбокай і юрлівай, падмываючы часам карані і на-

ват вельмі моцных дрэваў. Здаралася, яны ад гэтага страчвалі раўнавагу і падалі, утвараючы кладкі-масты паміж берагамі. Даплывала рэчка да больш магутнай ракі праз два кіламетры ад вёскі і знікала, аддаўшы ёй свае воды разам з усімі асаблівасцямі жыцця вёскі. Дзятва мела ад рэчкі радасць ва ўсе поры года. Зімовыя рачныя забавы мяняліся на вясновыя – рэчка разлівалася, бывала, што і мост ледзьве не зносіла, прыемна было бегаць у ботах па вадзе, якая хвалявалася па ўсёй аселіцы. Летам лавілі рыбу, купаліся, збіралі кветкі і шчаўе на лузе ўздоўж берага…

Усадзіўшы брата на санкі, Мікола хутка даімчаў да моста, вакол якога ўжо кішэла дзетварой: хто з санкамі, хто з лыжамі, хто з канькамі – месца для зімовых прыгодаў хапала ўсім. Нацягаўшыся санкаў наверх насыпу, браты прытаміліся, пасядзелі трохі на пераkладзінах мосту, вырашыўшы, што зараз перайдуць на правы бок, дзе каталіся на каньках. Так і зрабілі. Было вельмі весела: то ганяліся па тры чалавекі ў рад навыперадкі, то, узяўшыся за рукі, утваралі карагод. Вельмі хацелася піць, некаторыя дзеці шукалі далей ад катка маленькія бліскучыя ільдзінкі і лізалі іх, атрымліваючы асвяжальную асалоду. Калі ільдзінка рабілася зусім тоненькай, то яе тады проста клалі ў рот, атрымлівалася талая вада. Усе добра ведалі, што разагрэўшыся, нельга нічога халоднага піць, але кожны раз, падносячы лёд да языка, спадзяваліся, што пакуль трэба будзе праглынаць ваду, яна паспее ў роце нагрэцца і не пашкодзіць горлу. Так, добра нагуляўшыся, забываліся пра небяспеку захварэць, аб чым ні адзін раз папярэджвалі бацькі…

У панядзелак пад вечар за Міколкай у школу прыехаў дзядзька Сяргей. Седзячы ў санках, падварушваючы ўвесь час лейцамі каня, дзядзька вельмі ўстрывожана распавядаў, што ноччу захварэў Янка. Спачатку яму стала вельмі холадна, аж калаціўся ўвесь, захацеў легчы спаць на печы. Але хутка зрабіўся гарачы, прама не дакрануцца. Усё прасіў вады, ранкам зрабіўся зусім млявым, нават і піць не можа. Тата доктара прывозіў, той сказаў, што становішча хлопца вельмі сур’ёзнае, застудзіў грудзі. Лекі назначыў, ды пакуль што нічога не дапамагае…

У кухні сабралася амаль што ўся радня. Напружанае прадчуванне надыходу бяды павісла ў паветры. У пакоі былі толькі мама з

бабулямі, дзед, і цётка Алена, малодшая сястра мамы. Бялюткі твар брата быў відаць ужо ад дзвярэй. Кучаравыя валасы прыліпалі да ілба. Перыядычна Янка нібы хацеў штосьці сказаць, варушыў патрэсканымі, спаленымі жарам вуснамі, круціў галавой, узмахваў рукамі, а потым зноў упадаў у забыццё. Амаль суткі хвароба спальвала жывыя сілы дзіцяці. На маму было балюча глядзець. Патухшыя вочы сведчылі аб роспачы, яна ўжо не магла плакаць і толькі час ад часу шаптала малітвы, гледзячы на покуць, дзе віселі іконы. Толькі два гады назад мама страціла шаснаццацігадовую дачку, а мы – сястру, якая не змагла перамагчы дыфтэрыю. І вось новая небяспека навісла над жыццём самага малодшага ў сям’і…

Янка дыхаў часта, часам стагнаў і зацінаў дыханне. Кожнае такое імгненне станавілася гадзінай, бо кожны раз было страшна, каб яно не стала апошнім. Прыйшла суседка, прынесла настой нейкай травы, цётка Алена змочвала ёю сухія губы брата. Уздыхнуўшы, ціха пачала казаць аб тым, што раней у зарэчнай вёсцы жыла бабуля, якая ведала асаблівыя малітвы і травы, некаторых людзей выратоўвала. Але ж гэта было даўно, можа, і няма ўжо яе, старая была, не чуваць больш нідзе пра цуды. Мама схамянулася ў час расповеду суседкі і зноў заціхла, углядаючыся ў твар хворага сына.

Дзед некаторы час пабыў у пакоі, потым выйшаў на вуліцу, ціха зачыніўшы дзверы. Не трацячы час на роздумы, ён запрог каня і рушыў шукаць старую траўніцу. Лясную дарогу адолеў хутка, наблізіўся да ракі. Круты, абрывісты бераг быў небяспечны для спуску. Тады Васіль прывязаў каня да дрэва, перайшоўшы рэчку, пастукаў у акно крайняй хаты зарэчнай вёскі, дапытаўся, дзе шукаць лякарку. Амаль яшчэ тры кіламетры дабіраўся пеша да хаты бабулі, правальваючыся часамі ў глыбокі снег. Гэтай ноччу ён нібы нанова пражываў розныя моманты свайго жыцця, просячы ў думках Божага прабачэння за грахі і дапамогі ўнуку. Толькі б паспець, толькі б дайсці…

Ноч становішча Янкі не аблегчыла. Ён зрабіўся нейкім зусім худым. Здавалася, што за апошнія суткі малы пасталеў на колькі гадоў, зусім не дзіцячымі былі пакуты, якія пакінулі адбітак на яго твары. Мікола цяжка пераносіў хваробу брата: «Можа, нічога такога і не здарылася б, калі б яны не лізалі гэты халодны лёд. Янка ўсё рабіў

хутка, мо і не паспявалі тыя ільдзінкі растаць, глытаў, мабыць, і ваду ледзяную. Немагчыма цяжка глянуць у вочы маме. Як жа я так загуляўся, забыў пра тое, што адказваю за брата? Колькі разоў мама казала, што трэба быць пільным. Што ж зараз будзе?» Трапяткая дзіцячая душа пакутавала ад адчаю, Мікалай усю ноч прасіў Бога даравацъ усім памылкі і вярнуць здароўе брату.

Неба святлела. Хутка ўжо і ўпраўляць гаспадарку трэба ісці. Усе прысутныя памяталі, што абяцаў зноў заехаць доктар, жанчыны заставаліся яго чакаць, не хацелі пакідаць маму. Мужчыны пачалі апранацца. Адчыніліся дзверы. На парозе стаяў дзед, ніхто не ведаў, дзе ён быў, але па ўсім было відаць, што Васіль моцна стомлены: з расчырванелым тварам ён павольна пераступіў парог, дрыжачай рукой ніяк не мог націснуць на клямку, каб шчыльна зачыніць дзверы. Адразу накіраваўся ў пакой да Янкавага ложка. Скінуўшы кажух, апусціў яго на падлогу. Потым зняў цёплы швэдар, кінуў яго на кажух. Ніхто не разумеў, што ён надумаў рабіць, але было зразумела, што адбываецца штосьці важнае, вядомае толькі старому. Зняўшы нацельную кашулю, Васіль адкінуў тоўстую радзюжку і вачамі папрасіў маму дапамагчы. Стаўшы на калені, ён праз хвіліну прыўзняў на руках непрытомнага ўнука, апранутага ў яго кашулю. Невыносна цяжка было бачыць, як дрыжалі стомленыя рукі Васіля, усё мацней прыціскаючы да грудзей хворага ўнука. «Аддай мне твой боль,» – раз за разам шапталі дзедавы вусны…

Пад вечар Янка стаў дыхаць цішэй, не кідаўся на ложку. «Ён проста спіць,» – раптам прашаптала мама, паглядзеўшы на ўсіх запаўшымі стомленымі вачыма, у якіх з'явіўся маленькі агеньчык надзеі. Зноў прыехаў доктар. Агледзеўшы Янку сказаў, што хіба ўжо хвароба павярнула на папраўку. Толькі праз тры тыдні хлопчык выйшаў на вуліцу, каб падыхаць свежым паветрам вясны, якая стукалася ўжо ў вокны дзённай кропеллю.

І тады дзед здолеў расказаць, як ноччу ён паехаў на кані шукаць лякарку, праз якую казала суседка. Зусім старэнькая бабулька ўжо не бачыла нічога. Паслухаўшы пра хваробу ўнука шкадавала, што ўжо колькі гадоў не мае сілы збіраць свежыя травы для прыгатавання лекаў, а старыя можа і не змогуць дапамагчы. Але параіла прасіць у Бога дапамогі і моцна ў яе верыць. Потым сказала: «У жылах унука

цячэ твая кроў. Апрані на яго сваю кашулю, аддай малому ўсю моц сваіх жыццёвых сілаў, здолей пажадаць гэтага мацней за ўсё ў тваім жыцці. Можа, і дапаможаш. Трымайся, чалавеча, няма нічога больш вартага на гэтым свеце, чым магчымасць ахвяры дзеля самога жыцця». Дзед усё і зрабіў, як казала старая…

У мамы і ў бабулі доўга сядзеў у сэрцы страх: баяліся, каб дзед таксама не захварэў. Ды лёс вырашыў узнагародзіць яго – пражыў дзед амаль дзевяноста тры гады, не хварэў, проста аднойчы заснуў і больш не прачнуўся.

А Янка зараз сам дзед чатырох унукаў, стаў-такі дзяржаўным чалавекам, многім юнакам даў добрую навуку жыцця. Гэтай восенню восемдзесят пяты год нараджэння сустрэў. І кожным разам у гэты прыемны дзень мы слухаем яго расповед пра дзеда Васіля, пра жыццё ў роднай вёсцы, пра вялікую моц самага святога пачуцця сярод людзей. Таму мы з дзяцінства ведаем, што любоў перамагае ўсё, нават страшэнныя хваробы. Дзед Васіль пра гэта добра ведаў і казаў – значыць, так і ёсць на самай справе. Толькі заўсёды пра гэтую акалічнасць памятаць трэба і карыстацца часцей. Любоў – яна жыве там, дзе на яе не забываюцца, і, карыстаючыся, вельмі шануюць. Святая праўда…

ВЕРА ЛЕБЕДЕВСКАЯ

Родилась 31 октября 1976 года в г. Пинске Брестской области. В настоящее время живет и работает в Минске. Первое стихотворение написала еще в школе. В 2010 году впервые взяла в руки гитару и запела, с тех пор авторская песня стала главным увлечением.

Певица, поэтесса, музыкант. Является дипломантом и лауреатом многих белорусских фестивалей. В 2015 году выпустила музыкальный диск авторских песен «Оба правы» (музыка и исполнение – В. Лебедевская, стихи – В. Лебедевская, Т. Шеина, О. Норина, И. Луцюк, Л. Кубишек).

Песня о несбывшейся мечте

Тружусь который год, испытывая стрессы, –
Бумаги, цифры и балансовый отчёт…
И я решила: а пойду-ка в стюардессы,
Пусть мне подарит крылья чудо-самолёт.

Взглянула в зеркало – прекрасна, это ясно,
Со мною не сравниться даже топ-модель.
А мне летать поручат только бизнес-классом
И форму синюю подарят от Шанель.

Какая грудь – пойди найди во всей округе,
А коль увидишь – отвести не сможешь глаз.
А мне сказала моя лучшая подруга,
Что я похожа на шикарный контрабас.

С трудом в костюм любимый втиснула фигуру,
Начёс, помада, тени, каблуки… Вперёд!
Зашла на фирму. Мне сказали: «Что вы, дура?
Вас не поднимет в жизни в воздух самолёт!»

Ну, до чего ж не романтичные натуры!
Мне в небо из-за них взлететь не суждено!

А у меня вполне спортивная фигура –
Почти такая же, как у борца сумо!

Ведьма

Я босыми ногами по острым камням
Шла на смерть, задыхаясь от боли.
И за что же вы так не взлюбили меня,
Обвинив в колдовстве и крамоле?

И гудела толпа, и летели вослед
Комья грязи, угрозы, проклятья…
Я пыталась увидеть сквозь слезы рассвет
И согреться в изорванном платье.

Грязный локон когда-то был рыжим, как медь,
И веснушчаты девичьи плечи…
Ах, как жаль, что судьба мне сегодня сгореть,
Проклиная весь род человечий.

Пусть рождаются в вашем роду горбуны,
Злые карлики, рыжие дети,
Чтобы помнили, как на костре сожжены
Были сестры мои на рассвете.

Что рыдаешь, палач? Лишь тебе одному
Я позволю уйти от проклятий.
Сделай так, чтобы я задохнулась в дыму,
Здесь сырые дрова очень кстати.

Не изведаю боли в объятьях огня,
Не познаю терзающей муки.
Милосердный палач, полюбивший меня,
Поджигай! Я готова к разлуке.

История одного объявления

«Возьмите душу напрокат!» –
Висит в подъезде объявление.
И все соседи говорят:
– Какое странное явление!

Нет, верно, кто-то пошутил,
Конечно, Вася из двенадцатой!
Ведь он неделю страшно пил…
Или Семён из восемнадцатой?

К нему намедни на такси,
Как будто леди из Италии,
Присунулась «мадам-мерси»
С огромной частью ниже талии!

– А я уверена, Степан! –
Вопит Игнатьевна с начёсиком,–
Он тоже ведь бывает пьян! –
И изогнула бровь вопросиком.

– Нет, не Степан! Да это бред!
Он на моря уехал с Лидою! –
Сказал плюгавенький сосед
С едва заметною обидою.

– Что расшумелись? Дело вам? –
А это дворник кинул реплику, –
Идите, что ли, по домам!
Смотрите глупости по телеку!

И по квартирам разошлись,
Так и не вычислив виновника,
Как будто змеи расползлись.
Осталась лишь жена полковника.

Своею пухлою рукой,
Чтобы исправить положение
И всем вернуть былой покой,
Сорвать решила объявление.

И всё – исчерпан инцидент,
Покой укравший на мгновение,
Но есть один еще момент:
Моё висело объявление…

***

В нашем доме пахнет кофе
и предчувствием разлуки:
У любви, как оказалось, вышли сроки.
Жаль, но мы порой бываем
безнадёжно близоруки,
Равнодушны, и увы, опять жестоки.

Горечь прячу за улыбкой,
за сарказмом боль скрывая,
Говорю, не умолкая... нервы, сдали.
Как случилось так, что двое,
быть счастливыми желая,
На любовь друг друга словно обокрали?

Самолёт по глади неба вышьет
путь нечёткой строчкой,
Разделяя нашу быль на две неравных.
Мы теперь по руслу жизни
будем плыть по одиночке,
Ты и я. В дырявых лодках. Оба правы.

Чёрно-белая песня

В чёрно-белом мире,
В сумрачной квартире,
Полной нецветного бытия,
Связаны судьбою
Терпкой нелюбовью
Неродные люди – ты и я.

Там, за окном квартиры нашей,
Гораздо ярче мир и краше,
И сладко манят запахи весны.
А нам удобно во вселенной –
Привычной, серой, неизменной.
Лишь красочные ночью снятся сны.

Что-то держит рядом –
Руки, губы, взгляды.
Может, шёлк постельного белья,
Сладкий черный кофе,
Нелюбимый профиль,
Горечь нецветного бытия?

Там, за окном квартиры нашей,
Гораздо ярче мир и краше,
И сладко манят запахи весны.
А мы боимся оторваться
И с жизнью нецветной расстаться,
Но красочные ночью видим сны...

ИВАН ЛОСИКОВ

Родился 20 апреля 1937 года в поселке Слава Карповского сельсовета Лоевского района Гомельской области. В настоящее время живет и работает в Гомеле. Член Союза писателей Беларуси с 2005 года. Автор книг «Человек из прошлого» (1999 г.), «Весенние грёзы» (2002 г.), «Эхо детства» (2004 г.), «Повесть о влюбленных» (2004 г.), «Два имени» (2006 г.), «Рассказы о прошедшем времени» (2006 г.), «На стыке веков» (2008 г.), «Мой путь в литературу» (2009 г.)

Наш спектакль продолжается...
(Отрывок из повести)

1.

Идем по территории Большого Кавказского заповедника.

Второй день стоит замечательная солнечная погода с редкой облачностью. Температура воздуха держится такая, что лучшей и пожелать нельзя: нам ни холодно, ни жарко. Инструктор говорит, что в середине сентября здесь, в горах, на подступе к главному Кавказскому хребту, чаще всего и устанавливается такая благоприятная для туристических походов погода. И она должна продержаться еще несколько дней, хотя на перевале, в приюте «Холодный», где мы должны будем ночевать на следующий день, температура воздуха понизится даже при такой солнечной погоде. Но эта ночёвка произойдет у нас в приюте, в изумительном по красоте месте.

До зимних холодов в этом приюте будут жить и вести научные работы зоологи из Ленинграда*. Они почти что всегда удивляют наших туристов какой-нибудь чертовщиной. Что они придумают на этот раз, при нашей встрече с ними, одному Богу известно.

– Это будет так здорово! – воскликнула Елена, вслушиваясь в доверительную беседу инструктора с нами. – Альберт Расулович, –

* Ныне Санкт-Петербург. Действие повести происходит в 70-е годы XX столетия.

обратилась она к инструктору, – а охота на зверей здесь разрешена? Я так хотела бы увидеть живую картину такой охоты на зверя.

– Зоологи охотятся иной раз на волков, когда их становится больше, чем нужно, и они, волки, начинают резать диких животных, которые живут в этом заповеднике. Может, нам повезет и удастся увидеть охоту на волков.

– Сделайте так, Альберт Расулович, чтобы такая охота на волков состоялась у зоологов на этот раз. Вполне возможно, что это событие что-то изменит в моей жизни. А что? Как? Почему? Я и сама не знаю, хотя и предчувствую, что эта охота на волков состоится. А хорошо это или плохо будет для меня, я не знаю. Но что-то должно случиться в моей жизни.

Альберт Расулович с удивлением посмотрел на Елену и сказал:

– Впервые встречаю в своей жизни особу женского пола, которую интересовала бы охота на зверей. Уж лучше бы на мужчин...

– Мужчины мне надоели.

Услышав эти слова, я чуть было не застонал от чувства обиды, досады и разочарования. Хотел было потребовать у Елены разъяснений по поводу этого её высказывания, но не стал этого делать, полагая, что подобные объяснения уже вряд ли примирят нас.

Я пытался даже внушить себе, что поведение Елены с её резкими изменениями в настроении и в проявлении своих чувств можно объяснить тем, что она не может, а возможно, и не очень-то хочет, управлять своими страстями, но это понимание мало утешало теперь меня. И я, сам того не желая, загрустил. И этот замечательный туристический поход стал для меня как-то сразу неинтересен, хотя все туристы нашей группы прямо-таки ликовали, а их глаза светились от восхищения, радости и счастья, когда они видели изумительные по красоте картины живой природы, чуть-чуть увядающей уже в эту сентябрьскую пору. Голоса птиц умолкли. А если и можно было услышать голос какого-то живого существа, то только рёв оленя, доносившийся до нас издалека.

2.

Для обеда выбрали живописную поляну у подножия небольшого перевала.

Обедали сухим пайком, а чтобы согреть чай, разложили костёр. После обеда Альберт Расулович позволил нам отдохнуть с полчасика.

Увидев, что я не в настроении и не желаю её видеть, Елена попросила Виктора Ивановича прогуляться вместе с ней. Их удаленность от костра была такой, что они всё время находились у нас на виду. Елена знала, что её прогулка с Викторовичем Ивановичем вызывает во мне чувство ревности, а потому и решила наказать меня за мою раздражительность и угрюмое молчание.

Не сидела вместе с нами у догорающего костра и ещё одна парочка. И как, читатель, ты полагаешь: кто бы это мог быть? Ну, если ты испытываешь некие затруднения при ответе на мой вопрос, то я помогу тебе ответить: эта парочка были Ева Евгеньевна и Матвей Ахметович. Они уединились под ореховым деревом и о чём-то оживленно ворковали. А чтобы мы не слышали их, разговаривали очень тихо. А когда ему хотелось сказать своей милой для него собеседнице нечто пикантное, Матвей Ахметович наклонялся и шептал ей на ушко. И после этого нашептывания они оба согласно кивали головами и хохотали.

Подруга Матвея Ахметовича, Тамара Петровна из Ростова, не сводила с них глаз и манила к себе рукой, как собачку, делая махательные движения обеими руками, своего друга, а тот ноль внимания. Убедившись, что её призывные жесты руками не оказывают на Матвея Ахметовича никакого влияния, она ласковым голосом позвала его:

– Матвеюшка! Подойди-ка ко мне, мой милый!

– Зачем?

– Затем, что я хочу видеть тебя возле себя. А Еве Евгеньевне достаточно иметь и одного мужа. Здесь не гарем...

– Мне, Том, здесь хорошо с Евой Евгеньевной...

– Тебе, Матвеюшка, может, и хорошо, а мне нет. И для нас с тобой будет лучше, если я подойду к тебе сама. Я не гордая.

– Твой лучше знать...

Тамара Петровна поднялась и вихляющей походной направилась к Матвею Ахметовичу. Она напоминала тигрицу, которая, сжавшись, не поднимая пока что шума, приближается к своей жертве.

Матвей Ахметович, с прищуром посмотрев в её полыхающие злой решительностью глаза, малость струсил и заюлил:

– Мой Том, зачем ты скачет ко мне? Я не звал твой. Захочу, сам пришёл.

– А когда же ты захочешь, мой миленький? Я не могу долго ждать...

– Я сказал тебе потом, после Ева...

– Ах, после Ева? Это меня-то ты желаешь после Ева? Я правильно тебя, Матвеюшка, поняла?

– Зачем ты сердит? Мне одной твой, Том, мало. Я хочу дружба с Евой Евгеневна.

Подойдя к Матвею Ахметовичу, Тамара Петровна попыталась было ухватить его за ухо, как мальца-несмышленыша, но тот завертел головой и не позволил ей проделать этот «номер», зыркая на неё ничего не понимающими глазами и пытаясь усмирить свою подругу самыми нужными в такой острый момент словами. Так ему, по крайней мере, теперь казалось:

– Том! Ты сдурел? Зачем хочешь делай мне больно?

– А мне не больно видеть и переносить твою измену? А ну-ка вставай и иди, куда я захочу, со мной... А не то, хуже будет...

– Я не вещь какой-нибудь, я не мог быть только твой, ты не ласков со мной, как Ева Евгеневна, а злой.

– Вот оно что: я не ласкова с тобой, как эта чёртова вертихвостка!

Выкрикнув эти слова, Тамара Петровна толкнула свою соперницу двумя руками, и та упала на спину, оголив свой пупок, ибо сидела в этот обеденный перерыв без штормовки.

Увидев оголенный пупок Евы Евгеньевны, Матвей Ахметович сделал какое-то непроизвольное глотательное движение, и в его глазах вспыхнул огонь, и, как в бреду, он застонал:

– О, мой Ева! Ты так могуч...

Но Ева Евгеньевна не слышала, должно быть, эти бредовые слова своего воздыхателя, да и не до этого ей теперь было. Мгновенно вскочив на ноги, она попыталось было царапнуть свою соперницу за лицо, но Матвей Ахметович встал между ними и ухватил Еву Евгеньевну за руки.

Решив, что любимый Матвеюшка помогает ей расправиться с соперницей, Тамара Петровна успела несколько раз сильно шлепнуть соперницу по увесистой заднице, пока Матвей Ахметович не схватил за руки и её, дав возможность сделать то же самое и Еве Евгеньевне.

А вся наша группа туристов, сидевшая в это время на поляне у догорающего костра, смеялась до слез, словно нас забавляли клоуны в цирке. Матвей Ахметович метался от одной возлюбленной к другой и не мог придумать, как усмирить ярость в женщинах. И я вынужден был придти к нему на помощь. Он держал за руки Еву Евгеньевну, а я увел от греха подальше её соперницу.

А Елена всё ещё прогуливалась неподалеку от нас с Виктором Ивановичем, который словно знал заранее, какое театральное действо должно быть разыграно в его отсутствие, а поэтому и ни во что не вмешивался, оставаясь с Еленой в стороне в качестве заинтересованного зрителя. Он как бы заранее знал, что этот новый спектакль ещё не закончен.

И действительно, после того, как я увел Тамару Петровну с «ринга», хотя меня никто не просил проделать этакий трюк, Матвей Ахметович по-прежнему не желал уходить от Евы Евгеньевны, проявляя ещё большую прыть и усердие, добиваясь её благосклонного отношения к нему. И ревность Тамары Петровны вспыхнула с новой силой.

Она оттолкнула меня и вновь направилась к Матвеюшке и его возлюбленной, выкрикивая на ходу:

– Матвеюшка! Ты что обещал мне, мерзавец?

– Моя не помнит.

– Ты обещал не изменять мне, любить лишь только одну меня.

– Мужчин много чего обещал... Слова мужчин – ветер... Пошумела и улетела...

– Ах, вот как ты запел, мой голубок! Выходит так, что всё то, что было у нас, коту под хвост? Так? Отвечай, окаянный, а иначе я такое сейчас сотворю, что вы оба ахнете:

– И что же ты сотворишь, несчастная? – спросила Ева Евгеньевна. – Будешь ходить за нами следом и хныкать, просить Матвеюшку вернуться к тебе, отвергнутой им и разлюбленной? Но

Матвеюшка не таковский – он современный мужик! А поэтому и любим мной.

– Да я сотру тебя в порошок, стервозная баба! Я тебя растопчу и размажу, как глину, как...

– Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...

– Матвеюшка! Золотце ты мое! Неужели ты не видишь и не слышишь, как эта мразь издевается надо мной? Почему ты не заступишься за меня?

– Ты сам, Тома, виноват! Не Ева Евгеневна твой обижай, а твой ее обижай.

– Да ты хоть понимаешь, Матвеюшка, что ты мой? Понимаешь – мой! И никакой соблазнительной бабе я тебя не отдам! У неё, разумеется, женские прелести покрупнее, чем у меня, но зато я спортивнее её и красивее. Ты присмотрись хорошенько ко мне! Я – класс баба! Как ты до сих пор не разглядел меня? А ты увидел эффектную задницу и распустил нюни...

– Задница – чепуха... Ева Евгеневна – человек с большая буква. Она ласков со мной и не груб, как ты. Я что – твой вещь? Почему ты всё время повторяй? Мой! Мой! Мой... А я ничья, я – свободна.

– Ну, ладно, Матвеюшка. Насильно любимой я быть не могу, хотя я подумаю ещё, как мне поступить. Я скажу прямо: терять тебя я не намерена ни при каких обстоятельствах.

– Уже почти что потерял... – тихо пробубнил Матвей Атметович и, окатив свою подругу холодным взглядом, добавил:

– Больно уж ты приткий, Тома. Но много хотел, да мало получай...

– А вот увидим... – многозначительным тоном сказала Тамара Петровна и, подойдя к нашим парням, которые ни в каких любовных интригах не принимали никакого участия, стала о чём-то шептаться с ними. А таких парней в нашей туристической группе было трое. Это были студенты из Гомельского ВУЗа. Они вместе с нами смотрели на «выкрутасы» наших артистов и весело хохотали.

3.

Пошептавшись с парнями, Тамара Петровна стала наблюдать вместе с ними за Матвеем Ахметовичем и его новой подругой. А

Матвей Ахметович по-прежнему вертелся возле своей новой избранницы, как вьюн в мутной воде.

И когда он сел возле своей подруги таким образом, что нам стала видна только его спина, а его избранница тоже виделась нам со спины, сидя у него на коленях, Тамара Петровна дала знак парням и тихим голосом отдала им распоряжение:

– Клиент созрел: пора, приступать к операции «Любовный узел».

Порывшись в своем рюкзаке, она извлекла большущий мешок, передав его в руки одного из трёх парней, самого рослого и сильного. А сама взяла в руки полотенце, скрутив его таким образом, что оно стало напоминать веревку. Она первой в своей «группе захвата» двинулась к своему возлюбленному и его новой подруге.

Один из трех парней, подойдя к Еве Евгеньевне, взял её за обе руки и вежливо попросил:

– Освободите, пожалуйста, мадам, колени нашего пленника, очень Вас прошу.

Ничего не понимая, Ева Евгеньевна уставилась на парня и, как загипнотизированная, подчинившись его странной просьбе, встала на ноги, а двое парней схватили Матвея Ахметовича и впихнули его в мешок. И, как он ни сопротивлялся и ни возмущался, ничего путного из его тщетных попыток не вышло.

И, как только «пленник» оказался в мешке, самый сильный из парней взвалил мешок к себе на спину и спросил у Тамары Петровны:

– Что будем делать с жертвой? Утопим его в речке или отнесём подальше и оставим в завязанном мешке на съедение волкам?

– Не хочу в речка, не хочу к волькам... Бандиты! Что вы делай? Инструктор! Куда ты глядел? Где есть твоя власть? – завопил паническим голом «пленник».

– Я здесь, Матвей Ахметович! Но, к сожалению, ничем не могу помочь тебе: меня взяли в заложники...

4.

Инструктор говорил, разумеется, неправду, потому как тоже принялся экспромтом играть в этом спектакле свою роль, хотя никакой предварительной договоренности с ним об этом событии в их

группе не велось. И теперь он вместе с нами сидел на поляне и с интересом смотрел самодеятельное театральное действо.

Вместе с парнями и их жертвой удалялись от нас и две подруги Матвея Ахметовича. Ева Евгеньевна что-то нашептывала поочерёдно на ушко парням, а те отрицательно кивали головами. Тамара Петровна, довольная успешным протеканием затеянной ей операции, шла следом за парнем с мешком, и дубасила по мешку полотенцем, скрученным веревкой, приговаривая при этом:

– Ах ты, змей подколодный! Обманщик! Идол проклятый! Тварь неблагодарная! До каких пор ты будешь рвать на части моё сердце?

Между тем, парни усмиряли буянившего в мешке и орущего Матвея Ахметовича, отрицательно покачивая головами в ответ на нашептывания Евы Евгеньевны. Что она им нашептывала и что обещала, никто из нас слышать, естественно, не мог. А когда я как-то поинтересовался у одного из парней, что же нашептывала ему на ушко Ева Евгеньевна, он как-то загадочно улыбнулся и сказал: «Ева Евгеньевна просила нас не разглашать её просьбу к нам».

А Тамара Петровна всё не унималась: она продолжала дубасить своего возлюбленного в мешке, подкрепляя физическое воспитание словесным:

– Ты запомнил, Матвеюшка, что я тебе говорила перед этим роковым для тебя выбором?

– Мой забыль твои слова... Ты говориль грубо со мной, – слышалось из мешка бормотание Матвея Ахметовича.

– Может, и грубо я говорила с тобой, Матвеюшка. Но что ты заслужил у меня, то я и говорила. Могу и повторить, если ты такой забывчивый: «Ни с какой Евой я делить тебя не хочу и не буду. Ты – мой! Понимаешь – мой! А не хочешь быть моим, то и ни одной из нас не достанешься. А что я с тобой сделаю, парни говорили уже тебе, хотя я и не приняла еще окончательного решения. И это моё решение будет теперь зависеть от твоего выбора: либо ты будешь со мной, либо достанешься волкам или же окажешься в речке». Вот что только что перед этим повторением я говорила тебе. Так что не забывай о моем условии сохранения твоей жизни, а повторять его тебе я больше не стану. Усёк, мой миленький?

– Ты, Том, зверь; ты палач; ты не даль мне любить Ева Евгеньевна. А она такой женщина! Такой женщина!..

– Еву Евгеньевну есть кому любить, Матвеюшка. Вот он, голубчик, несётся к нам, как угорелый. Может, будет помогать мне лишать тебя жизни, как своего соперника, а может, хочет увести свою толстозадую от греха подальше, чтобы не мешала нам творить над тобой справедливый суд...

– Этот «Дон-Жуан», что находиться теперь, к счастью, в мешке, не обидел тебя, моя Евушка? – спросил Виктор Иванович, подойдя к участникам расправы и без колебаний перейдя на их сторону. – Что заслужил, чёртов Ловелас, то пусть и получает. Ему, видите ли, он захотел... мало одной Томочки. И что только он позволяет себе, негодник? Позариться на жену «вождя племени»?! Да кто ты есть такой? Как посмел прикоснуться к моей Еве? Да ещё на колени к себе усадил! А моя Ева и рада стараться, чтобы угодить этому змею-искусителю. Ты жена мне, Ева, или не жена?

– А ты муж мне или не муж? Почему переметнулся к другой?

– Елена! – окликнул Виктор Иванович мою возлюбленную, которая малость отстала от него и только что подошла к нему. – Я переметнулся к тебе, как утверждает моя Ева?

– Мы по моей просьбе всего лишь прогулялись о Виктором Ивановичем, но затем, чтобы обменяться мнениями о нашем замечательном походе. В нашей группе одни ревнивцы, как я вижу. Даже мой Додик, я вижу, надулся, как индюк. Может, ты подойдешь к нам, Давид? – обратилась ко мне Елена. – Помоги мне убедить Еву Евгеньевну, что у меня и в мыслях не было стать ей соперницей.

– Убеждай её сама, моя милая, я не знаю о твоих намерениях.

Но я вынужден был всё же откликнуться на просьбу Елены и подошёл к ней.

5.

В это время Матвей Ахметович, смекнув, что внимание парней и его «Том» переключилось с него на «вождей-молодожёнов», что все косвенные участники и свидетели самосуда над ним как бы и забыли на какой-то момент о нём, а мешок опущен на землю, да к тому же ещё и развязался, как змея выскользнул из мешка и во всю прыть

помчался, куда глаза глядят. Но у него, должно быть, в сидячем положении онемела одна нога и бежать быстро он не мог, сильно хромая, что и позволило парням догнать беглеца и вновь поместить в мешок.

– Матвеюшка! Солнышко моё! Ты хочешь убежать от меня и скрыться? Да я тебя и под землёй найду и достану. А поэтому не будем толочь воду в ступе и решим: то ли ты желаешь быть съеденным волками или же сброшенным в речку или ущелье, то ли станешь по-прежнему любить меня, если будешь помилован мной?

– Я хочет жить, – коротко ответил Матвей Ахметович.

– Жить, Матвеюшка, все из нас хотят. Ты мне отвечай по существу. Что ты выберешь: смерть или прежнюю любовь ко мне?

– Я думай...

– Долго думаешь, Матвеюшка, а время у нас ограничено. Я вижу, что Альберт Расулович поглядывает уже на солнце и свои часы, а ты, хитрец, всё тянешь резину и увиливаешь от ответа мне...

И тут же последовала команда инструктора:

– По коням!..

ЮРЫЙ МЕЛЬНІКАЎ

Нарадзіўся ў Мінску 10 лістапада 1976 года. Закончыў сярэднюю школу № 69 у 1994 годзе. Працягваў навучанне ў сталічным Дзяржаўным педагагічным каледжы № 1, дзе атрымаў кваліфікацыю «настаўнік беларускай мовы і літаратуры» ў 1997 годзе. Далей вучыўся на вячэрнім аддзяленні факультэта беларускай філалогіі і культуры ў Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка да 2001 года, дзе атрымаў кваліфікацыю «выкладчык беларускай мовы і літаратуры».

Працаваў педагогам-арганізатарам ў мінскай сярэдняй школе № 86, настаўнікам беларускай мовы і літаратуры, супрацоўнікам паштовага аддзялення, загадчыкам гаспадаркі на прыватным прадпрыемстве. На дадзены момант працуе ў камерцыйнай фірме.

Размяшчаў свае творы на старонках газет «Раніца», «Наша Слова», «Наша Ніва», «Настаўніцкая газета», «Беларуская Ніва», «Народная газета», «Минский курьер», часопісаў «Вясёлка», «Першацвет», «Роднае Слова», у альманаху «Панядзелак». Публікаваў навуковыя матэрыялы ў зборніку «Святое Евангелле. Праблемы перакладу на беларускую мову». Аўтар кнігі прозы «Калі сны здзяйсняюцца…»

Экстрэмальныя ўмовы сучаснай беларускай літаратуры

(Эсэ)

Можа, камусьці падасца дзіўнай думка: літаратурная дзейнасць адбываецца ў надзвычай экстрымальных умовах і аўтарская рызыка захоўваецца, нягледзячы на змены грамадскага жыцця ў адносна лепшы бок...

Акрамя малалікасці літаратурна-мастацкіх выданняў і вялікай, малазразумелай чаргі на публікацыю, гэта, канешне, сур'ёзная праблема, аднак часам аўтарам адмаўляюць без усялякай матываванай прычыны ў гучанні іх мастацкіх пазіцый і творчых задумаў. Варта асэнсаваць напісаныя вышэй радкі: камусьці мроіцца нейкая там небяспека, і недалужны чыноўнік, добра не валодаючы запасам эле-

ментарных ведаў па роднай мове і літаратуры, нахабна, неадэкватна рэагуе на самога творцу, не дае разгарнуцца яго шчырай душы, тым самым заганяючы здольнага чалавека, і не аднаго, у падполле, у шэрагі літаратурных бунтароў. Здавалася, невядомы нам і грамадскасці, таксама шэранькі бюракрат лічыць сябе героем нашага часу, гэткім Герастратам і Цэзарам адначасова... Толькі аўтарам у падобнай сітуацыі не пазайздросціш, а паспачуваеш: яны пачнуць пісаць уласныя творы крывёю свайго сэрца ў шуфляды, запаўняць імі вінчэстэры на асабістых кампутарах, нарэшце, штурмаваць веб-старонкі і паштовыя скрынкі перыядычных выданняў і мастацкіх сайтаў, спрабуючы знайсці даволі складаны шлях да чытацкай аўдыторыі – гэта ў лепшым выпадку. У горшым – заўчасна сыходзяць з жыцця, як Андрэй Белавокі, Васіль Гадулька, Дзяніс Хвастоўскі...

Цяпер пагамонім пра экстрэмальныя ўмовы сучаснай беларускай літаратуры. Аналіз згаданых падзеяў прымушае задумацца над праблемамі, што не зніклі, не расцярушыліся, а толькі болей з’яўляюцца ў творчым жыцці. Яны непакояць неабыякавых да нацыянальнай літаратуры людзей.

Незразумела чаму, але няўзброеным вокам можна заўважыць развіты пераслед аўтараў, што засталіся вернымі традыцыям беларускай мовы, культуры. Формы здзекаў і гвалту выпрацаваны стагоддзямі, хіба мяняюцца толькі выканаўцы, узнятыя на вяршыню ўласнай тупасці, зайздрасці і нянавісці да іншадумцаў. Гэта вельмі жахліва, аднак да перамогі давядзецца крочыць асцярожна, уважліва, разумна, не забываючы трагічны вопыт папярэднікаў. Тут экстрым праяўляецца ў найвышэйшай ступені, аднак застаюцца спадзяванні, што натоўп дурняў і іх прыхільнікаў своечасова трапіць да людзей у белых халатах, апошнія знойдуць ім адпаведнае месца ў гісторыі і на бальнічным ложку.

Багата цяпер гавораць пра адносную свабоду творчасці. Спрачацца няма сэнсу, таму закранем пазітыўныя моманты беларускай літаратуры. У надзвычай цяжкіх эканамічных умовах аўтары за свой кошт выдаюць уласныя кнігі, у складчыну выпускаюць незалежныя альманахі і часопісы, дзякуй Богу, што ёсць альтэрнатыва. Нават такім спосабам даказваецца ісціна: пакуль жыве родная мова, вольны друк рана ці позна, аднак абавязкова будзе мець магчымасць канкурэнцыі з крыху непаваротлівым і чамусьці баязлівым дзяржаўным. І адмаўляцца ад названай вышэй з’явы не варта. Няхай жа жыве палеміка і свабода выбару ў літаратурнай творчасці!

Канешне, размяшчэнне ўласных твораў на старонках мастацкіх сайтаў – справа рызыкоўная, але не безнадзейная. Добрым словам можна прыгадаць парталы www.litara.net., www.cherruhut.ru, www.stihi.ru і шэраг іншых. Зыходзячы з уласнага вопыту, лепш за ўсё аддаваць на суд чытачоў паэтычныя творы. Яны займаюць няшмат месца, заўсёды аўдыторыя карыстальнікаў Сеціва хутка адгукаецца водгукамі і каментарамі. Больш складана з празаічнымі і публіцыстычнымі здабыткамі. У аб’ёме яны дастаткова велізарныя, хваляванні звязаны з тым, каб не былі парушаныя аўтарскія і сумежныя правы на распаўсюд творчых задумаў, каб не прыляпіліся да чужых твораў розныя недарэкі-плагіятары, скалечаныя хцівасцю зайздроснікі ды іншыя паганятыя, лік і імя якіх легіён. Засцярога ў дадзеным выпадку лішняй не бывае...

Пакуль жа гісторыя сучаснай беларускай літаратуры не мае канкрэтных выпадкаў, каб з’яўленне мастацкіх твораў у Сеціве спрыяла больш хуткай публікацыі ў перыёдыцы і выпуску асобных кніг.

Канешне, гісторыя нашай роднай літаратуры паўтараецца. Зноў, як на пачатку і ў сярэдзіне мінулага стагоддзя, аўтары выпускаюць кнігі сваім коштам і часам далёка за межамі роднага краю. Паколькі на Бацькаўшчыне створаны такія ўмовы, што не адпавядаюць культурным традыцыям беларусаў, а розныя недалёкія палітыкі і іх памагатыя не спяць у шапку, а спрыяюць ганебнай, гвалтоўнай і нікому не патрэбнай русіфікацыі. Мала выдаць кнігу за мяжой, яшчэ варта дабіцца таго, каб аўтар мог атрымаць на рукі ўвесь наклад, а далей выкарыстоўваў яго як мае быць...

Атрыманне ліцэнзіі на выдавецкую дзейнасць займае багата часу, нерваў і прыходзіцца чакаць розных грабежніцкіх праверак, што падобны на раз’юшаны ўраган ці іншыя моцныя стыхіі.

Не трэба хаваць ісціну ў мяхі: цяпер вельмі складана апублікаваць любы мастацкі твор, незалежна ад формы і жанру, паколькі на чужыя думкі вельмі ласы няўцямныя цэнзары. Калі няма клёпак у галаве, ці звіліны замкнула ад невуцтва, то гатовы забараніць ды прыхапіць меркаванні, што ім не належаць. Бывалі выпадкі, калі

апошнія часта перакручвалі змест так павольна, быццам адчувалі сябе гаспадарамі друкарскага варштату і манапалістамі ў інфармацыі. Канешне, трэба быць удзячным таму, што амаль у жудасных умовах сучаснага літаратурнага жыцця маюцца парасткі сапраўднай свабоды... Канешне, гаворка ідзе пра рэальную рызыку мноства людзей: аўтараў, карэктараў, рэдактараў, распаўсюднікаў, выдаўцоў... Таму мне адразу прыгадваецца знакамітае апавяданне Уладзіміра Сямёнавіча Караткевіча «Кніганошы» і навела Уладзіміра Аляксеевіча Арлова «Ордэн Белай Мышы»... Два творы, знітаваныя аднолькавай праблематыкай і тэматыкай, але яны адлюстроўваюць праўду, якую не заглушыць ніякая мана... І прамежкі часу ў прозе славутых майстроў Роднага краю звязаны для чытача ланцужком неабыякавасці...

Канешне, чамусьці цягне на вялікія прыгоды паноў ідэолагаў, якія разбіраюцца ў тэорыі, гісторыі літаратуры і літаратурнай творчасці, крытыцы, – нібыта сланы ў краме посуду. Шуму і енку багата, водклікі хіба «не пушчаць», «забараніць», «асадзі назад» і далей у гэтым накірунку. Чаго чакаць смелым аўтарам ад падобных дзеячоў, аднаму Госпаду Богу вядома... Таму справядлівым лічыцца меркаванне, быццам згаданых вышэй дзялкоў і круцялёў трэба накіраваць здаць экстэрнам экзамены па літаратуры за школьны, каледжскі і ўніверсітэцкі курсы напоўніцу. Няхай зведаюць асалоду навукі ды пачухаюць патыліцы ад важкога багажу ведаў. Інакш чыноўная пыха стане заслонай для вольных крынічак у творчасці.

Яшчэ больш дзіўнай акалічнасцю з'яўляецца тое, што літаратары, ладзячы сустрэчы для чытачоў, павінны атрымаць дазвол на імпрэзу ад прадстаўнікоў бюракратыі. Бо існуе вядомы цыркуляр аднаго міністра, калі творца не мае дачынення да СПБ, то яго можна забрыць у пастарунак, сарваць выступ, папсаваць нервы і кроў адораных людзей, што маюць галаву на плячах і вялікі запас цярпення...

Але, каб выступіць, – даведку
Ад «новага» СП давай!
А без даведкі — у выведку
Любы зацягне шалапай.

Каб у «стары» СП прынялі, –
Ад Бога талент трэба мець;
А ў «новым» – толькі б друкавалі,
Абы без грошай не сядзець.

(Алесь Масарэнка. Святое возера. Раман-бурлеск.
Масква, выдавецтва «Эксмо», 2009, ст. 173.)

Невядома, з якімі мэтамі быў складзены і падпісаны такі адыёзны дакумент. Самае неверагоднае, што гэтую паперу не адмянілі і зараз яна чамусьці не мае часовых межаў, нягледзячы на справядлівую крытыку прагрэсіўнага грамадства Беларусі.

Вялікае хваляванне турбуе не аднаго настаўніка, выкладчыка роднай мовы і літаратуры, паколькі вучэбныя праграмы і планы, відаць, складалі нейкія пустадомкі, што ніколі не бачылі вучнёўскай і студэнцкай аўдыторыі, таму і вынікі сталі вельмі жахлівымі і неактуальнымі. З праграм па літаратуры цалкам выкрэслена эміграцкая плыня творчасці беларускіх пісьменнікаў і паэтаў, ананімнымі быццам бы складальнікамі замоўчваецца праўда пра крывавае трыццацігоддзе XX стагоддзя. А нейкія «звышразумнікі», наступаючы на граблі ўласнай абмежаванасці, плануюць злучыць беларускую мову і літаратуру ў адну навуковую дысцыпліну. Цікава даведацца адносна планаў і стратэгій такіх гора-рэфарматараў!!! Вось дай тупасці зялёнае святло, яна і праявіцца там, дзе няма патрэбы!!!

Выклікае здзіўленне і насцярогу тое, што складваецца адчуванне: на Радзіме ты знаходзішся быццам бы ў эміграцыі. Гэта не гульня слоў і вобразаў, а рэальная ацэнка культурнай сітуацыі. За гучную размову па-беларуску могуць загнаць туды, дзе і Макару не пазайздросціш, прыдумаць такія абразлівыя цэтлікі, што цяжка будзе апраўдацца...

Аднак застаюцца спадзяванні, што свядомасць беларусаў заўсёды на найвышэйшым узроўні, таму нягледзячы на складаныя грамадска-палітычныя і сацыяльныя чыннікі, усё ж паменшае экстрыму ў нацыянальнай літаратуры... Няхай не вельмі хутка, не адразу, але праз пэўны час дадзеная тэма развагаў, дыскусій можа стаць прычынай арганізацыі канферэнцыі ці семінара па хвалюючай пра-

блематыцы, каб пераканацца адносна правільнага выбару шляхоў развіцця сучаснай беларускай літаратуры...

Небяспечны флірт
(Апавяданне)

Да чаго даводзіць флірт? Складанае пытанне з безлічу па колькасці і якасці адказаў. Зразумела, хлопцаў і мужчын – да верагоднай жаніцьбы, дзяўчат, маладзіц і жанчын – да магчымага замужжа. Розных публічных асобаў – да цікавых прыгодаў. Добра, калі са шчаслівым фіналам. У адваротным выпадку – да скандалаў, інтрыг і непаразумення... Двойчы ў рэку не ўвайсці, як ні круціся, ні вярціся.

Віка Кручэня вельмі любіла раманы. Ёй падабаліся і мастацкія творы буйнога жанру, і своеасаблівыя стасункі з мужчынамі. Заўважым: Вікторыя ў свае крыху за трыццаць вылучалася бадзёрасцю, гуллівасцю ды схільнасцямі да авантурных выбрыкаў. Відаць, усё гэтае ёй перадалося ў спадчыну ад бацькоў, па генах, ад належнага выхавання ці ад яго адсутнасці.

Канешне, жанчына дасягнула і іншых вяршынь: паўгода жыцця аддала дзейнасці сакратара раённага суда – няшмат, але і гэта поспех. Два гады рупілася на пасадзе памочніка карэспандэнта гарадскога тэлебачання. Вельмі ўдала скончыла ўніверсітэт, атрымаўшы ажно трайную спецыялізацыю: бухгалтара, эканаміста і менеджэра. Кручэні даспадобы вучыцца, таму яна здолела яшчэ і курсы па шавецка-кравецкаму майстэрству. Яшчэ адным дыпломам папоўніўся архіў, бясцэнны і спрадвечны скарб.

Крышачку пагамонім пра знешнасць Вікторыі: пякучая брунетка з ладным станікам, зграбнымі ручкамі, з незабыўнай усмешкай на твары, невялікага росту. Адчувалася, што гераіня ў дзяцінстве і юнацтве сябравала са спартыўнай гімнастыкай.

Жанчына ніколі не губляла веры ў шчаслівае каханне: доўга сустракалася з Вальдэмарам Хапуновым, работнікам сур’ёзнай дзяржаўнай установы, адно найменне якой выклікала сполах у мірных грамадзянаў, незалежна ад таго, з’яўляліся апошнія злачынцамі, падазраванымі, сведкамі ці не... З цягам часу і пасля настойлівых прапановаў з боку Хапунова, Віка выйшла за яго замуж.

Адначасна столькі радасці, цяпла і дабрабыту прыдбала Вікторыя, што іншым да падобнага стану цягнуцца і цягнуцца...

Жанчыны нас, звычайных мужыкоў, заўжды ўспрымаюць дакладна цьмянай логікай і суправаджаюць загадкамі, таямніцамі. І кожны раз нечарговымі, нетыповымі і неадэкватнымі паводзінамі. Не адно пакаленне мужчын пакутуе ў развагах над вечнай праблемай: уплыў замужняй прыгожай паловы чалавецтва на інтэлігентных халасцякоў. Адна справа па субардынацыі, тут толькі падпарадкоўвайся і аддана працуй. А іншая...

Спадарыня Кручэня прызнавала сябе ўсім забяспечанай гаспадыняй, паколькі бацькі пакінулі ёй кватэру ў сталіцы, амаль у цэнтры Мінску. Валодала кампутарам выключна віртуозна. У вольныя хвіліны пры дапамозе высокаякаснай тэхнікі шукала сабе суразмоўцаў у віртуальных зносінах, пераважна маладых людзей. Знаёмілася ў Сецціве са сціплымі і вясёлымі, згодна з яе думкамі, халасцякамі. Уважліва глядзела на інтэлектуальны ўзровень і адукацыю суразмоўнікаў. Выбірала знаёмых і сяброў толькі з вышэйшай адукацыяй і акадэмічнымі званнямі, не менш. Абменьвалася паведамленнямі. З аптымізмам адказвала тым мужчынам, што былі не супраць з Вікай пабачыцца ў рэальнасці. Пасля пэўнага вагання і шляхам адной ёй вядомага адбору надзейных паплечнікаў, выбрала сабе Сяржука Далатоўскага, настаўніка роднай мовы і літаратуры.

Няма сумневу ў тым, што хітруня выдатна пазнаёмілася з творчасцю Лявона Януша Вішнеўскага, аўтара знакамітага рамана. Вікторыя ўгледзела ў нашым героі чалавека, што здольны змяніць яе лёс. Канешне, цяпер яна разумела, што памылілася, занадта паспяшалася, калі хутка выскачыла за Вальдэмара. Жанчына баялася Хапунова не столькі за яго службу, колькі за сябе. Сумненні авалодвалі ёй: «Так і жыццё міне, а шчасця я не спаткала! Адзіноцтва ў шлюбе – жаночая бяда. Выцягнуць бы Сяржука на спатканне, а далей заплакаць хлопцу ў камізэльку. Можа, паўторнага браку не будзе.

Вальдэмар – цікавы чалавек, толькі не для мяне. І хто мяне зараз выратуе?»

Сяржук Далатоўскі прыкра сябе адчуваў таму, што на яго ладзілі паляванне дамы з авантурным мінулым. Настаўнік прыгадваў падзеі адносна блізкія, калі ледзь жывы застаўся ад праяў пачуццяў адной лэдзі, шматкроць разведзенай і бяздзетнай. Акрамя таго, спрабавала ім маніпуляваць, як відэльцам па патэльні. Дзякуй Богу, праз дзядзьку дазнаўся пра фокусы авантурысткі і своечасова прыпыніў з ёй усялякія кантакты.

На гасцявой старонцы ў Інтэрнэце пабачыў выяву Вікі, адказаў на яе вітанне, так завязалася перапіска ў сусветным павуцінні. Далатоўскі, навучаны горкім вопытам, пачаў цікавіцца новай знаёмай. Канешне, ён сапраўды не ведаў, што Кручэня замужам. Наколькі было магчыма і з якіх адкрытых крыніц дазнаўся крыху аб ранейшай дзейнасці Вікторыі, нямала здзівіўся пачутаму. І вырашыў не спяшацца.

Пасля шэрагу выпрабаванняў, найгоршым з якіх было запрашэнне ў міліцыю на адбіткі пальцаў, Далатоўскі даў згоду на сустрэчу з пекнай жанчынай. Не пасаромеўся набыць лепшую ружу, узнагародзіў Віку, крыху пагулялі па Мінску. Потым час ад часу тэлефанаваў, падтрымліваў красуню, чым мог. Не саромеўся прыкласці намаганні, каб палепшыць ейнае існаванне.

Часта Кручэня скардзілася яму:

– Ты шчаслівы чалавек, паколькі маеш сталую працу, а я ў адчаі: не магу нікуды ўладкавацца, таму і маркочуся.

– Не хвалюйся, знойдзеш сваё месца пад сонейкам. Няхай сабе не ў школе аддаю сілы, але ўсё роўна не дазваляю беспрацоўю кіраваць.

– Ты такі прыстойны і спакойны мужчына. Я ніколі не страчу надзеі адносна цябе...

– Прыемна чуць, няхай табе пашанцуе заўсёды і ўсюды.

Прайшло два з паловай месяцы. Неўзабаве на мабільніку Сяргея раздаўся працяглы званок. Нумар быў яўна незнаёмы. А мужчынскі голас яўна чымсьці ўзбуджаны.

– Добры дзень! Будзьце ласкавы, скажыце, Вас з Вікторыяй звязваюць якія пачуцці і намеры?

– Хіба толькі пачуцці.

– Вам Віка не гаварыла, што ў яе ёсць муж? Ведайце гэта. Апрача таго, я працую там, дзе ўсё пра ўсіх вядома. Жадаеце мець праблемы і трапіць у аператыўную распрацоўку?

– Навошта мне гэткія турботы. Якія прэтэнзіі ў Вас да мяне?

– Лепей сустрэцца і паразмаўляць. Дык дзе і калі?

– Побач з кнігарняй паблізу ад станцыі метро «Усход». Праз чатыры гадзіны.

– Згода!

Задумаўся Далатоўскі аб праблемах. Канешне, інтэлігент не баяўся markнага кшталту цяжкасцяў і небяспек. Ды Сяржук разважаў пра маючыяся наперадзе падзеі. «Няўжо камусьці хочацца сапсаваць настрой? Каму я патрэбны? Цікава, хто на мяне навёў такую навалу? Чым скончыцца сустрэча з тым, хто сябе не назваў? Вытрываю. Беларусы не здаюцца нават тады, калі няма выйсця...»

Хлопец цвёрдаю хадою набліжаўся да вызначанага месца, папярэдне паблукаўшы досыць доўга і блытанымі сцежкамі. Навошта даваць суперніку магчымасць апярэдзіць сабе, лепш падрыхтавацца да ўсяго.

Роўна хвіліна ў хвіліну да яго дашыбаваў каржакаваты незнаёмец з нічым не адметнымі рысамі. Паказаў службовае пасведчанне. Сяргей не разгубіўся, выцягнуў з кішэні дакумент стыль-рэдактара. Яны прайшлі ў краму.

– Добры вечар, Вальдэмар Хапуноў.

– І Вам таго ж. Сяргей Далатоўскі.

Дасведчаны службовец задаваў пытанні, а настаўнік смела даваў адказы.

– Ці даўно пазнаёміліся са спадарыняй Кручэняй?

– Прыкладна цяжка сказаць. Можа, у жніўні, можа, у верасні.

– Хто ініцыяваў знаёмства?

– Шукайце жанчыну! – з гумарам адказаў малады чалавек.

– Колькі было спатканняў з Вікай?

– Адно.

– Малавата!

– Ці працягвалі далей размовы ці стасункі?

– Хіба толькі па тэлефоне.

– Шкада, што Вы мала знаёмы з ёй? Зусім не жадаю Вам бяды. Аднак Віка ў гневе ці нападпітку бывае. Тады на мілю да яе не хадзі. Інакш чакай большага ліха.

– Цікава. Упершыню чую такое!

– Ці паспяховы Вы спец у заляцаннях да дзяўчат?

– Дон Жуан – пакутнік кахання, а Казанова – звычайны распуснік!

– Арыгінальна! Хто Вас навучыў так лаканічна тлумачыць рэчаіснасць?

– Ганаруся вайсковым мінулым маіх сваякоў.

– Скажыце, а чаму да Вас ліпнуць сцервы, дурніцы ды шукальніцы здарэнняў?

– Задайце гэтыя пытанні тым, хто мне спакою не дае.

– Ці можаце Вы трымацца на адлегласці ад Вікторыі?

– Так, дзеля Вашага спакою. А калі яна мяне пачне шукаць, тут шлях у беззваротнасць.

– Трымайцеся. Бывайце здаровы.

– І Вы таксама.

Сяржук канчаткова супакоіўся. Успомніў праграмны верш Аркадзя Куляшова, загадкава ўсміхнуўся. Дзякуй Госпаду і Збаўцу Ісусу за выратаванне! Далатоўскі парадваўся таму, што пазбегнуў непрыемнасцяў з боку занадта актыўнай арганізацыі, дзе неблагую пасаду мае спадар Хапуноў.

І фліртаваць трэба з асцярожнасцю!

ГАЛИНА МИШНЁВА

Родилась 2 августа 1937 года на Гомельщине в семье сельского учителя. Окончила Белорусский лесотехнический институт в 1960 году. Биолог, преподаватель, научный работник, кандидат сельскохозяйственных наук.

Долгое время вместе с мужем жила в Армении и работала там в лесной отрасли. По возвращении в Беларусь работала в Минске в РПП «Беллесозащита», в БГУ и УП «НПО «Центр».

Пишет с детства (с 12 лет) стихи и прозу на русском и белорусском языках. Автор поэтических сборников: «Далёкое и близкое» (2013), «Духовное и земное» (2015). Живёт в Минске.

Метаморфозы души

(Рассказ)

Светка, красавица, умница, студентка четвёртого курса биологического факультета, узнала, что возвращается со службы её любимый парень. Она решила, что поедет встречать его. За час до прихода поезда она была уже на вокзале с большой охапкой полевых цветов.

Объявили, что его поезд задерживается на полчаса, и Светке ничего не оставалось, как сесть на скамейку на перроне и ждать. Нахлынули думы и воспоминания, и поневоле она мысленно прожила все долгие четыре года без него. Он нёс свою трудную службу на подводной лодке в городе Выборг, часто выполняя секретные задания вдали от «берегов отчизны дальней».

Светка вспомнила, как они вместе с Лёшей учились в параллельных классах средней школы, и как на выпускном вечере он объяснился ей в любви. По окончании экзаменов они, десятиклассники, в ожидании, когда получат аттестаты, ещё долго собирались в школе на спортивной площадке, где играли в волейбол, а потом по вечерам гуляли всей компанией, прощаясь со своим городком перед отъездом.

Лёша провожал Светку по вечерам домой, они долго сидели на лавочке под окном и говорили о своём будущем. Лёша собирался поступать в военно-морское училище и хотел стать подводником. Светка очень уважала Лёшу за его выбор, за то, что он не искал в

жизни лёгких путей. Усиленно занимаясь спортом в школе и дома, он готовил себя к трудной морской службе. Получив, наконец, аттестаты и прощаясь, они пообещали писать друг другу. Лёша тогда впервые поцеловал Светку на лавочке у её дома.

После первого года учебы он приезжал в отпуск, приходил к Светке на свидания за двенадцать километров (и всё лесом!) или приезжал на старом велосипеде, и они подолгу гуляли летними ночами, целовались, говорили обо всём – и никак не могли наговориться. Уходил Лёша лишь под утро и отсыпался у себя дома на сеновале, как он потом рассказывал. Эти их редкие встречи и переписка длились три года.

Светка, как человек обязательный во всём, регулярно писала Лёше все эти годы, добросовестно исполняя роль его невесты и отказывая во внимании всем потенциальным женихам в институте, говоря им при знакомстве, что её сердце занято, что у неё есть друг – моряк-подводник.

Но «сумасшедшая любовь на третьем курсе», лавиной обрушившаяся на неё, совершенно выбила Светку из колеи. Она влюбилась в учёного, человека неординарного, умного, всестороннего, на двенадцать лет старше себя. И она даже не знала, не могла сказать, чем закончится для неё эта любовь, которая накрыла с головой. Она стала редко писать Лёше, а затем и совсем перестала, не желая быть неискренней. Он тоже, по-видимому, почувствовал наступивший холодок в их отношениях и что-то решил для себя. Светка же хотела теперь при встрече с Лёшей сразу же всё рассказать ему, поставить все точки над «i» и распрощаться навсегда, ибо переживаемые ею сейчас глубокие и серьёзные чувства и страдания ни в какое сравнение не шли с их школьными детскими отношениями, принимаемыми ею за любовь. И теперь она мучилась сомнениями: а как воспримет их разрыв Лёша, как он переживёт это известие?! Не будет ли это слишком жестоко для него?

Он – хороший парень, преданный друг, он любит её и, видимо, мечтает об их совместном будущем, и ей жалко было обидеть его. Она хранила верность только ему все эти годы и писала, зная, какая трудная у него служба, и не желая причинять ему новые страдания из-за неё. Конечно, все эти мысли и рассуждения были так далеки

от настоящей любви, сметающей всё на своём пути… Теперь-то она познала все её радости и горести…

Наконец, пролетело время ожидания, прибыл поезд и скрипнули тормоза. Светка очнулась от дум, встрепенулась, сердечко её учащённо забилось: как же ей быть, как рассказать всё Лёше и не обидеть его?! Она очень волновалась и чувствовала в душе страшный дискомфорт.

В нерешительности она так и осталась стоять на расстоянии от его вагона, издалека наблюдая за выходящими людьми.

Наконец показался её Лёша, крепкий, коренастый, в морской форме, в тельняшке и бескозырке. Он легко соскочил с подножки на перрон, затем снял два чемодана и сумки и подал руку светловолосой девушке в белой шляпке и цветастом платье. Соскакивая с подножки, она на миг припала к его груди, а он с любовью, нежно поцеловал её и бережно поставил на перрон рядом с собой. Светка поняла, что это была его девушка!

И в тот же миг в сердце её кольнула ревность к этой девушке: сильно захотелось подбежать к ней, вырвать из её объятий Лёшу и закричать, что это её, Светкин, парень! Она колебалась лишь несколько секунд, но, видно, и этого хватило, чтобы рассудок взял верх над её эмоциями и сказал ей: «Вот видишь, как легко Лёша всё решил сам. И ничего тебе объяснять теперь, ни о чём просить его не надо! Успокойся и иди домой».

Видя в толпе спешащих к Лёше его родителей и друзей, Светка, понурив голову, медленно побрела вдоль поезда. Два чувства, не переставая, боролись в её душе: внезапно нахлынувшей ревности и одновременной радости и облегчения, что всё так случилось и закончилось для них обоих. Теперь она была свободна от чувства долга и от прежних детских отношений с Лёшей, исчерпавших себя. Та восторженная девочка с косичками, какой она была прежде, и тот робкий мальчик, каким был с нею Лёша, уходили в прошлое. Они оба становились взрослыми.

Стоявший в тамбуре одного из вагонов молодой проводник крикнул Светке: «Что, девушка, не приехал Ваш парень?! Давайте мне его цветы!» И Светка, размахнувшись, бросила парню сноп колокольчиков ромашек, которые тот ловко поймал на лету.

Ещё через несколько минут поезд уходил вдаль, набирая скорость...

Два лика любви
(Рассказ)

Ближе к вечеру на одном из опустевших морских пляжей весьма популярного турецкого курорта лежал мужчина средних лет, засыпанный песком настолько, что торчала лишь одна голова. Ему совсем не хотелось выбираться из этого рая – нагретого за день солнцем белого песка. Он нежился в нём, лежал и мечтал о каком-то необычном пляжном приключении: о встрече и знакомстве с хорошенькой женщиной и последующих удовольствиях: ужине в роскошном ресторане, танцах, прогулке у моря и любовных утехах. Мужчина был состоятелен и мог позволить себе всё, что пожелает, как говорится, «любой каприз за свои деньги».

Одиноко лежавшая в это же время на том же пляже с книгой в руке высокая, но очень тщедушная на вид женщина бальзаковского возраста вдруг вспомнила, что в восемь часов она должна позвонить своим домашним. Она поспешно вскочила, встряхнула плед от песка и даже не заметила, как вытряхнула лежавшие на нём очки. Пошарив и не найдя их в халатике, она, близоруко щурясь, неуверенно сделала несколько шагов к морю, надеясь найти их на берегу, где лежала раньше.

Вдруг она почувствовала под ногами что-то твёрдое и круглое и услышала раздавшийся тут же полузабытый мужской голос: «Сойдите с моей головы и перестаньте, пожалуйста, топтаться по моему лицу!» Женщина от страха и неожиданности тут же рухнула рядом в обморок.

Мужчина стал поспешно разгребать песок, высвобождая из-под него своё большое тело. Через считанные секунды он уже хлопотал около дамы, озабоченно брызгая ей в лицо водой и стараясь привести в чувство. Когда же она, наконец, очнулась и открыла глаза, мужчина отшатнулся: он узнал в ней референта-переводчицу из их

отдела, с которой у него в далёкой молодости была недолгая любовная интрижка.

«Ё к л м н! – в сердцах мысленно выругался мужчина. – И стоило мне лететь за тридевять земель в поисках приключений, чтобы встретиться с этой долговязой, худой, как жердь, переводчицей с английского, которой когда-то увлёкся в далёкой молодости, изучая языки?!»

«Боже, неужели это – явь, а не сон, неужели это он, моя первая любовь, мой великан и защитник, которого я ждала всю жизнь?!» – пронеслось в мыслях женщины...

Моим сверстникам

Предельность жизни нашей
Нам знать не суждено –
Так пейте ж полной чашей,
Что Богом вам дано!

Ведь сколько мы теряем
Счастливейших минут –
Мы их не сосчитаем,
И нам их не вернут!

Берите лист бумаги,
Перо или же кисть, –
Смотря, к чему в вас тяга,
Что скрашивает жизнь.

Блажен, кто сочиняет,
Имея дар такой,
Чьи чувства выражает
Стих рифмой золотой.

Вы в нём увековечьте
Полёт души своей –
И к вам придёт бессмертье
Сквозь будни серых дней.

Пишите иль рисуйте,
Играйте на рояле
И пойте иль танцуйте
В просторном светлом зале,

Садитесь за компьютер –
Связь с миром ощутите,
Родной отцовский хутор
Цветами засадите,

К друзьям спешите, к людям,
Езжайте на природу –
И времени не будет,
Чтоб плакаться на годы!

ВИКТОРИЯ МОЛОДЦОВА

Родилась 17 сентября 1974 года в Минске. Окончила 152 среднюю школу и 221 ПТУ кулинарии, получив квалификацию «кондитер». Детство было наполнено радостью общения с природой в д. Околово Логойского р-на. Юность прошла в Беловежской пуще, д. Каменюки. Огромный вклад в формирование личности Виктории внесла Валентина Викторовна Грицкова, классный руководитель, учитель химии и биологии, а также супруг Владимир и его родители: Татьяна Григорьевна и Евгений Григорьевич Молодцовы. В настоящее время Виктория Молодцова живет в Минске, многодетная мать, домохозяйка. Пишет стихи на русском и белорусском языках.

***

…Это было уже: и горчинка оттаявших веток,
И проталинок жадность в лесу виновато-нагих,
И рыдало сиропом из капель сбежавшее лето, –
От холодной надменности, зависти, жизней других…

…Повивальною бабкой к сосне привалилась крушина –
Та смолы янтарями за «молодь» расплатится с ней!
Побурелою шапкой слетала с березы кручина, –
Рвал в ошмётки её, унося, ручеёк-лиходей…

***

Когда в наш мир приходит человечек,
Кряхтит ли, плачет он или кричит, –
Свидетелями его первой «речи»
Становятся лишь мама и врачи.

Года нам спины гнут, связуют ноги,
Сжигают и обтрёпывают нас…
Случается, больничные пороги
От нас скрывают запредельный час.

Но в этот час спадают шоры будто…
Уподобляясь пламени свечи,
В нас молит жизнь: «Спаси от смерти лютой,
Родная мама! Мама – и врачи!»

Для них и смерть – ничто. Так что – усталость?
Они нас выходят, досмотрят, исцелят…
Пред ними средь крушенья пьедесталов
Все на коленях в вечности стоят!..

***

Для птиц кормушку мой мужчина сделал,
Почтив во мне любимую и – мать.
Но, неужели, Пресвятая Дева,
И я могу, как пташечка, порхать?!

Мечусь по дому шариком бильярдным,
Мечты крушатся о громады дел.
Но на окошке две синички рядом,
А воробей уже вспорхнуть успел.

И я стараюсь побороть усталость,
Пытаясь сделать «всё» из «ничего».
Во мне-то – весу! Ну, а в них-то – малость.
А ведь летают! Им-то каково?!

Лишь вечером натруженную спину
Обнимет яркий женственный наряд.
Так, милый мой, я чту в тебе Мужчину,
Твои мозоли – как свои, болят…

***

Пусть мои речи, премудрый политик,
Будут и песней, и криком.

Видела я, как, на корточках сидя,
Девочка ела клубнику.

Как целовала чумазые пятки
Ласково мамина грядка,
Как с ней играли кокетливо в прятки
Алые ягодки рядом.

Как захватила упрямиц ладошка,
Целую пригоршню сразу…
Не было там раболепия дрожи,
Не было алчности грязной!

В свете зари безмятежной, прозрачной
Грядка лепила Мадонну.
Может, политик, бессильна и алчность
Перед такою иконой?

О материнской любви

Помню вечер дома в сером здании.
Блинчики и чайник уж кипит.
«Не в чем дочке бегать на свидания, –
Папе мама горько говорит, –
Лучше – быть, конечно, чем казаться,
Но в цвету и яблони, и жизнь.
Ей бы только «лодочки» и платье…
Мне бы – можно, вроде, обойтись».
На моих ладонях много линий,
Но, как мантру главную, пою,
Что, любила мама, как богиня,
Молодость воспевшая мою.
Да, любила мама, как богиня,
Юность мою нежно нарядив,
Вылепила в сердце, как из глины:
«Одари, прости, не осуди…»

ДМИТРИЙ МОРОЗОВ

Родился 10 октября 1937 года в г. Новошахтинск Ростовской области. Его детство и юность прошли на соседнем хуторе Павловка, куда он мечтал вернуться после Армии в качестве агронома. Но голосистого ротного запевалу почти в приказном порядке заставили поступить в Минскую консерваторию, с 5-го курса которой он был приглашен в столичный театр оперы и балета в качестве солиста оперы. Обладая высоким басом ровного звучания, певец запомнился слушателям в партиях Пимена («Борис Годунов»), Собакина («Царская невеста»), Бартолло («Севильский цирюльник»), Мазетто («Дон Жуан») и др.

Тонкий и вдумчивый музыкант Дмитрий Морозов выступает с различными сольными концертами, имеет записи на радио и телевидении. Пишет стихи и прозу на русском и белорусском языках.

Из автобиографии

Я подпасок почти с колыбели.
Работёнка – что надо:
На природе все дни.
Вечером стадо, знай себе,
Целиком заведи в базок.
И никакой усталости,
Только ноги щемили,
До крови изодранные.

Подрос на вершок,
Перешёл в плугари.
Здесь хорошо ногам
От прохладной земли,
Только от пота и соли
Стала дырявой рубаха,
А на руках проступили
Мозоли кровавые.

Теперь стихи распахиваю.
Начинаю с утра:
Встречаю солнце, ищу слова,
Но сколько бы в трудных поисках
Ни хмурил бровь,
Не заскрипит перо,
Пока сердце не защемит,
Что в кровь изодрано.

Кисточка рябины

Ещё вчера набрал букет ромашек,
А нынче утром зима выпала.
Исчезли с окон букашки сонные,
Легли на крыши снега белые.
Еще вчера, блажен, я верил,
Что себя преодолею,
Но первую позёмку встретил на постели,
В ногах – торшер, бра – у изголовья.
Рядом за лёгкой тюлевой вязью
Завьюженный мир в борьбе тяжёлой.
Что с ним меня связывает?
Поводок от наружной антенны,
В мутный эфир ушком опущенной.
Глаза ни за что не цепляются,
В пастельных тонах мой рай тюлевый.
Но почему же тогда вспоминается
В упругом марше май ликующий?
Это на фоне белой крыши
Абстракцией конкретной – рябиновая кисточка,
Из бело-розовой зашторенной ниши
Зовёт на красную демонстрацию.

Облака

Какие выразительные облака –
Точные копии работ Микеланджело,
А я пока на земле.
И не быть мне ангелом в облаке –
Не потому, что нарушил заповеди,
Или искал заводи тихие,
Или жил по принципу «молодо – зелено»,
А потому, что сделано мало...

***

Вопрос Президенту:
– Скажите, война будет?..

Голубой купол неба
Разделил тревожный след самолёта,
Словно провёл зыбкую черту
Между миром и войной...

На рынке

Музыкального из музыкальнейших,
Популярного из популярнейших,
Героя вечерней телекартинки
Встретил на Комаровском рынке.
В отечественных сандалиях,
В трико на резинках,
Шёл между рядами –
В руках с корзинкою.
Лукошко почти до краёв,

И ягода неплохая,
А он всё ходит и ходит –
«Чагосьці яму не хапае».
Пытается поговорить
На отвлеченные темы,
Но в ответ лишь косятся
И цедят сквозь зубы цены.
Много прошёл под навесами,
Никто не узнал известного.
Направился медленно к выходу,
И в самом конце за рядами
Заметил: старушка в косынке
С яблоками под ногами.
– Что же ты, мать, стоишь,
На земле и под солнцем?
– На зямлі, сынок, на зямлі
Стаю, нібы нявеста,
У цені не хапіла места.
И, чтоб завязать разговор,
Спросил цену кучки,
Хотелось ему целовать
Её загорелые ручки.
Она не спешила с ответом,
Щурясь от солнца узенько:
– Частуйся, сынок, бясплатна,
Даспадобы мне твая музыка.
Я цябе адразу пазнала,
Бачыла па тэлевізары,
Паказвае, праўда, няважна,
Ды майстра да нас не вызавеш.
И потекла широко беседа,
Хотя на рынке и тесно –
Будет у композитора тема,
Будет народной песня.

Цыганка-гадалка

Цыганка гадала, за ручку брала,
В далёкое детство легко увела.

Увидел себя я, и слёзы в очах –
Трёхлетний сижу у отца на плечах,

А мимо дорогой, со скрипом колёс,
Всё ехал и ехал цыганский обоз.

Эх, кони гривасты, летят, как шальные,
Мелькают, мелькают кибитки цветные.

А следом цыганки, набросивши шали,
Широким подолом следы заметали.

К отцу подошли: «Слушай, дай закурить, –
Барчук твой красивый высоко сидит.

Головка большая – знать, выйдет он в люди,
Пойдёт в генералы, здоровенький будет.

Отсыпь табачку на дорожку, иль жалко?
Попомнишь ты верное слово гадалки...»

Цыганка-гадалка, не стал генералом,
А вот после срочной попал в театралы:

Сперва начинал в оперетке статистом,
Теперь уже в опере стал я солистом.

Пою рядовых у маэстро Россини,
Готовлю Кутузова – славу России.

КАЦЯРЫНА МЯШКОВА

Нарадзілася 13 сакавіка 1968 года ў сталіцы Алжыра г. Алжыр. У 1985 годзе паступіла на філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. Пасля заканчэння працавала ў Інстытуце мовазнаўства НАН РБ у адзеле сучаснай беларускай мовы, у выдавецка-рэдакцыйным аддзеле Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, у газеце «Биржи и банки Беларуси», у Дзяржаўнай службе медыцынскіх судовых экспертыз.

Супрацоўнічала з часопісамі «Першацвет», «Маладосць», «Мастацтва», «Зрок», «Нёман», «Праваслаўе», «Alpha Woman»; з газетамі «Голас Радзімы», «Чырвоная змена», «Настаўніцкая газета», «Мінская праўда», «Кніжны мір», «Культура».

Выйшлі зборнікі паэзіі: «Алея кахання» (вершы), 1993, «Бібліятэчка часопіса «Маладосць»; «Кляновы цуд» (вершы), 1996, «Мастацкая літаратура».

Вершы таксама ўвайшлі ў Анталогію беларускай хрысціянскай паэзіі «Насустрач часу», 2001; у Анталогію беларускай паэзіі XX ст. «Краса і сіла», 2003.

***

На ўскрайку Грунвальдскага поля,
Дзе лагер жыў,
У гудзе рыцарскім свавольным,
Ты нёс крыжы.

Крыж на плашчы крылата-белым –
Чырвоны крыж.
Нібы ахова, тампліера,
Магутным, звыш.

Ты нёс вайну – свой вір глыбокі,
Дзе мужным рай,

Дзе навальнічныя сутокі –
Спрабуй, стрымай!

Другім крыжом было каханне –
Гарачы крыж.
У спадзяванні на спатканне
Між бітваў, між...

Ноч спевы кнайдскія для Бога
Нясла да зор,
Ты мне данёс крыжа другога
Пякельны ўзор.

Пад баявым плашчом праменіў
Кахання крыж,
А мы сядзелі ў задуменні
Між вогнішч, між...

На полі пераможных клічаў,
Між славы, між...
Мне крыжаносец крыж пазычыў –
Крыж неспакойны закрынічыў –
Кахання крыж.

***

Да зорнага неба нацэлены шлях,
Яго мы на пару спустошана дзелім…
Я коўшык Мядзведзіцы не знайшла –
Скранула вокам нядзеля.
А спотайку сочыць убелены лес,
Пасінены ноччу, ён туліць сумёты,
Ён смутна ўтаропіўся, стоены спрэс,
На зорак марозную цноту.
Спаяныя цемрай няўгледнай начы,

Рыпім па дарозе спакоем утомным…
А коўшык з бліскучага неба маўчыць,
Каханню нязбытнаму цёмны.

***

Вясны павольная хада,
Вясна вядзе сваю гульню.
Упершыню зімы шкада,
Зімы шкада упершыню.

Гаючы подых маразоў
І ранішні музычны снег,
Як чашу настальгічных сноў,
Хаваю ад вясновых стрэх.

Вясна народзіць новы век,
Ёй адзавецца сэрца кроў,
Пад важкі гул вясновых рэк
Рыфмую сум зімовых слоў.

Пра глыбіню чароўных дзён,
Што з рук цяклі як ручнікі,
І чысты снег, як белы лён,
Мне халадзіў далонь рукі.

Я – валадарка дзіўных меж,
Ільдзістых дрэў, зялёных траў.
У сэрцы радасць і мяцеж,
Кахання і пакуты сплаў.

Драбнее снежная града,
І час прымаць вясны гульню.
Зімы адпушчанай шкада,
Жыццё – ізноў упершыню!

***

Калі прамаўляць за вясну
Апошняе слова,
Я радасці пах удыхну
Нанова-нанова.

Знямею, ізноў ажыву
Уразлівай кветкай.
Упоравень з небам плыву,
І ты таму – сведка.

Узычыць саспелы напеў
Твайго захаплення,
Сумятлівы вецер паспеў
На ўскрайку імгнення.

У стылі высокім пачну
Апошняе слова…
Але не ўтаймуеш вясну,
Такі ты вясновы.

***

Ты адхукаў мяне на засмужанай выспе,
Дзе самотнічаць я сакавік вымушала;
Сакавік прахапіўся і радасцю выспеў,
І адліжыла сэрца – табе дагаджала.

Паглыбела надзем’е, самота сацьмела,
Закрынічыла ў думках высокая сага;
Ты люструеш вясну, і душа заяснела
Рызыкоўнай улюблівай прагай.

Ты адхукаў мяне і, здаволены, выснія,
Што каханнем магчыма апекавацца…

Я ўзгадала сваю ніштаватую выспу,
Дзе з каханнем так лёгка ўмаўляцца.

***

Напрыканцы сакавіка,
Пад час утомнага чакання
Тваё цікаўнае вітанне
Прынесла бляск маладзіка.
Духменіў гасцявання час
У спавяданцы той, няснёнай,
Маладзіковая карона,
Няўгледная, злучыла нас.
Апёк твайго маладзіка,
Запрамяніўся крышталёва
У нецярплівых перамовах
З пачуццямі сакавіка.

Маёй бабулі Батура Сафіі

Кветаноснага траўня стыхія, кветаноснага траўня сум…
Пераможныя зоры святыя пазалоцяць сабой расу.
І прасякнуць святой вадою сэрцы, злучаныя вайной,
І шчаку апячэ слязою і ў мяне, і ў мяне маладой.

Ненаўмысна заб’ецца вецер у сцягах, бы ваенны гул,
Анямеюць вясны суквецці, быццам памяць зямлі скалануў.
Ён скароціць адлегласць часу, на імгненне злучыўшы ўсіх
Пераможным і светлым вальсам, што пяецца вясною ўслых.

На зямлі з люстраною Нямігай, акупацыі чорны лёд
Раскрышылі, знялі вярыгаў невымоўна халодны дрот.
Ажывае славутасць продкаў і сплывае ў каменны свет,
Звыклым будням, нібы паводка, нечаканы гарачы снег.

Кветаноснага траўня стыхія – маладосці герояў хвала.
Там бабуля мая, Сафія, на Брылеўскай дзяўчынкай жыла,
Што бясстрашша напой вядомы напачатку вайны адпіла,
Сувязной партызанскай дадому праз усе патрулі прайшла.

***

А студзень хворы на вясну,
І не адновіць маразова
Сваю сцюдзёную назову, –
Ручай маланкаю бліснуў.

А студзень хворы на вясну,
І не прыгадвае завею,
І кроў яго не ледзянее, –
Адлігі водар захліснуў.

А студзень хворы на вясну,
І перад ім нямее люты…
А тайнапіс яго пакутаў
Галіны вольныя схіснуў.

***

Я ад восені ў лета збочыла,
Там чакалі мяне архідэі,
Там Сіям каралеўскім росчыркам
Так узвысіў мае надзеі!

Кожнай пагады ўзлёт прасочваю,
Нібы шчасця адлік аспрэчаны,
Пачынаю гарачым воклічам
На прыступках да Будды вечнага.

Тыя дні, быццам вершы з нізкі,
Напісаныя птушкай райскай,
Прыгадаю ў халодным Мінску,
Дзе трапеча душа па-тайску.

Раніца

Глебу Варзіну

Цябе засмуцілі мусоны,
Заблыталі сумным дажджом.
Здавалася, Самет паўсонны
Сустрэне мяне капяжом.

І востраў, ля берага срэбны,
Затужыць, чароўнасць сплыве.
І я застануся бяз неба,
Дзе шчодрае сонца жыве.

Нягучную музыку раю,
Што дождж сівізною накрыў,
Я мoжа зусім не ўзгадаю,
(А ты пра яе гаварыў).

Тваё абяцанне збылося,
Як першыя промні прыйшлі.
Я Самета райскую восень
У сэрцы нясу па зямлі.

***

А Ціхі акіян у лістападзе
Не мае дачынення да маркоты,
З якою восень ладзіла палёты
Лістоў апошніх у вясковым садзе.

А Ціхі акіян у лістападзе
Абачліва маю пястуе восень,
І адкаціць спяшае сумны позірк –
У акіяна з восенню суладдзе.

А Ціхі акіян у лістападзе
Як відавочца і абраннік раю.
Ад восені звычайнай адвыкаю,
Сіямскую – зацішна хвалі кацяць.

***

Між небам і зямлёй – у акіяне,
Дзе хвалі адліваюць надвячоркам.
І шалясцяць нячутным ракатаннем,
Ты нагадаў мяне нябеснай зоркай.

У сонечных глыбінь навідавоку
Ты набліжаўся да вады і мерыў
Набасанож пустэльны бераг крокам,
І неба мне шаптала пра намеры.

Ад вокліку твайго… цячэнне лёсу
Заліў Сіямскі завірыла моцна.
І я Паттаю – горад несур'ёзны
Люблю за акіянскае прароцтва.

Ніне Субоцінай

Ступню залатую Будды пабачыць – вялікі гонар,
З табой застаецца радасць, не зведаная нікім.
Яе цудадзейнай сілай асвечаны нават зоры,
Свяшчэнныя месцы тыя нагадваюць маякі.

Узвышаны пірамідай ступенчаты дах мандопа –
Такі рэлікварый вечна ўзносіцца на гару.
І сэрца каля падножжа табе учыняе допыт:
«Каменных прыступак дзвесці адолею, не згару?»

Не ведаюць аніякай паломнікі тайскія зморы,
І мы пачалі рызыкоўны па лесвіцах узыход,
А моманты перапынкаў пазначылі переразвонам,
Адбітак святы, высокі бліжэй, нібы шчасця код.

Ступню залатую Будды пабачыць – вялікі гонар,
Калі не галубіць вецер, апалены апаўдня,
Калі ты адчыніш неба ахвяраю улюбёнай, –
Адбітак кладзе на сэрца сусветная глыбіня.

Дождж

Філіпінская спявачка чаравала слых сяброваk,
Што плылі па Чао Прая на бліскучым караблі.
Ноч бралася над Бангкокам і агніла адмыслова,
Струны квантавага моста па-над хвалямі гулі.

Як паветраныя цені, за ракі галоўнай плынню
З берага сачылі ступы Храма ранішняй Зары.
Дождж, цяплейшы за пяшчоту, падаў кроплямі малымі
І будыйскія святыні прымушаў загаварыць.

Карабель, крыху замглёны і ракой, і асалодай,
Я змяніла на знаёмства легкавернае з дажджом.
І вільготны тайскі вечар адказаў на гэта згодай,
І Бангкок аднагалосы песню новую знайшоў.

Над пустэльнаю прасторай таямнічых цёплых вулак
Дождж мелодыяй нябеснай абвіваў мяне як сон,

І расянае адзенне на маёй блішчэла скуры…
Карабель майго натхнення, непатрэбны парасон.

Фларысту Дзіне Шымук

Кароткую лірыку хоку
Ты з лісця складаеш ізноў.
Нібыта жывеш у Бангкоку, –
Да кветак такая любоў!

І месціца ў сэрцы глыбока
Святочна-узнёслы настрой,
Нібы архідэя Бангкока,
Нас Дзіна чаруе сабой.

Пачуцці падымуць высока,
Сагрэюць у восені кроў.
У сонцы гарачым Бангкока
Ах, Дзіна, ты – роза вятроў!

Каштаны

Пірамідкі каштанаў
Маюць хрусткія кветкі.
З кожнай – песня Багдана,
Сонца ў кожнай ранетка.

Кожнай тонкія вусы,
Нібы траўня мембрана.
Лецьма падае з вуснаў
Спеў садзьмуты Багдана.

«Белых дрэўцаў» ападкі,
Што каштаны працялі, –

Сонечныя здагадкі,
Асяродачак жалю.

Восеньскае сонца

Бяскроўнае сонца – да месяца пара,
Згадаю па німбу скажоным, бо восень
Яго выкрасае ў цямноце гушчара,
Узгараецца возера промнем дзівосным.

Бліскучаму айсбергу сонца радзіна,
Ад восені ўціск уладарны ўгінае…
Сярод сярод старадрэвін купчастай краіны
Украпляецца сонца купальскага раю.

***

На сонцы ў бярэзніку свецяцца дрэвы,
Як лірныя струны, як трубы аргана;
Святлапіс мажорны замоўленых спеваў
Праймае гучаннем зямлі нечуваным.
Як восеньскі час, сузіральнасцю ясны,
Зямная душа, сувымерная з гукам,
У свеце староннім, у суме заўчасным
На хорах сваю супярэчнасць вышуквае.

***

Сузор'е кітайскіх ліхтарыкаў,
Як незалежная восень
З забытымі акулярамі
На сонечным пераноссі.

Сузор'е надзьмутых балонікаў –
Ніць зорчатай восі;
У ёй зачыняюцца тонкія
Падзей адгалоссі.

Іспанская хваля

Фальбоны іспанскія хваляў
Узрушваюць мора спадніцу –
На сонцы на ёй натуральна
Высокае неба ільсніцца.

Фарсуе шыкоўнае мора.
Стамчэй фантануюць каралі –
Ці ядзеркі ранкаў на ўборы
Халоднай вады віравання.

І дражніцца жоўтае неба,
Як пляжнае кідкае шклечка.
Мне мора кахання патрэбна –
Іспанскае і небяспечнае.

***

Колер лета над дахамі,
Быццам ліпеньскі пыл,
Сонца восенню змахвае
У лістападную плынь.

Выгараюць увечары
Там, дзе захад юрыць
І ў палосах трапечацца,
Як улетку, муры.

Ружавата-жаўтлявая
Вызначаецца стынь.
І з паўднёвай праяваю
Лістапад перастыў.

Знаёмства

Дождж кінуўся ў траву стамлёным конікам,
Якому не хапіла спрытнай важнасці.
Ты ў вечар зазірнуў маім палоннікам:
Паўднёвы, чарнавокі, надта ўражаны.

Ты ўраз адчуў, як пахнуць морам музыка
І пасткі танцаў неабдымна-вольныя,
І бальная наладжанасць спакусная
З маёю намагнічанасцю сольнаю.

І надум вечара бяззорнасць нёс выключную,
І назнарок злучаў запалу крыламі.
Тваю цікаўнасць танцамі агучвала
Марская закаханая ідылія.

Соф'і Мяшковай

Дарэмна спечаны праснак
Падобны на малы сланечнік,
Бо падарожжа не спазнаў
Пах, асалодаю памечаны.
Абставіны спаролі шво
Маёй асмужанай чыгункі.
А яскарак цыбульных шоўк
Пацвельвае з маіх пакункаў.

Песня пра Беларусь

Нясецца змроку сіняя палоска
У светлым небе, ледзь маладзіковым.
Я родных песень чую адгалоскі
У размове хуткіх колаў цягніковых.

Я не жадаю расставання з Беларуссю,
Ёй захапляюся і ёю ганаруся.
Яе любоўю кожны крок сагрэты,
Яе прывабным тумановым светам.

Адчую зменлівы настрой ракі,
Вады вялікай вечнае трымценне.
Маёй зямлі святыя берагі,
Дзе вечнасці рассыпаны імгненні.

Я не жадаю расставання з Беларуссю,
Ёй захапляюся і ёю ганаруся.
Яе любоўю кожны крок сагрэты,
Яе прывабным тумановым светам.

Мары

Як смелы марнік, што верыць небу,
Яго законам, яго блакіту,
Я летуценням шукаю глебу
На аблачынах, расой адмытых.

На аблачынах, што час ад часу
Асвеціць сонца невыпадкова,
Адбіткі бачу я мар уласных
І неба робіць сваю выснову.

Яно мяняе аблокаў здані,
Яно мяняе жыцця істоту.
І абярнуцца мае жаданні
Калісьці шчасцем непаваротным.

Як нельга жыць аб адзіным хлебе,
Душы высокай, душы натхнёнай,
Так мары-птушкі высока ў небе
Мацуюць крылы, амаль да звону.

Гараджанкі

Наталлі Хазяевай

Для ўсіх праспявае вяснянкі
Узрушаны птушкамі Мінск.
Гукалі вясну гараджанкі –
Стварылі яе відарыс.

Бліскучай іголкі маланкай
І колерных нітак святлом
Вясновыя вышыты ранкі,
Дзе сум, завязаны вузлом.

На снезе даследуе глебу
Дапытлівым следам ручай…
Надзея вясновага неба
У батыку б'е цераз край.

Чароўнай вясны калежанкі,
Іх пяльцы – бы кола любві.
Нясіце вясну, гараджанкі,
І ў сэрцы сваім, і ў крыві!

РАИСА ПАВЛЮЧУК

Родилась на Брестчине 3 февраля 1955 года. Инженерное образование получила в Москве. В настоящее время работает в Минске, в НАН Беларуси. С детства увлекалась чтением книг и математикой. В поисках гармонии взрослой жизни занималась водным туризмом. Жизнь привела к духовному поиску через слово. Печаталась в альманахах «Литературный Экватор» №№ 2,3. В 2014 году вышел дебютный сборник «Мелодия любви» (стихи, малая проза). В 2015 году вышла вторая книга «Протуберанцы памяти» (проза, стихи). Активно продолжает свои изыскания на литературном поприще. Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за произведение «Запах скошенной травы» в номинации «Моя малая Родина» (Россия, 2015 г.).

Поднебесная птица детства
(Рассказ)

Жаворонок… Певец полей, пашен и необъятных небесных просторов. Его не сразу увидишь в небе, а сначала услышишь пение, эту восхитительную трель, напоминающую быстрое журчание ручейка, небесного ручейка.

Поднебесная певчая птичка далёкого-далёкого детства, в котором луг был всегда рядом: родной, мягкий, с ароматными цветами, с моховыми кочками, где изредка встречался рой диких пчёл. Выбираешь место посуше, поровнее и падаешь, раскинув руки, на роскошную, мягкую подушку зелёной травы, полностью расслабляешься и, всё позабыв, долго смотришь блуждающим взором в небо, ни на что другое не отвлекаясь. Тихий шелест ветерка в высокой траве, вот цветочек на фоне неба склонился над твоим лицом, что-то прошелетело рядом: то ли бабочка, то ли кузнечек, а вот кто-то ползает и щекочет мелкими лапками твои босые ноги …

И вдруг небо зазвучало, с высоты начинает литься переливчатая музыка… Ты слушаешь, слушаешь в состоянии отрешённости от всего вокруг, но детское любопытство, наконец, берет верх над гармоничным спокойствием полуспящего состояния, и ты приподнима-

ешься над травой, ощущая усиление ветерка. Кроме тебя, вокруг на луге никого нет, а музыка продолжает литься…

Потом ты не выдерживаешь, хочешь быть ближе к небу, вскакиваешь на ноги, и ищещь глазами источник небесных трелей. Ты смотришь вверх, слышишь пение в высоком голубом небе, но кроме этого неба ничего не видишь, а песня всё льётся и льётся. Очень внимательно присмотревшись, сконцентрировав взгляд в то место, откуда льётся музыка летнего неба, наконец, видишь эту маленькую птичку под названием жаворонок, вызывающую своим притягательным и умиротворяющим пением восторг и умиление.

Держа руку козырьком и прикрываясь от света небес, стараешься не потерять его из вида, это крылатое создание, дарящее трепетную музыку высоких небес. Ты боишься лишний раз моргнуть и, не отрывая взгляда от поющего жаворонка, наслаждаешься его пением. А певец поднимается всё выше и выше и, трепеща крылышками, держится в небе на одном месте, самозабвенно даря пространству переливчатые, почти соловьиные трели.

Ты пристально наблюдаешь за ним и боишься, как бы жаворонок не забрался слишком высоко, иначе можно потерять из поля зрения маленькую певучую точку в небе. Всё исчезает вокруг: только ты и жаворонок, жаворонок и его пение. Это уже твой жаворонок, он поёт только для тебя и воспринимается домашним. Чтобы привлечь его внимание, ты прыгаешь, машешь ему руками и кричишь. Потом, понимая бесполезность этого занятия, умолкаешь, замираешь и просто наслаждаешься пением поднебесной птицы.

Если тебе несказанно повезёт и в высоком небе окажется много жаворонков, то от трелей невидимых певцов создается ощущение, что звенит и журчит само голубое небо, и тогда звук таких песен раздаётся на километры.

В детстве не помнился взлетающий или падающий камнем с небес к своему гнезду жаворонок, а только поющий. В небе он привлекал внимание своим чудесным пением и был всегда заметен только благодаря этому пению.

Жаворонок, любимая певчая птица детства… Где твоя восхитительная трель, подобная журчанию родника?.. Где ты сейчас, мой милый полевой жаворонок? Самозабвенный соловей родных полей,

пашен и необъятных голубых небес остался в далёком, но очень памятном детстве…

Волшебный кувшин

(Сказка)

То ли сказка, то ли быль,
То ли памяти костыль.

Жила-была тётенька, звали её Зайна, и была она очень злой и завистливой. Многие в округе говорили ей, что она очень красивая. Действительно, Зайна в переводе с арабского языка означает «красивая, прекрасная». А то, что слово «красивая» может быть как от слова «красота», так и от слова «красивость», Зайна не знала, поэтому ходила наша тётенька всегда с гордо поднятой головой, не сутулилась и считала, что все вокруг должны восхищаться ею, служить и поклоняться ей.

Как старшей из детей в большом семействе, ей по тайному наследству от бабушки достался волшебный невидимый кувшин, который был очень осязаем для Зайны, потому что наполнялся теми чувствами, которых было больше всего у хозяйки этого кувшина.

Когда у тётеньки, а значит, и в волшебном кувшине были светлые, радостные и чистые мысли, то вокруг было ощущение радости, но это было настолько кратковременно и чрезвычайно редко, что и Зайна, и окружающие не успевали этого даже заметить.

К сожалению, хозяйка кувшина была вечно злой и завистливой, поэтому кувшин наполнялся злобой, угрюмым молчанием и сразу превращался в помойный, становясь почти видимым. Всё клокотало в этом, уже колдовском кувшине: полыхало чёрно-багровое пламя с лилово-грязными всполохами, а неимоверный жар от него и от самой тётеньки ощущался на расстоянии. При этом кувшин становился страшно тяжёлым, поэтому Зайна всегда была до предела напряжена от своей ноши.

Когда она очень уставала, то, не задумываясь и не сожалея, выливала его содержимое на того, кто был поближе. Кувшин был невидим, поэтому тяжесть содержимого ощущалась человеком внезапно,

и самый ближний не сразу мог прийти в себя от такого невидимого, но теперь уже осязаемого им содержимого кувшина. Зато тётеньке после этого сразу становилось легко, потому что кувшин был пустым, и она экзальтированно выкрикивала: «Ля-ля! Ля-ля! Ля-ля!»

По мере того, как тётенька Зайна начинала опять надуваться от зависти ко всем людям и от злости на окружающий мир за недостаточное внимание к собственной персоне, кувшин начинал снова наполняться помойными страстями и становиться для хозяйки в очередной раз тяжелой ношей. И снова тётенька начинала искать, на кого же вылить содержимое злосчастного кувшина, чтобы ей стало легче, пусть даже на короткий срок. Таким образом, вокруг неё образовывался постоянный кругооборот злобы, который никак не мог прерваться, так как тётенька Зайна всегда была на кого-нибудь зла.

А ещё тётенька была очень работящей и постоянно трудилась. Работала она царицей красноречия: никто и ничто не могли превзойти её в высокопарном словесном изложении своих мыслей, взглядов и оценок происходящего. Тётенька-царица завораживала слушателей своими складными речами, своей интонацией, и люди тут же начинали её поддерживать, поддакивать, сочувствовать и просто слушать и смотреть на неё, раскрыв рот. Правда, отойдя от Зайны, они начинали понимать: что-то не то говорилось, не совсем она права, но было уже поздно.

Не дай Бог, было перечить или возражать ей: раскрытый рот говорящего тут же принимал всю накопившуюся злобную экзальтацию тётеньки. Царица красноречия не принимала никаких возражений в отношении себя, своих выводов и мыслей. Если она соглашалась с собеседником, вернее, не могла не согласиться с очевидным, то тогда просто высокомерно молчала.

Зайна была не только злой, но и жестокой. Однажды в виде наказания за непослушание она посадила пятилетнего мальчика в тёмный подвал. Оказалось, что там обитают крысы! Мальчуган немного посидел в холодном подвале, но увидев в темноте горящие глаза крыс, от страха сбежал, не побоявшись даже наказания от Зайны за свой побег.

Самый первый большой созревший персик или спелая гроздь винограда из родительского сада предназначались только для детей

царицы красноречия, которых она оберегала от всех и вся, как злая собака. А вот не её родным детям, тому же пятилетнему мальчику, её близкому родственнику, плоды доставались далеко не первые, и ребёнку было очень обидно и непонятно, почему так происходит.

Очень тяжело жилось Зайне, ей можно даже посочувствовать: постоянно носить тяжёлый кувшин с собственными страстями, тягостно молчать, когда хотелось гаркнуть на ближнего. К тому же, приходилось постоянно контролировать, чтобы никто не посмел обидеть её детей, при этом следить за своей царственной осанкой, чтобы с головы не упала корона, а корона у царицы была, ой, как тяжела!..

Ко всеобщему счастью, наступили необычные времена, и кругооборот злобы вокруг тётеньки прекратился, но эту ситуацию мы оставим для другой истории. Просто скажем, что при длительном использовании наследственный кувшин дал течь, так как злые мысли Зайны проели плешь даже в волшебном металле.

Волшебство предназначено служить только добру − так было сказано бабушкой-волшебницей. Дорогой читатель! Представь, что тебе достался волшебный кувшин, чем бы он наполнялся? Можешь вслух не произносить, пусть это будет твоей тайной.

Запах скошенной травы

Запах скошенной травы
Усыпляет страсти…
Закружилась голова,
На покос упасть бы.

В сердце словно хмель стучит
Среди трав душистых,
Тихо музыка звучит
Ветра-гармониста.

С пожеланьем тёплых снов
На лучах закатных
Даль некошеных лугов
Греет ароматом.

А в вечерних облаках,
Радостью объяты,
Разбежались в небесах
Звёздами… цыплята.

Раскудахталась луна
От такого счастья:
В звёздном небе не одна
С ночью на запястье.

Оставляя сонный след,
Пробуждая мысли,
По краям земли рассвет
Кружит коромыслом.

ЛИДИЯ ПОЛЯК

Родилась 20 февраля 1961 года в г. Дятлово Гродненской области. В 1978 году, после окончания школы, поступила в Слонимское медучилище, затем в Гродненский государственный медицинский институт. После 3-го курса перевелась в Минский государственный медицинский институт. Получила диплом по специальности «лечебное дело». Работает по специальности – врачом-нефрологом.

Пишет стихи с 1975 года. Дали жизненную силу, научили преодолевать невзгоды, привили любовь к прекрасному родители: Тофилюк Надежда Власовна и Александр Демьянович. С детства читала много книг, и сегодня увлекается поэзией Бориса Пастернака, Эдуарда Асадова, Марины Цветаевой и др.

Считает, что родилась под счастливой звездой, поскольку есть много друзей. В жизни опора и надежда – сыновья Александр и Сергей, муж Валерьян, за что им бесконечно благодарна.

***

Это хорошо, когда мы рядом.
Вместе мы идем с тобой вдвоём.
Провожать подолгу буду взглядом,
Верно дожидаться день за днём.

Ярко вспоминаю наши встречи,
Что на плечи шарфом мне легли,
И твои чарующие речи –
Мы с тобою вместе быть могли.

Мы, пожалуй, многое забыли.
Я грущу, когда уходишь ты.
И тоскливо голову склонили
На столе забытые цветы.

И они, похоже, очень зорко
В трепетном волненье тишины
На тебя глядят печально, робко,
И они надеждою полны.

Но они и я забыты... Может,
Это всё раздумья... И тебя
Пусть опять сомнения не гложут –
Буду ждать надёжно я, любя.

***

Приходит время расставаться –
Поток разлук неумолим.
А нам так хочется остаться,
Минуточку побыть одним.

Но время так неутомимо,
Как горный водопад реки.
Несется ураганом мимо,
Разлуки очень нелегки.

Разлуки лёд, ведь он растает,
И встреча станет так близка.
А звёзды в небе так сверкают –
Мои стихи, моя мечта.

Как бесконечно в этом мире
Всё то, о чём пишу сейчас.
Другие дверь откроют шире –
Им будет точно не до нас.

Воспоминания согреют,
Почувствуешь всю боль разлук.

А вера женщины сумеет
Перенести всю тяжесть мук.

Опять за встречами разлуки,
Я прячусь под твоё крыло...
Да, буду ждать – не ради скуки,
Мне просто так с тобой светло...

***

Ты не грустишь и не ревнуешь,
Не мчишься, голову сломя.
Быть может, ты в душе тоскуешь,
Быть может, разлюбил меня.

Но как понять твои поступки,
Но как понять, когда весна,
Бушует зелень листьев, тучки,
А я сижу опять одна.

Я без любви, как листик, ветром
Гонимый по полю, иль дождь,
Что падает на землю следом,
Желая чем-нибудь помочь.

Дождинки я ловлю рукою,
И дождь не спорит вновь со мной.
И даже лучше, что с другою –
Не повстречаюсь я с тобой.

***

Метель, на улице, зима
И ветер громко воет в трубах.

В снегу деревья, я сама
Застыла, иней сушит губы.

Взвиваясь, тоненький дымок
Взобрался высоко над нами,
Наверно, он увидеть смог
Так дали, что не видим сами.

А под ногами снег скрипит
Так мягко, и совсем не знает,
Что лишь зимою он лежит, –
Придет весна, и всё растает,

А люди, радуясь весне,
Совсем мороз не уважают.
Скрип снега, будто бы во сне,
Твои шаги напоминает.

Мороз сковал бурлящий ритм,
Окутал у березок души,
И мало кто ещё не спит –
Выходит, что бы снег послушать.

А солнце иней серебрит,
Сверкают серебром снежинки.
Снег на земле ковром лежит,
Озёра заковали льдинки.

И я вся скована, дружок,
Твоим холодным, гордым взглядом.
Хочу, чтоб ты оттаять смог,
Меня с собой увидеть рядом.

***

Не уходи! В погоне мчится век.
Мой самый добрый, славный человек!

Не уходи! Бросает сердце зов,
В надежде покорить тебя без слов.

Не уходи! Шумят прошедшие года,
Остановись, скажи мне только: «Да!»

Не уходи! В реке поёт вода,
Остановить тебя чтоб навсегда.

Не уходи! Исчезнет солнца свет
На тысячу иль сотни тысяч лет.

Не уходи! Тебе я вновь шепчу,
Я за тобой что в ад, что в рай лечу.

Не уходи! Любимый! Нет же, нет!
Не оставляй меня во мраке лет!

***

Душа тоскует взаперти,
А ей так хочется на волю.
Что разлюбила, ты прости,
Не стала я твоей звездою.

А быть, как все, я не хочу,
Искать, выпрашивать вниманье.
Я к морю тёплому лечу,
Меня не гложет расставанье.

А море синее ласкает
Уставший, молчаливый взор.
Шумит, волною накрывает
Наш неприятный разговор.

Душа уж в клетке не томится,
Расправив крылья, вдаль летит,
И счастье будет долго длиться –
Судьба моя над ним парит.

***

Спустился ангел на моё плечо.
Всё засияло – ясно, горячо.
И жизнь приобрела особый смысл,
А я-то думала, меня он позабыл.

Взмахнул крылом, поднялся в небеса.
Меня с собою звал – вот чудеса.
Хотел он землю в красках показать,
Быть может, что-то важное сказать.

Не полетела я за ангелом вослед,
Осталась на земле – держать ответ.
Всё в жизни стало ясно, горячо –
Спустился ангел на моё плечо.

***

Хочешь, я тебе вновь покажу,
Как прекрасны закаты, рассветы.
Хочешь, я тебе вновь расскажу,
Как печалится иволга где-то.

Как чарует вновь землю весна,
Изумрудный ковёр расстилает,
Но природа, не зная сама,
Краски жизни во мне зажигает.

Белым цветом цветут все сады.
Здравствуй, радуга! Ярко сияешь.
Я любуюсь природой, а ты,
Ты осколки красы собираешь.

Приходи, у реки до зари
Будем слушать весны пробужденье.
С переливом споют соловьи,
И тебя озарит вдохновенье.

Краски яркой весны мне дари,
Каждый час, каждый день восхищайся!
Соловьи нам поют до зари,
Жизнь прекрасна, живи, наслаждайся!

***

Ромашки в поле соберу,
Сложу из них букет.
Тебе на память подарю,
А может быть, и нет.

Себе оставлю я цветы,
Их нежный аромат
Вдыхать я буду – ну, а ты
Мой вспомнишь странный взгляд.

Ты нежно на меня смотрел,
Когда встречались мы,

Ты важное сказать хотел,
Но не сбылись мечты.

Ромашки на столе стоят,
Их аромат ловлю.
Нет, твой не вспоминаю взгляд, –
Я просто их люблю.

***

Грусть застала меня в сторожке,
Говорила со мной ни о чём.
И скребли на душе моей кошки,
Показалась жизнь мрачной во всём.

Долго грусть я тогда прогоняла,
У меня в жизни всё хорошо.
Но она глуховатая стала,
Так вцепилась, что ж надо ещё?

Невдомек ей, совсем не понятно,
Что она мне никак не нужна.
Стала грусть для меня необъятна.
Грусть, покинь ты меня, будь одна.

***

Повстречала тебя я, не зная,
Ты судьба или дар ты небес.
Твоё имя везде повторяя,
Я хожу, ожидая чудес.

Чудеса, небеса – образ светлый.
Мне помочь они очень хотят.

Твое имя, как символ заветный,
Мои мысли упрямо твердят.

И когда я тебя повстречала,
Пробуждалась заря ото сна.
Это счастье, я так посчитала,
Подарила тебя мне она.

Улыбайтесь и радуйтесь жизни,
Звёзды счастья пусть в небе горят.
Пусть с рожденья до самой, до тризны
Осыпает с небес звездопад.

***

Провожала мать в дорогу сына,
И шептала, вглядываясь вдаль:
«Пусть лихое всё проходит мимо,
Забери, Господь, его печаль».

Все надежды, помыслы не сбылись,
Проплыло добро всё стороной.
Видно, так судьба распорядилась, –
Жить и вековать теперь одной.

На коленях Господа молила –
Перед образами каждый день.
За сыночка до ночи просила,
Словно рядом была его тень.

Мать-старушку подкосили муки,
Её жизнь тяжёлою была.
На груди сложив покорно руки,
Потихоньку к Богу отошла...

***

Пусть ко мне приходит счастье –
И сегодня, не вчера.
Всё плохое и ненастье,
Прогоню я со двора.

Счастье я займу беседой,
В красный угол посажу.
Что ко мне пришло обедать,
Никому не расскажу.

А оно расположилось
За дубовым, за столом.
Тут надолго поселилось –
Говорить нам есть, о чём.

Долго счастье призывала.
Как себе, ему скажу:
Что его мне не хватало,
Никому не расскажу.

НАТАЛЬЯ РАДЬКОВА

Родилась 16 ноября 1966 года в Минске. В 1974 году пошла учиться в 111 общеобразовательную школу и в музыкальную школу № 2 имени Аладова. Училась по классу фортепиано. После школы поступила в Белорусский государственный институт народного хозяйства, который закончила в 1988 году по специальности «планирование промышленности». Работает экономистом, занимается внешнеэкономической деятельностью.

Стихи начала писать в зрелом возрасте. В настоящее время пробует себя в прозе. Пишет на русском и белорусском языках. Стихи печатались в газетах «Железнодорожник Беларуси» и «Наша Талачыншчына». Последние годы активно сотрудничает с коллективом детской музыкальной школы № 19 г. Минска. Руководитель хора мальчиков этой школы Елена Абрамович положила несколько стихов Н. Радьковой на музыку. Новые песни были исполнены на отчетных концертах учащихся, на конкурсе патриотической песни Фрунзенского района г. Минска, а также в Филармонии на авторском концерте Елены Абрамович «Дорогой любви» в рамках X недели белорусской национальной культуры «Галасы стагоддзяў».

Бабье лето

Осенний день, танцует бабье лето,
И робкий клён роняет жёлтый лист.
А на росинку солнце нежно светит,
И вдалеке чуть слышен птичий свист.

Улитка притаилась на листочке,
Вот ей – уж точно некуда спешить.
Ложатся на бумагу эти строчки,
И хочется пейзаж остановить.

Ни ветра нет, так тихо, ни дождинки,
Лишь хмурятся немного облака.

А в воздухе летают паутинки,
Бежит за поворот судьбы река...

Белые ангелы

Небесные ангелы белые
Кружатся под нашим окном,
Снежинки-малышки несмелые,
Осыпали всё серебром.

На ветках сидят, расчирикались
О чём-то своём снегири,
Как будто полвека не виделись,
И будут трещать до зари.

Украшены ёлки игрушками,
А в доме лесной аромат,
И все ребятишки с хлопушками
Отправились на маскарад.

Морозец и солнце на праздники –
Сегодня пришло Рождество.
Снежинки, как белые всадники,
Летят к нам творить волшебство.

На небе – зари пробуждение,
Но спать всё давно улеглись.
Закрою глаза на мгновение,
Чтоб все ожиданья сбылись!

В морозный зимний сонный вечер

В морозный зимний сонный вечер
Присядь и тихо помечтай.

Набрось платок себе на плечи,
Желаний ворох загадай.

Под ветер за окном и вьюгу
Свои глаза на миг закрой,
Представь – ты в сказке, и повсюду
Нам шепчет голубой прибой.

Летают эльфы между строчек,
И музыкант сюртук одел,
Здесь можно делать всё, что хочешь,
Отвлечься от привычных дел.

И пальцы струн коснутся нежно,
Гитара тихо зазвучит.
Пускай сбываются надежды,
И сердце трепетно стучит!

Возвращение в прошлое

Позабыто тут всё и заброшено,
Здесь одна баба Лида всегда.
Неприкаянно поле заросшее,
И кругом разрослась лебеда.

Автолавка за два километра аж
Привезёт спички, соль, молоко.
Баба Лида согнулась от ветра: да,
К автолавке дойти нелегко.

А была деревенька когда-то та
Многолюдной – сто двадцать дворов.
Клуб и школа, и ферма с телятами,
И колхозное стадо коров.

Ну, а летом и дети все встречены –
На каникулах здесь детвора,
И до самого позднего вечера
Гул стоял, суета – и с утра.

…Вот приехали, не были долго мы,
Не узнали деревню свою:
Заросла бурьяном, жизнь осколками...
Хатка наша стоит на краю.

В малой родине – всё здесь хорошее,
Всё до боли родное, своё.
Мои мысли уносятся в прошлое,
А над полем кружит вороньё.

Вот и детства родное пристанище,
Боль на сердце, осадок, печаль.
Повязали кресты мы на кладбище,
Нет уж Волева*, нету… а жаль…

Зима запуталась в апреле

Зима запуталась в апреле,
Земля – в снегу пока она...
Но робкий звон дневной капели
Сигналит нам: пришла весна!

Ещё морозы ночью звёздной,
Ещё холодные ветра,
На горизонте ж грациозно
Алеет солнышко с утра.

*Волево – деревня в Витебской области Дубровенского района.

К полудню птицы защебечут,
Взмахнёт верхушкою сосна,
И ветер с облаков прошепчет:
– Идёт весна, идёт весна!

И это пройдёт…

Бывают в жизни трудные минуты,
Когда все планы рушатся, мечты,
В душе твоей нет прежнего уюта,
И вот на мир с обидой смотришь ты…

Присядь и оцени всё по-иному,
Поверь мне, не сошёлся клином свет.
И сквозь века кивни ты Соломону:
– Пройдёт и это, – был его завет.

Мои года – богатство

Пусть жизнь моя опять бежит по кругу,
Но я в душе всё так же молода.
А годы наступают друг на друга,
Но лучшие – запомню навсегда.

Ещё не время подводить итоги,
Пока ещё вперёд глаза глядят.
Но то, что пройдено, – не плохо, вроде,
А главное – мы рядом: ты и я.

Смотри, как подрастают наши дети!
В них видим отражение себя.
Андрей – внимателен ко всем на свете,
А Сашка так похожа на меня!

Ценить нам в жизни надо, что имеем,
Растить детей, родителей любить.
Чтоб много лет спустя, как постареем,
Нам без стыда и итоги подводить.

Сегодня осень так похожа на весну!

Сегодня осень так похожа на весну!
Кокетливо, игриво солнце светит.
И тёплый ветер прячется в траву,
А воробей щебечет на рассвете.

Вот жёлтый лист, мелькнув передо мной,
Напомнил нагло, что сегодня осень.
Как здорово мечтать и петь душой,
Люблю такую пору очень-очень!

Не за горами новая весна

Про осень уж написано так много,
Про листья жёлтые и золотой ковёр!
Стоит печально ясень у дороги,
С подружками ведёт он разговор.

С берёзкой пошептался он немножко
И вспомнил молодые времена,
Когда гуляли люди по дорожке
И любовались им – была весна!

Берёза головой ему кивнула,
Листву сберечь при этом не смогла.
– Да-да, – сказала, – юность промелькнула,
Былую красоту всю унесла.

А липа рядом тихо прошуршала:
– Я вспомнила красивый свой наряд,
Когда в цветах стояла, утопала
И источала пряный аромат.

Вот так, немножко все они взгрустнули,
Что с холодами к ним идёт зима,
И тихо так, тихонечко уснули –
Не за горами новая весна!

Скворцы

Стоял погожий день весенний,
Май месяц пышно расцветал,
Качался плавно куст сирени,
Вишнёвый сад благоухал.

Светило солнце, пели птицы,
На грядку скворушка присел
Участка осмотрел границы,
Свои владенья оглядел.

Прошёлся важно, осторожно:
– Порядок в грядках и в саду,
Настало время, жить здесь можно,
Скворчиху завтра приведу!

Так и случилось: завтра утром
Они гуляли здесь вдвоём,
Под ручку шли на склоне южном
И поняли: не пропадём.

Вспорхнув потом на ветку сливы,
Мечтали птицы о своём,

О жизни долгой и счастливой
Под песни звонкие вдвоём.

Владиславу Плиговке*

Он, с детства к музыке причастный,
Баян взял в руки лет с пяти,
Ещё тогда всем стало ясно:
Ему с баяном по пути.

В семь лет он в Северной Пальмире**
Свой первый произвёл фурор:
Восторг у публики, эфиры...
Влад держит марку до сих пор.

Летают пальцы виртуозно,
И льётся музыка рекой,
Легко играет, грациозно,
И в свой баян влюблён душой.

Сложнейшей техникой владеет
Наш белорусский музыкант,
Своей игрой он всех согреет,
Здесь кроется большой талант!

---

*Владислав Плиговка родился в Полоцке. С пяти лет занимался музыкой под руководством педагога М.И. Ивашкина. В 1993 году, в семилетнем возрасте, на международном конкурсе Санкт-Петербурге он полностью исполнил «Детский альбом» П. Чайковского, завоевав признание публики. Окончил Белорусскую государственную академию музыки (класс заслуженного артиста Республики Беларусь профессора Н.И. Севрюкова). В. Плиговка является лауреатом многих международных конкурсов.

**Санкт-Петербург.

Умейте жизнью наслаждаться

Умейте жизнью наслаждаться,
Не унывать по пустякам.
Вещам привычным удивляться,
Причалив к жизни берегам.

Вдохни в себя букет ромашек,
Зажмурь от радости глаза,
Прекрасен щебет певчих пташек,
Когда окончилась гроза.

Пусть удивляет луч заката,
Туман, плывущий у реки,
Иди с улыбкой, ты богата,
Всем огорченьям вопреки.

И пусть душа поёт, ликует,
Искрится в уголочках глаз,
Пока прекрасное волнует,
То старость не настигнет нас!

Вернуться в детство

Вернуться на минутку в детство,
Стать беззаботной, озорной,
Но где найти такое средство,
Чтоб детство попросить: «Постой!»

Чтоб снова стать смешной девчонкой
В короткой юбочке, с косой,
С подружками смеяться звонко,
Гонять полдня за стрекозой.

Играть и с куклами, и с мишкой,
На ножке в классики скакать,
Под вечер зачитаться книжкой,
А по ночам во сне летать.

Зарыть в саду свои секреты,
В резинки прыгать час подряд,
Нарушив мамины запреты,
Стоять потом, потупив взгляд.

Мчать после школы в музыкалку,
В кино на мультики сходить,
Петь песни, прыгать на скакалке
И в выбивалы метко бить.

Батон намазать шустро маслом,
А сверху сахар – вот мечта!
Бежать во двор вприпрыжку – ясно,
Что это просто красота.

А если нам немножко грустно,
Тихонько с мамой задремать,
Проснуться – как же пахнет вкусно!
Ещё немножко полежать.

Мы в детстве это всё не ценим,
Хотим скорее повзрослеть,
И почему-то очень верим,
Что впредь не будем сожалеть.

Как жаль, что быстро всё проходит,
И нам былое не вернуть.
И лишь во сне мечта приходит,
Чтоб снова в детство заглянуть.

МАРИЯ РОЗУМКО

Родилась 1 ноября 1958 года в деревне Ишколдь Барановичского района Брестской области. Получила образование в Барановичском технологическом техникуме, окончила курсы бухгалтеров. Работала техником-технологом хлебопекарного производства, бухгалтером на промышленных предприятиях. В настоящее время занимается творчеством, вышивкой, рисованием. Литературу любит с детства. Увлекается поэзией Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Федора Тютчева. Печаталась в газетах «Женский калейдоскоп», «Знамя юности».

В деревне

В деревне летом тишина такая,
Что воздух слышно как звенит в полях,
И бабочки как над травой порхают,
И ветер как играет в проводах.

И среди этой тишины звенящей,
Где слышен нежный аромат садов,
Не встретят у калитки той манящей,
В окно не улыбнутся между слов.

Давно ушли хозяева из дома –
Их души улетели в небеса,
Кого-то редко встретишь из знакомых,
Дороже детям городов краса.

Когда-то здесь звенели смех и песни,
На улицах резвилась детвора,
И вечер тёплый летний был чудесен,
Зимой тянуло дымом со двора.

Другая жизнь, всё портится с годами,
И сердце защемит – он долог, путь,
Хоть прошлое осталось вместе с нами,
Но невозможно время повернуть.

Очнутся от иллюзий, верю, люди,
Услышав крови предков вечный зов.
Вернутся дети, внуки – не забудут
Ту землю своих дедов и отцов.

Вернутся вновь они к своим истокам,
Где родники-ключи бьют из земли,
Где шелестят о прошлом и далёком
Столетние дубы, как корабли.

И возродятся сёла и деревни
Старинные усадьбы и пути,
Земли, где корни наши, этой древней
На целом свете лучше не найти.

Ты себе придумала любовь

Ты себе придумала любовь
Ты её себе нарисовала –
Из воздушных необычных снов
В сердце дивный ты узор соткала.

Ты вздохнула радуги цвета
И сиянье томного заката.
И весна в душе цветёт уж та, –
Возрожденьем, теплотой объята.

Ты придумала весь этот мир,
Из фантазий, грёз своих и мыслей.

Словно где-то сказочный факир,
Ты зажгла огонь из мелкой искры.

Ты себе придумала любовь
И в неё вдохнула пламя страсти,
Чтобы заблудиться вновь и вновь,
Оказавшись снова в чьей-то власти.

И пускай живёт в тебе мечта,
И душа стремится вслед за светом.
А любовь? – Жива в тебе, чиста! –
Твоё сердце говорит об этом.

Танец

Старинный зал сиянием струится,
И в танце мы вдвоём с тобой скользим.
Рука к руке, и рядом наши лица,
И музыки мотив неповторим.

Ох, так волнует сердце танец этот,
И кружим в вальсе мы, словно парим.
Забыв о нелюбви всего к нам света,
На крыльях мы своей любви летим.

Глаза в глаза, и лёгкая улыбка,
И шёлк струится мягкий по рукам,
И музыки чарующая скрипка
Играет, проникая в сердце нам.

Парус

Вот парус вдалеке один белеет,
Несёт его теченьем по волнам,

Лишь кромка гор вдали едва сереет,
Как гальки полоса, что где-то там.

Кругом простор, и небо голубое
И облака, не двигаясь, стоят,
А воздух до конца наполнен зноем,
И солнца яркого лучи блестят.

Морская ширь вокруг, и волны плещут,
И парус, он от ветра так трепещет,
А в небе – самолёта белый след,
И редко птица пролетит в ответ.

Да, парус – символ веры и надежды,
Стремится к цели средь воды безбрежной.
Плывёт, влекомый чьей-то он рукой,
И шум волны лишь слышен за кормой.

На прогулке

Из рук моих всё тащит поводок щенок,
Ведь для него весь мир и ярок, и глубок.
Бежит по тропке меж цветущими кустами,
Заросшей по бокам травой и сорняками.

И тянет он меня то к травке, то к цветкам,
То к горке-насыпи у домика песка.
Исследует окрестность, словно следопыт,
Остановившись, вновь вперёд быстрей бежит.

А я с трудом, но поспеваю вслед за ним,
И наперегонки мы вместе с ним бежим,
И разгоняет он окрестных всех котов,
А дети говорят: «Малыш всегда готов!»

Он доставляет радость нашей всей семье,
И каждый треплет его нежно по щеке.
Ведь друга лучше, чем собака, просто нет –
Свою любовь пошлёт он лаем нам в ответ.

Все начиналось с любви

Ты вспомни, как всё зарождалось,
С любви начинали всё мы!
Впервые с тобой повстречались
На белом крылечке зимы.

Мы с первого взгляда влюбились
Под звуки гитарной струны,
Мы в танце с тобой закружились
На крыльях волшебной волны.

И пусть за окном мела вьюга,
Скрипел под ногами снежок,
Смеясь, мы бежали с подругой,
И ты разыскать нас не смог.

С тех пор ты искал со мной встречи,
Смотрел мне в глаза, чуть дыша.
И в зимний заснеженный вечер
Домой провожал, не спеша.

Как трепетно ты прикасался,
Как сердце стучало в груди.
Впервые в любви мне признался,
Сказал, что вся жизнь впереди.

Зачем же с тобою рассталась –
Мы чувства сберечь не смогли...

Но память ведь наша осталась:
И робость, и трепет любви.

Ты, вспомни, как всё зарождалось,
Ты вспомни мгновенья любви…

Слёзы женщины

Зимний день. Серо-белое небо,
Как из сита идёт мелкий дождь.
Тихо капает с веток берёзы –
От него никуда не уйдёшь.

У дороги той, на остановке,
На скамеечке тихо ютясь,
Плачет женщина, так горько плачет,
Слёз своих уж совсем не стыдясь.

Растрепалась её вся причёска,
Шляпка съехала ей на глаза,
Она с грустью своей неразлучна,
И летит за слезою слеза.

Ах ты, милая... Кто же обидел?
Кто до горьких довёл тебя слёз?
У людей, с тобой рядом стоящих,
В их глазах лишь один был вопрос:

Может быть, здесь любовь без ответа,
Огорчила подножкой судьба?
Не хватает удачи по жизни,
Нету рядом плеча – вот беда.

Сколько женщин других, непохожих,
Что скрывают все чувства свои?

Плачут ночью тихонько в подушку,
Прячут боль, боль и слёзы любви.

Сколько женщин есть рядом – уставших,
Позабывших про нежность свою,
Тащат что на плечах своих хрупких
Дом и мужа, детей и семью.

И пускай плачет серое небо,
В сером цвете рыдает тоска,
Слёзы женские, боль и ненастье –
Это всё ненадолго – пока...

Пианистка

Легко порхают пианистки руки –
Несутся музыки старинной звуки,
Взмывают всё куда-то в вышину,
Как будто ветер тронет вдруг струну.

Звучат они то колокольным звоном,
То завершатся долгим тихим стоном,
То славят свет и мира сотворенье,
То щебет птиц, природы пробужденье.

То слышится, как шелестит листва,
И в поле как колышется трава,
И как в лесах глухих ручьи журчат,
Дождя как капли по земле стучат.

То гимн любви поет всё громче хор –
Из сердца чувства рвутся на простор.
То мечутся во тьме огни свечей,
То затихают в тишине ночей.

То к небу вновь возносятся они,
Звучат, поют мелодией Весны,
Земной любовью, светлым Воскресеньем,
Молитвой к Богу, радостью прощенья.

Легко порхают пианистки руки –
Несутся музыки волшебной звуки...

***

Разбросаны по полу вновь листочки,
И на столе – бумажный беспорядок,
Ищу я новые слова для строчек,
А рифмы выпадают лишь в осадок.

И пусть манит остывшее стекло,
Мне заглянёт в окошко зимний вечер,
Закуталась я в плед, и мне тепло,
Ночное бра лишь в уголке мне светит.

Зажглись в домах огни, а фонари –
Вдоль убежавших в тишину аллей.
Как белые воздушные шары,
Висят они в ночи среди ветвей.

В права свои вступает вновь зима,
А снег кружится, словно бы скучая.
Машины все, дороги и дома
Он белым-белым пухом засыпает.

Тройка

Мчится тройка коней удалая,
Ветер гривы им рвёт на бегу,

И мороз к дому их подгоняет,
След полозьев блестит на снегу.

Вечер ясный, вот в небе и месяц,
Вслед за тройкой плывёт он, дружок.
Над деревьями низко, над лесом
В небе светится белый рожок.

Мчится тройка коней удалая,
Снег вздымается из-под копыт,
Пыль жемчужная то оседает,
То, сверкая, играет, кружит.

Звёзды весело тройке мигают,
Освещая зимы небосвод,
И Медведица светит Большая,
Заблудиться коням не даёт.

Мчится тройка коней удалая,
Колокольчики лихо звенят,
Звуки между домами витают,
И людей к себе снова манят.

Лай собак, разговоры людские,
Детвора уж стоит у ворот.
Эх вы, кони мои вороные,
Как ликует душа и поёт!

Дирижабли

Стоял чудесный тёплый летний день,
Цветы цвели, спускаясь на плетень,
И атмосфера праздничного дня,
Витала в воздухе, к себе маня.

И веселились все: и стар, и млад, –
Концерты, игры, шуток звездопад.
На горизонте чуть был виден лес,
Сливался он с голубизной небес.

И вдруг на горизонте, средь игры,
Мелькнули разноцветные шары:
Вот нежно-голубой и сине-белый,
Вот жёлтый, цвета вишни переспелой.

Так плыли в небе, низко над домами
Большие дирижабли с облаками,
Летели вдаль с попутным ветерком,
Я даже помахала им платком.

Восторг мы испытали до поры,
Взирая на воздушные шары.
Их до окраин взглядом провожали,
Из вида те пока не исчезали.

ЛЮДМИЛА СИВОЛОБОВА

Родилась 26 января 1935 года в городском посёлке Тереховка Добрушского района Гомельской области. Окончила Сельскохозяйственную академию в городе Горки Могилевской области. В школьные и студенческие годы активно участвовала в самых разных литературных объединениях. В Минске живет с 1968 года. Работала на различных должностях в нескольких столичных организациях и на предприятиях. В настоящее время находится на пенсии. Сохраняет верность литературному слову. Пишет на русском и белорусском языках новеллы, рассказы, повести. Автор книг: «Новеллы» (2011 год: проза), «Сюрприз» (2012 год: проза), «Повести и рассказы» (2014 год: проза).

Что нас губит, или
Кошмарное занятие
(Рассказ)

Ветра и дожди полощут наши знамена,
Меняются краски, меняются лица. Года
От красного цвета отмыли наши ладони,
Но запаха крови, увы, не отмыть никогда.

А. Ботяновский

Самое кошмарное занятие –
убивать людей – своих собратьев.

П. Борисюк

Город не переставал расти. Новостройки продвигались всё дальше и дальше за его пределы, наступая на сельские ландшафты. Эти железобетонные исполины, как башни, окружённые со всех сторон длинными цепями зданий и надстроек меньшей этажности, образовывали городские джунгли.

Вадим сидел за кухонным столом у окна, обращенного на широкую улицу, и наблюдал за ведущейся грандиозной стройкой, что

велась через дорогу. Лето только начиналось, но солнце уже изрядно припекало. Он периодически опорожнял бутылки с пивом и тут же выбрасывал их через открытое окно прямо на крышу расположенного ниже административного здания. Пиво помогало, утоляя жажду. Полосатая майка окаймляла крепкие мускулистые плечи молодого мужчины. От левого плеча до локтя руки у него красовалась татуировка, изображающая целый ребус: бутылку, игральные карты и дамскую туфельку, а под ними разгадку со словами: «Что нас губит». Он время от времени наблюдал, как возводили очередную высотку и вокруг неё целый комплекс зданий более низкой этажности. На рекламных щитах, прикрепленных к ограждению, красовались надписи: магазин «Электроника», отель «Тивали», казино «Лас-Вегас» и многое другое, что будет включено в эту новостройку под общим названием КРЦ (культурно-развлекательный центр).

Казино «Лас-Вегас» больно задело его сознание, и он мысленно вернулся к прошлому: «Хватит с меня казино… Это из-за такого вот казино под названием «Прометей» я отсидел более трёх лет,» – с горечью подумал Вадим.

В те времена различные структуры частного характера активно начинали развиваться, в результате чего в центре города начало функционировать казино «Прометей», и Вадима тянуло туда, как магнитом. Иногда ему удавалось попасть на сеансы карточной игры к качестве наблюдателя. Там он повстречал такого же «болельщика», как и он сам. Парень назвался Санько, и между ними завязалась дружба «по интересам». Однажды после очередного сеанса один из заядлых игроков проиграл свой коттедж. После этого случая у обоих дружков искушение поучаствовать себя в игре стало настолько велико, что они решили: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское». Эта народная мудрость была применена не к месту и привела Вадима с его дружком Сашко на нары.

А всё было так: Вадим работал в то время охранником одного небольшого частного кафе, куда удалось ему устроиться по протекции. Для участия в игре нужны деньги. Решено было поздним вечером, когда наступит дежурство Вадима, вскрыть сейф и вместе с Сашко отправиться на игру. Но после выигрыша или проигрыша деньги всё равно должны вернуться. В результате, вся ставка, состо-

ящая из кассы, извлеченной из сейфа и поставленная на кон, накрылась и план провалился. На следующий день на Вадима надели наручники. Вслед за ним на нары отправился и Сашко, как подельник. Вообще-то, инициатива со вскрытием сейфа и похищением кассы изначально принадлежала Сашко. После отсидки пути Вадима и его «друга» разошлись. Сашко уехал в Киев к родственнику, а Вадим твердо решил «завязать» с прежним ремеслом и остался в родном городе.

Подбадривая себя очередной бутылкой «Аліварыі», Вадим продолжал размышлять. Мысли вернулись к более раннему периоду, когда по возвращении из армии он устроился на не очень хорошо оплачиваемую, хотя и не пыльную работу. Не имея никакой специальности, устроиться на другую работу не удавалось, а соблазны лёгкой и весёлой жизни всё время преследовали его. Родители Вадима – мать и отчим – устраивали разборки между собой, пребывая в пьяном угаре. Предоставленный себе самому, он проводил время в компании сверстников. В очередной выходной решили выехать за город к знакомым девчатам. Но что это за жених без «тачки»? На загородной трассе они подсели в легковую машину и, отъехав часть пути, накинули удавку на водителя, но решили не «мочить» его, а только напугать. Трассу по обе стороны окружал сплошной густой лес. Они выволокли водителя из машины и крепко-накрепко привязали его большой сосне метрах в ста от дороги, при этом утешая его, что через какое-то время вернут машину и отвяжут его, если будет себя вести хорошо. Однако потерпевший вовсе не собирался идти на поводу у какой-то шпаны. Но его отчаянные попытки освободиться от веревок, которыми он был привязан к сосне, не привели к успеху. Время от времени по трассе пролетали машины на большой скорости. От движения транспорта стоял непрекращающийся гул, и все просьбы о помощи оставались без ответа. Мужчина, наконец, почувствовал, что какая-то машина сбавила ход и съехала на обочину дороги. Он собрался с силой и протяженно закричал: «По-мо-ги-те!» Лесное эхо повторило просьбу.

Перед пострадавшим возникли двое мужчин в милицейской форме. Это был дорожный патруль, который высвободил водителя и сразу занялся поиском угнанной машины.

Эта авантюра закончилась для Вадима уголовной статьёй за разбойное нападение и угон машины с отбытием срока в пять лет. Был ещё один эпизод в его жизни – неудавшаяся попытка ограбления квартиры, когда он застрял в шахте воздухоочистительного канала, где какой-то квартиросъемщик-мудрец за счет этого канала решил сэкономить площадь кухни и встроил в него посудомоечную машину. Этот трюк едва ли не стоил Вадиму жизни, если бы владельцы квартиры не вернулись домой и не вызвали сотрудников МЧС с их службой спасения.

«Довольно приключений! Мне уже перевалило за тридцать. Эпоха шалостей прошла. Нужна работа, непыльная, денежная. Легко сказать… Нет никакой специальности, да и «ксива» об отсидках не подходит для устройства на приличную работу,» – думал Вадим. Его размышления были прерваны внезапными продолжительными телефонным звонком. «Здоров, Вадим! Це я, Сашко. Звоню з Майдану. Клічу до мене у Київ». Сашко долго уговаривал Вадима приехать для участия в движении, которое разыгралось в центре украинской столицы. Он долго разъяснял о том, что напрягаться и воевать не придётся, а за участие всем выплатят неплохие деньги. Не забыл Сашко напомнить своему другу о давнишнем долге, что проиграл когда-то ему Вадим. «Придётся ехать,» – с горечью решил Вадим.

Ранним утром следующего дня Вадим прибыл в Киев туристическим автобусом. За нелегальный проезд ему пришлось рассчитаться валютой с водителем. Двое парней в комуфляжной форме встретили его и тотчас же повели в сторону. «Ты шо, Вадим, ні угадав мене?» Вадим узнал по голосу одного из них. Это был Сашко. «Ледзьве пазнаў цябе. Думаў, што гэта Астап Бэндар…. Чаму ў гэткай форме?» – начал посмеиваться Вадим.

Через полчаса ходьбы они оказались на огромной площади, по периметру которой стояли многочисленные палатки, а позади на некотором расстоянии возвышались административные здания. Вся площадь была заполнена толпами людей молодого возраста, многие из которых были одеты в военную форму, у некоторых на рукавах выделялись нашивки в виде трезубца, похожего на свастику. Колыхались черно-красные и желто-голубые знамёна вперемежку с кричащими лозунгами националистического толка, вроде: «Москалі,

геть з України». Вся эта пестрая рать сбилась в огромную толпу и двинулась на административные корпуса, размахивая бутылками с начинённой смесью. Вадим, влекомый толпой, оказался в эпицентре мятежников. Какой-то детюк всунул ему в руки бутылку. Сашко и его компаньон исчезли из вида. Вадим стал соображать, как избавиться ему от бутылки так, чтобы никого не поранить и самому не пострадать. Перед его взором предстала глухая стена здания. Он с силой швырнул в неё бутылку. Раздался оглушительный треск, и не успел он отскочить подальше, как резкая боль пронзила ему глаза.

Был уже поздний вечер, когда Вадим очнулся. Он лежал в просторной палатке, оборудованной для врачебных целей. Рядом на раскладушках лежали ещё несколько парней с забинтованными головами. Какая-то молодица накладывала ему на глаза толстый тампон. Затем, наложив повязку через его голову, произнесла с сочувствием по-матерински: «Це ні вояка, а горє. Валяй до хаты відсюль». «Рад бы отправиться в рай, да грехи не пускают,» – ответил Вадим. Утром какие-то полуобнаженные девицы неместного происхождения разносили по палаткам кофе и бутерброды. Потом пришёл Сашко. Он объявл о том, что Вадим зачислен в отряд боевиков, и ему, как наёмному солдату, будут выплачивать 200 доларов месяц. Вадим попытался выразить свое несолгласие, но было уже поздно. С горечью он лишь произнес: «Ну, и гад же ты, Сашко, как же ты меня подставил! За что же я должен сражаться, ведь я же один из тех «москалей», против которых призывают воевать ваши плакаты. Не думал я, что ты предложишь мне такую позорную работу». Но Сашко, у которого голова варила только до обеда, нашел ничем не обоснованный банальный ответ: «Гроши ні пахнуть, так і ты вже никуды ні збіжиш відсюль». Так, вопреки своей воле, Вадиму, как и и многим оказавшимся здесь ребятам, пришлось выполнять роль «наёмников».

К обеду на площади стали вновь собираться группировки с символикой вроде УПА, УНА и под разными плакатами, взывающими к смене власти. Раненых ребят из медсанбата направляли на строительство баррикад и изготовление такого нового оружия, как «коктейли Молотова». Откуда-то свысока над всей площадью из динамика непрерывно разносился хит: «Я не здамся без бою, я не здамся без бою…»

От весны и до второй половины лета произошло много значимых событий. Штурмовые атаки противоборствующих сил привели к смене руководства и установлению новой власти. Юго-восточная часть республики (Донецк и Луганск) отделилась, и образовались свои самостоятельные республики по волеизъявлению местного населения. Несогласное с этим киевское руководство бросило свои войска, состоящие из тех боевиков, что воевали на площади, а также призывников, и боевую технику на борьбу с собственным народом, не желающим подчиняться новой власти.

Отряд боевиков оказался в окрестностях Донецка. Разгорались ожесточенные бои между украинскими военными и ополченцами, защищавшими Донбасс. В числе нападающих был и Вадим. На шее у него висел автомат Калашникова, но он не стрелял из него. Больше всего действована боевая техника системы «Град», наносящая удары по мирнному населению. Гибли дети, старики, женщины. Их жилища были разрушены. Ополченцы – мужчины из местного населения – отчаянно сопротивлялись. На вторые сутки боёв они одержали победу. Отряд боевиков был окружён ополченцами и вместе с боевой техникой взят в плен. Среди пленных боевиков не оказалось Сашко!

Ополченцы обходились с пленниками весьма гуманно. Ребят обязали приводить в порядок территорию, пораженную атаками. Хоронили убитых, отправляли раненых в медицинские пункты, восстанавливали разрушенные жилища мирных граждан. При захоронении погибших Вадим внезапно обнаружил своего друга Сашко. Чувство жалости и утраты теперь овладело Вадимом. Оно пришло на смену того злобного негодования и мщения, которые до сих пор вынашивал Вадим по отношению к своему другу за вовлечение его в эту бессмысленную бойню. Теперь он думал о том, как ему жить дальше. Женщины, карты, водка – всё это издержки бывшей безрассудной жизни, к которой больше нет возврата. И воевать его больше никто на заставит. Его место здесь, среди этих исстрадавшихся людей. Он будет трудиться, чтобы исправить свои ошибки прошлого и настоящего.

Солнце клонилось к западу. Смеркалось. Темнота в этой широте наступала внезапно. Пора заканчивать работу. Группа ребят, и

с ними Вадим, сложила лопаты и направилась к тлеющему невдалеке костру, около которого расположилась другая группа таких же ребят, оказавшихся в плену. Один пёк картошку, другой бренчал на гитаре, напевая на родном украинском языке: «І шуме, і гуде, дрібни дощык іде». Вслед за ним какой-то новобъявленный Соловьяненко звучно и призывно затянул: «Сонце низенько, сіло близенько, спішу до тебе, лічу до тебе, мое серденько».

Украинские хлопцы, по всему видать, не собирались больше браться за оружие...

Никто не забыт, ничто не забыто*

(Рассказ)

Республика, на долю которой выпала львиная доля суровых испытаний в период Великой Отечественной войны, во время оккупации её территории вражескими войсками, готовились отметить семидесятилетний юбилей со Дня Победы над фашистской Германией. Город сиял гирляндами огней, шаров и цветов. Лица прохожих светились улыбками. Особенно радовалась молодёжь. Ведь это и праздник весны. А о прошедшей войне им больше всего было известно от своих бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, которых уже осталось так мало, что пересчитать по пальцам можно. Им сейчас по 80-90 лет. Эти старики-участники войны – люди особенной судьбы, и им приятно осознавать себя героями прошедшей эпохи и при случае делиться воспоминаниями с друзьями.

Вот и Любовь Ивановна Круглова никак не может избавиться от воспоминаний о тех далёких событиях, когда она восемнадцатилетней девчушкой была зачислена в зенитный расчёт артиллерийского полка, и несколько вражеских бомбардировщиков были сбиты ею лично. А её подруга по оружию Валентина погибла от прямого попадания снаряда. В отряде было семеро девушек-зенитчиц. Они защищали родной город от бесперебойных бомбежек. После Победы в живых осталось только трое. А теперь, спустя 70 лет, – лишь одна

* История, описанная в этом небольшом рассказе, основана на реальных событиях.

Любовь Ивановна. Она вынула из книжного шкафа старенький фотоальбом и стала перелистывать его страницы. Сколько вдруг нахлынуло воспоминаний! Вот ее родители – мать, умершая от голода в блокадном Ленинграде, отец, погибший на фронте, а вот супруг Любови Ивановны, бывший командир взвода. Он умер совсем недавно. Вместе прожили шестьдесят лет. Теперь она одна. Хотя не совсем одна. На другом конце города живёт их сын со своей семьей. Внуки уже взрослые. А правнучек Максимка, которого иногда привозят к ней в гости, со своими вопросами порою ставит прабабушку в тупик: «Бабушка, а ты уже старенькая и скоро умрёшь? Отдашь тогда мне свою клюшку, и я буду играть ею в хоккей».

Внезапный телефонный звонок отвлёк Любовь Ивановну от нахлынувших воспоминаний. Звонили из Центра социального обеспечения и приглашали её на обзорную экскурсию по городу, организуемую специально для ветеранов Великой Отечественной войны. Любовь Ивановна сперва не соглашалась. Она с трудом могла передвигаться на небольшие расстояния, и то с помощью массивной трости. В конце концов, её уговорили тем, что автобус для этой экскурсии подадут мягкий, вполне комфортабельный, и не надо будет так часто покидать его. Город с его достопримечательностями будет хорошо просматриваться из окон автобуса, а экскурсовод будет обо всём рассказывать. А в самом конце всех пригласят на запланированное чаепитие.

Любовь Ивановна давно не выбиралась из дома из-за мучавшего её остеохондроза позвоночника, и ей захотелось увидеть, как выглядит современный город. Она наблюдает из окна своей квартиры, как возникают новостройки. И вот Любови Михайловне позвонили и сообщили, что у её подъезда ждет автобус. Она спустилась вниз на лифте и увидела большой белый, сверкающий чистотой автобус. В нём уже было несколько человек. По городу колесили недолго, проехали по центральной улице до площади Победы, возложили цветы у Вечного огня, а затем, возвратившись в автобус, уселись поудобнее и стали знакомиться между собою. Это были настоящие ветераны, по такому случаю одетые в свои традиционные мундиры со сверкающими наградами. Сидящая рядом с Любовью Ивановной женщина назвалась Татьяной и рассказала о том, как она, санитарка полка,

вытаскивала из пламени боя раненых солдат, будучи молоденькой и худенькой девчушкой, выбиваясь из последних сил. В окна экскурсанты не глядели, а вели оживленную беседу о том, что было тогда и что стало теперь.

Автобус затормозил, всех резко качнуло в сторону. Наконец, остановились. Водитель объявил: «Приехали. Прошу всех освободить салон автобуса». Карабкаясь и помогая друг другу, экскурсанты выбрались наружу и стали приходить в себя от езды, разглядывая обстановку вокруг себя. Их автобус стоял на широкой площадке у самого невысокого, длинного жёлтого здания, над которым чёрными крупными буквами была выведена надпись: «Бюро ритуальных услуг». Первой эту надпись увидела Татьяна, соседка Любови Ивановны по автобусу. Внезапно её взорвало от негодования и она громко вскричала: «Гады, подонки, мерзавцы! Куда это вы нас привезли?!! Я жаловаться буду! Как посмели шутить над нами?»

Все участники экскурсии онемели от неожиданности и не знали, как им дальше быть. Но тут в дверях этого злополучного заведения показался молодой человек лет около тридцати, в светлом костюме с оранжевым галстуком. Вероятно, это был волонтер, которому поручили провести такое важно мероприятие. «Дорогие наши ветераны, – начал он, – меня зовут Денис Петрович. Нет ничего удивительного в том, что в этом здании, в просторном зале мы проведем с вами заключительный этап праздничного мероприятия в честь 70-летия Победы. Рано или поздно, но каждый из нас станет клиентом этого гуманистического заведения. Поэтому духовно подготовим себя к будущему. А сейчас прошу вас пройти вовнутрь помещения».

«Нашел место! Молокосос, щенок! В гробу хотела видеть твоё чаепитие!» – опять вскричала Татьяна, и, развернувшись, она поковыляла к автобусной остановке. Остальные, в растерянности и немного помедлив, направились к распахнутым дверям «Бюро...» вслед за Денисом Петровичем.

В просторном зале по периметру стен были расставлены пёстрые венки с ценниками, прикреплёнными сверху, а у их подножия – большие корзины, ручки которых были обвиты искусственной зеленью, наполненные также искусственными цветами. У торцевой стены зала были выставлены в ряд гробы разной конструкции, выполненные из различных материалов – от ламината и ДСП до натурального дерева. Любовь Ивановна вместе с одной из участниц подошла к одному из них, чтобы взглянуть на ценник. От указанной на нём цены просто потемнело в глазах. «Нельзя нам сейчас умирать. Надо сперва денег собрать…» – произнесла она полушёпотом, а её соседка кивнула молча головой.

Затем участники этого события расселись за большим столом в центре зала, на котором возвышался небольшой тортик. Вокруг стояли наполненные уже остывшим чаем чашки. Воцарилось гробовое молчание. Слышались тяжёлые вздохи. В такой обстановке никому не хотелось даже разговаривать. Появился Денис Петрович и объявил: «Уважаемые ветераны. Не переживайте, по домам также вас развезёт наш автобус. Здоровья и долголетия всем вам желаю. Мы, молодое поколение, вас не забудем».

Возвратившись домой, Любовь Ивановна долго размышляла о духовных ценностях современного мира и о моральных качествах нового поколения.

ВАЛЕРЫ СКАКУН

Нарадзіўся 17 мая 1961 года ў вёсцы Асавы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці. Скончыў Мінскі энергетычны тэхнікум ў 1981 годзе. Працаваў па кантрактах на Поўначы, у Якуціі, у Казахстане на Байкануры, ва Узбекістане. З 2005 года працуе ў Беларусі. Паэт, празаік, бард. Піша на беларускай і рускай мовах. Аўтар кніг: «Мяне вецер шукае» (2000 год: вершы), «Набытак» (2006 год: вершы), «На виражах судьбы» (2009 год: вершы), «Паўночны варыянт» (2012 год: проза), «За зацяненнем Поўначы» (2015 год: проза). У цяперашні час жыве ў п. Дружны Пухавіцкага раёна.

Араты

Настрой ад пачуццяў узняты,
І мроі імкнуцца да неба.
Свой сэнс набывае араты –
І пераўтвараецца глеба.

Малюе баразнамі поле,
Бы пэндзэлікам, плугам рупліва,
Араты існуе на волі –
На ніве сваёй урадлівай.

Тут ворава пахам адметным,
Араты ўбірае тут сілы.
У краі сваім запаветным
Буслы распраўляюць зноў крылы.

І мары ж узлёт і натхненне –
Бруіць ураджайна прастора.
Аратым кіруе сумленне
Душы, што наросхрыст, – бы мора.

І ладам жыцця роднай хаты –
Спрадвеку, праз сэнс і сталенне,

Нашчадкам пакіне араты
Набытак, руплівасць, цярпенне.

***

Кладуцца радкамі зноў словы,
Слупок за слупком вершаваным.
Быт сціплы – такія ж умовы,
Ды думкамі тут апантаны.

Збіраюцца рыфмы ў малюнак,
Вярлібры, харэі, санэты –
Як быццам на нейкі рахунак,
Над чым і працуюць паэты.

Імкнецца, ды ў зорнае неба
Тых думак зямных прыцяжэнне.
А там, дзе ўрадлівая глеба,
І сэнс набывае натхненне.

Трымціць заклапочана сэрца,
І мройнасці вабіць дарога.
Паэты – зямлі аднаверцы,
Што пацалаваныя Богам.

Дыялог

Ясны сонечны дзень.
– Не турбуй мяне.
– Што?
– Не пытай, ты мой цень.
– Я твой цень, а ты хто?
– Я, ды я па сабе выбіраю шляхі!
– Ты? Губляеш сябе, набываеш грахі.

– Калі цемра начы, ты хаваешся дзе?
– Ты пытаеш аб чым? У цемры ты, у бядзе?
– Не ў бядзе, ды цябе там ніколі няма.
– Не існуй у журбе – жыццё пройдзе дарма.
– А чаму ты пад сонцам заўсёды са мной?
– На шляху праз бясконцасць – адбітак я твой!

***

А дзе тое, што нідзе
Не губляе свайго плёну,
Нібы вілы па вадзе
Не малюе сэнс да схону?

А дзе тое, што заўжды
Табе будзе абярогам,
Тое, што і праз гады
Паспрыяе на дарогах?

А дзе тое, што цяпер
Распраўляе крылы мары,
І выказвае давер
Да цябе насланых чараў?

***

Так адносна ўсё ў жыцці,
Поспех, шчасце – гэта сон,
Што імкнемся мы знайсці
З мітуснёю нашых дзён.
Ёсць я – быццам бы няма
Вось на гэтым берагу.
Тут шукаў мо штось дарма –
І далей кудысь бягу.

Там жа, дзе губляў сябе
Шэрагам пражытых дзён,
Можа, я шукаў цябе,
Ды не я знайшоў, а ён.

***

Вабіла мэта дарогі
Ды прыпыняюць гады.
Не прытаміліся ногі –
Толькі шукаць, дзе сляды.

І парытэты ўжо ўзросту
Свой выдаюць мне намер.
Проста ж усё ці не проста –
Сэнс не змяняе давер.

Іншай фармацыі існасць –
Час пераходны заўжды,
Ёсць і свая ў тым карыснасць –
Каб не марнець ад нуды.

Сэнсам свайго адчування
Зноўку ісці наўздагад...
Там ёсць спадзеў і адхланне,
Думкі – вяртанне назад.

Пераўтварэнне

На шыльдах гандлёвых вітрын
Глядзі – тут распродажы, скідкі.
Пад цяжарам змены часін
Сную, абабраны да ніткі.

Кірмаш стракаціць напаказ
Наборам тавараў адметна.
І што мне рабіць – гэткі час:
Жыццё маё ў ім непрыкметна.

Мне зноў быць самім па сабе,
Не маючы крыўды на долю.
Ці ж мне-та ўжо быць у журбе?
З кішэняй парожняй – на волі.

Я тут, і я быццам нідзе.
Закваска – часінаў застою.
Мне звыкла быць у грамадзе –
Не пераіначваць устоі.

Праз шэраг кірмашных радоў,
Часовых жыцця пераменаў,
Іду я праз безліч гадоў
Да роднасных продкавых генаў.

Нахабства бярэ – у палон,
І смутак вярэдзіць сумленне.
Я блытаным шэрагам дзён
Збіраю свой сэнс – праз цярпенне.

Ісці далей трэба куды?
Не ведаю, толькі я веру –
Гады, што збіраю ў рады,
Не страцяць да лёсу даверу.

Так блытана сцежка вядзе
Туды, дзе надзея, адхланне.
Жыццё ідзе па чарадзе,
Кудысці іду – на спатканне.

***

Так патрэбна было –
Завіруха мяла бездарожжам.
Так патрэбна было –
Ліха ў твар мне так дзьмулі вятры.
Так патрэбна было –
Не жылося мне ўдосталь заможна.
Так патрэбна было –
І круціла жыццё, бы ў віры.

Так патрэбна было –
Не губляючы веры, надзеі.
Так патрэбна было –
Спадзяваўся я сам на сябе.
Так патрэбна было –
Адбываліся ўчынкі, падзеі.
Так патрэбна было –
Ды нідзе не чакалі цябе.

Так патрэбна было –
Я з’яўляўся, знікаў непрыкметна.
Так патрэбна было –
Накірункам ішоў наўздагад.
Так патрэбна было –
Заўважаў, што дарогай адметна.
Так патрэбна было –
Не было мне вяртання назад.

Так патрэбна было –
Той жадаў я сабе сваёй долі.
Так патрэбна было –
Што было, то было не дарма.
Так патрэбна было –
Вольнай птушкай і ветрам у полі –

Так патрэбна было –
Выбіраўся з уплыву ярма.

Так патрэбна было –
А навошта – не ставіў пытанні.
Так патрэбна было –
Усяму свой прызначаны час.
Так патрэбна было –
Развітанні, сустрэчы, спатканні.
Так патрэбна было –
Так жыццё выпрабоўвае нас.

Так патрэбна было –
Фанабэрыста праз невядомасць.
Так патрэбна было –
Та дарога, што зводзіла ў зман.
Так патрэбна было –
Што губляў я і сэнс, паслядоўнасць.
Так патрэбна было –
На маім даляглядзе – туман.

***

Запалонены табой,
Не знаходжу я спакой.
Дзе цябе цяпер шукаць,
І як мне цябе спаткаць?

Я пайду на небакрай,
Там шуміць зялёны гай.
Ты – каханая мая,
Там цябе сустрэну я.

Сумна так мне без цябе,
Што губляю я сябе.

Як і гаем я пайду –
Нават там цябе знайду.

Ты жывеш, дзе небакрай,
Дзе шуміць зялёны гай.
Запалонены табой,
Я знайду з табой спакой.

***

А я з табой згубіў сябе,
У час, калі сустрэў цябе.
Ды разам нам няма дарогі,
Як і прычыны для трывогі.

А на душы цяпер – зіма,
І лета нашага няма.
Лёс развёў з табой вясной –
Восень будзе не з табой.

Твой вобраз мроіцца мне ў сне,
І не забыць табе мяне.
Ды не сустрэцца нам ніколі:
Мы не свабодныя – на волі.

Крынічныя берагі

Па дарозе – праз гады – мы вяртаемся туды,
Дзе моцна так заўсёды нас чакаюць.
Да крынічнай, да вады, мы пракладваем сляды –
Да берагоў, што сілай наліваюць.

Мы ішлі – у добры час, ад берагоў, якія нас
Крынічнаю вадой сваёй паілі,

І ў дарозе той не раз, у выпрабавання час
Вытокі зноў асілкамі рабілі.

Як бы ні жылося нам, зноў дзялілі папалам
Сваю мы долю з родным сваім краем.
За далёкім берагам – сэрцам сумавалі там,
Ды пад уплывам лёсу і абставін.

Да крынічнай, да вады, па дарозе праз гады,
Дзе моцна нас заўсёды так чакаюць,
Мы пракладваем сляды, мы вятаемся сюды –
Да берагоў, што сілай наліваюць.

***

1
Калі журба палоніць сэрца,
Каханне не дае спакой –
У сэрцы болем адгукнецца,
І нібы сам ты стаў не свой.
Не памыліся, бо аднойчы
Усё ж прыйдзецца выбіраць.
Жыццё нам не даецца двойчы –
Каханне можна раз спаткаць.

Прыпеў:
Не шукай шчасця там,
Дзе не ведаеш сам.
І навошта ў журбе
Быць патрэбна табе?

2
Жывеш надзеяй на спатканне
У пажаданай варажбе.
Не быць шчаслівым без кахання –

Трапляеш у палон журбе.
Шукаць дзе шчасце не патрэбна,
Не ведаеш, бывае, сам,
І разумееш, што дарэмна
Шукаў яго ты ўчора там.

Прыпеў той жа.

3
І як свае нам здзейсніць мары?
Сустрэць каханне можна раз.
Не абыйсці яго нам чары,
Яны ў жыцці страчаюць нас.
Шукаем шчасце там, дзе сэрца
Палоніць мара і журба –
У сэрцы болем адгукнецца
Аб шчасці нашым варажба.

Прыпеў той жа.

***

А ў тым полі вецер жыве, вольны ў свеце, –
Так, неўтаймаваны ён жыхар прасторы.
Дзьме, куды жадае, мае на прыкмеце
На зямлі адзначаць, што ён ёсць, і ў моры.

З Поўначы на Поўдзень, з Усходу на Захад
Пастухом ганяе хмары ў паднябессі.
То над полем пройдзе разоў колькі запар,
А то заціхае дзе-небудзь у лесе.

Дзе дажджу нагоніць, а дзе снегам пройдзе,
Дзе маланкай блісне – перуном гучыць.

Хмары як прагоніць – сонейка і ўзойдзе,
Вецер раптам сціхне – перастане выць.

Птушкі заспяваюць у блакітным небе –
Вецер дзьме нямоцны – адчувае плынь.
Хмары спачываюць вільгаццю на глебе,
І віхор на сцежцы – думак гарачынь.

***

Вось мне і снішся ты, ночы
Зорная зноў цішыня.
І я гляджу ў твае вочы –
Думак тваіх глыбіня.

Рана прачнуся, світанкам –
Быццам мы побач з табой.
Мы развітаемся ранкам,
Вечарам буду з журбой.

Дзень прамільгне, як імгненне.
Буду я мроіць у сне –
Ты мне прысніся, натхненне,
Не пакідай зноў мяне.

ВЕРА ФЕОКТИСТОВА

Родилась 5 декабря 1939 года в селе Новый Буян Куйбышевской области. Окончила школу, техникум, институт, причем последний – в 49 лет с отличием. Писать стихи начала в седьмом классе, когда впервые влюбилась, и до сих пор успевает только записывать, когда они льются сами. Любимые поэты – А.С. Пушкин, Сергей Есенин, Роберт Рождественский, Анна Ахматова, Эдуард Асадов, Инна Кашежева. Автор поэтического сборника «Бог, Земля и я». Активно пробует свои силы в прозе.

Река моего детства

Будучи ещё ребенком, я уже испытывала на себе и близких влияние и светлых, и тёмных сил.

Детство моё прошло в селе Елихово Куйбышевской области. Время было послевоенное, и отголоски войны напоминали нам о ней ещё долгое время. Запомнились посещения вечно просящих подаяния оборванных нищих. Я бы сказала, что некоторые совсем не были старыми и немощными, однако выставляли напоказ свои болячки. Говорили, что это проказа. Мы, дети, были одни дома, двери никогда не запирались, нищие шли один за другим, а у нас не было ни кусочка хлеба. Моя детская душа не выдержала, когда пришёл ещё один, я сжала кулачки и отчаянно закричала: «Нечего подать!» Тот вытаращил на меня глаза и молча ушёл. Мы были вечно голодные. Спасение наше было в том, что отец погиб на войне, он был офицером, и поэтому нас поместили в детский сад, где мы все были одеты в одежду, которая выдавалась в саду. Её всегда стирали каждый день и проглаживали утюгом. Утюг был чугунный и работал на углях. Одежду проглаживали от вшей, от которых не было никакого спасения.

Нам иногда давали на ужин блинчики, посыпанные сахаром. Я съедала полблинчика, а половину прятала в карман для мамочки. Ночью мы стояли в очереди за хлебом. Выдавали его на семью всего полбуханки. Это были крохи. Мы придумали соревнование на на-

шей улице среди ребятни. Клалась в рот крошка хлеба, и надо было её продержать во рту дольше всех. Это была настоящая пытка: не проглотить эту крошку вместе со слюной.

На нашей улице жила девочка – жаль, не помню, как её звали. Так её мать работала в магазине продавщица. Как мы, дети, её ненавидели! Она выходила на улицу с куском белого хлеба, намазанного маслом и посыпанного сахаром. Вы бы видели, с каким победоносным видом она ела этот хлеб, глядя на нас. Мы такого хлеба в глаза не видели и еле сдерживали себя, чтобы не отлупить её. Однажды в зимний вечер мы катались с ледяной горки, и я увидела над собой голубой шар, величиной с большой мячик. Он проплыл над моей головой и опустился в дымовую трубу, где жила именно эта тётка-продавщица.

Я вместе с сестрою Надей учились в школе лучше всех, даже получали Похвальные грамоты. И вдруг с нашей учёбой что-то случилось: сколько бы мы ни учили, ничего не запоминали. И только через много лет, будучи в Минске, я попала к ясновидящей бабе Оле, и она рассказала, что у нас в деревне жила колдунья. Это она отобрала у нас знания, а на маму навела порчу такую, что мама чуть не умерла. Хорошо, что мы потом переехали в Сергиевск, и маме там стало лучше.

Надя тоже очень сильно болела, а меня тайком крестила моя бабушка Пелагея, это мать погибшего моего отца. Я помню, что у меня всё лицо и голова были в болячках – это была ветрянка. Вот бабушка с дедушкой Василием и повезли меня в церковь. Я эту церковь помню: она была высокая, из красного кирпича. Я благодарна им за это, потому что, с Божьей помощью, не раз выходила из труднейших ситуаций. Теперь-то я знаю, что у меня три ангела-хранителя. Один из них небесный, и это женщина, и её зовут, как меня, Вера.

На нашей улице было очень много детей, мы были очень дружны, собирались все вместе и играли в самые разные игры. Это была лапта, двенадцать палочек, казаки-разбойники. Каждую игру сопровождал свой ритуал. На Благовещение родители пекли жаворонков, мама делала их очень красиво. Вместо глаз у них была черёмуха. Мы с сестрой Надей залезали на сеновал, и оттуда сверху бросали их,

и пели песенку: «Жаворонки, прилетите, красно лето принесите». Надя кинула своего жаворонка, а он упал в свежую «коровью лепёшку». Вот было слёз, но мы её пожалели: каждый по кусочку дал от своего жаворонка.

Весной разливалась речка Кондурча, а вдоль неё был лес. Обильно цвела черёмуха. Однажды мы пошли за черёмухой в лес, а там, за лесом были огороды, затопленные водой, но хорошо были видны межи. Они выступали из воды, так как были насыпные. За этими огородами цвела такая красивая черемуха, что нам захотелось именно её нарвать.

Так вот, мы по межам и пробрались к черёмухе. Но, как только я потянулась за красивой веткой, как кусты раздвинулись, и я увидела обросшего щетиной мужика с бородой. У него не было ног, а ниже колен были привязаны деревяшки. Он закричал что-то бессвязное, безумными глазами вылупился на нас. Мы завизжали и, что есть силы, помчались через огороды. Только пятки сверкали. Как никто из нас не провалился в воду, одному Богу известно. Когда прибежали домой, забились под кровать, дрожа от страха. Когда рассказали про это родителям, папа сказал, что это выдумки: не мог там хромой мужик быть среди сплошной воды. А обо мне сказал, что я выдумщица и Мюнхгаузен.

Нет папы, нет мамы...

Мне запомнился в то время большой праздник. Он назывался «маёвка» – наверное, потому, что был всегда в мае, когда заканчивалась посевная. За селом на большой поляне было гуляние, в бочках на розлив продавался морс, он стоил, по-моему, копейку и был очень вкусный. Были песни, танцы, разные соревнования, а мы, малышня, у всех вертелась под ногами. Однажды этот праздник совпал с Пасхой. Рядом с поляной была гора, она называлась Лысой, потому, что на ней никогда ничего не росло. Мы на эту гору забрались. Внизу в рядок выкладывались пасхальные яйца. А мы по очереди сверху «катили» свое яйцо: если оно вытолкнет яйцо из этого ряда, то оно твоё. Тут один пацан и говорит: «А я знаю, где пещера Разина, мы с папкой туда на лошади ездили». Мы спросили: «Дорогу знаешь?» «Да, отлично помню,» – ответил тот.

Тогда мы всей ребятней пошли искать ту пещеру. Добрались мы до неё уже под вечер. И что интересно, вокруг неё росли необыкновенные цветы. Мы таких никогда не видели. А сейчас я вспоминаю, что они были похожи на ирисы. Вход в пещеру был заколочен, и слава Богу, иначе бы мы туда полезли. Мы подъели все свои пасхальные выигрыши, в овраге нашли нерастаявший снег, набили его в бидончики и пошли домой. А путь-то был не близкий, да и ночь наступила. Нам уже страшновато идти, но мы всё-таки не заблудились. А в селе началась паника: пропало полсела ребят, и никто не знает, где они.

Мы с Надюхой пришли домой заполночь. Папа с мамой, конечно, не спали. Мы думали, влетит нам, но они так обрадовались, что мы нашлись, что даже не ругались. А когда узнали про пещеру, то и вовсе успокоились.

Летом мы проводили всё своё время на речке Кондурче, она была такая чистая и певучая. На дне в песке водились раки, мальчики доставали их руками из норок и бросались этими раками в нас. Потом они их варили на костре и ели, а нам говорили, что раки едят утопленников, и я никогда раков не ела, а зря, уж очень вкусные они варёные.

Мама вышла замуж за папу в 1945 года, он очень хорошо к нам относился. Весной перед нашим детсадом была огромная лужа. От нас брал под мышки и перетаскивал через эту лужу. Однажды весной перед нашим домом была яма, снег вверху не растаял, а внизу была вода. Не знаю зачем, но Надю понесло туда, и она провалилась в воду. Я полезла ее спасать, и сама провалилась тоже. Выручил папа, он нас вытащил, а валенки, они остались в воде, он их доставал вилами. Мы сидели сушились на завалинке. Он только смеялся над нами и нисколько не ругался. Вообще, он был наш спаситель. Спасибо тебе, папа Коля!

Потом в 1946 году у нас родилась сестренка Ниночка. Нам приходилось с ней нянчится. Однажды зимой она просилась на улицу и всё твердила: «Тпрус, де тпрус,» – что значит, гулять. Вот мы её завернули в одеяло, посадили в сани, да так нагулялись, что отморозили ей щёки. У неё они каждой зимой во время мороза выступали

кругами. А мама их мазала гусиным салом. А Ниночка была большая «любительница» книг. У нее был большой чемодан книг – папа привёз. Она залезала в этот чемодан, доставала книги и рвала их в клочки. Однажды она полезла в чемодан с головой, а он закрылся. Вот было рёву, но это её не останавливало. Но зато теперь она преподаёт русский язык и литературу. Вот такая оказия. А учитель она от Бога, её очень любят ученики. Мы недавно с Ниночкой вспоминали наше детство: детские обиды, праздники. Она до сих пор помнит, как дразнила меня: «Всядуя, в печку бзнуя, пияли кьючком загнуя». Это первые стихи о моей персоне.Это я уже взрослая потом это раскусила.

На речку мы всегда шли по нашей улице, которая казалась нам очень длинной. В самом конце улицы был большой дом, а у хозяев водились индюки. Один индюк был большим и нарядным, и мы его дразнили: «Пырын, пырын, не нарядный, а пырушка нарядная». Он надувался и становился красным, распускал крылья и свой великолепный хвост и гнался за нами, а мы носились вокруг него с песнями и хохотом.

Вот так весело и шумно проходило наше детство. Очень мне хочется совершить поездку по этим местам, поискать родственников моего настоящего отца Ивана, а значит, и моих тоже, – может, кто в живых остался. Мне часто снится Елховка. Почему-то во сне я всегда иду к тёте Поле, она жила на другом конце села, местечко называлось Надыровка. Почему-то я именно оттуда хожу во сне в лес за ягодами.

Помню наш маленький уютный домик, покрытый крышей из камыша. Мы помогали папе резать этот камыш, когда требовалось ремонтировать крышу. У нас был маленький огородик, где мама умудрялась всего насадить. Помню, была огромная тыква таких размеров, что мы на ней с Надей плясали. А мама из неё в печке сушила нам «конфетки», и это было настоящее объедение. Сникерсу такая вкуснота и не снилась...

Непридуманные приключения моей юности в Сталинграде

В 1960 году меня и еще девять человек из 89-ой группы КНТТ (Куйбышевского нефтетехнологического техникума) направили на нефтеперерабатывающий завод. После выпускного мы договорились, что поедем в Сталинград все вместе, в один день, и встретимся на вокзале. Месяц нашего отпуска быстро улетучился, и вот наступил день нашей встречи. В Сталинграде на вокзале мы быстро нашли друг друга и шумной компанией отправились в зал ожидания, чтобы потом поехать на электричке в Волгодонск, где нас ожидали на заводе.

Мы нашли две свободные скамейки, расположились на них и с увлечением делились впечатлениями от поездки и маленькими событиями, произошедшими за этот месяц. Вдруг Нина Праслова стала нас расталкивать и шептать: «Пошли отсюда скорее!» Мы долго не могли понять, что она от нас хочет. Но она была так напугана и встревожена, что мы всё-таки её послушали и гурьбой вышли из зала ожидания. Мы стали её спрашивать, что же такое случилось. В ответ она разразилась хохотом и говорит: «Вы что, слепые? Среди вас сидит мужик, вывалил все своё «хозяйство» из штанов, а вы, как дурные, ничего не замечаете». А я им говорю: «Я видела, что-то у него там лежало, и подумала, что это кулек с персиками». Вот тут вся компания схватилась за животы, и такой стоял хохот, что от нас шарахались просто все. Оказывается, наша Ниночка, не один раз «имела счастье» наблюдать такое. Когда же мы всё-таки погрузились в электричку и стояли кружком у выхода, кто-нибудь да и выговорит: «Кулёк с персиками». Тут опять раздавался гомерический хохот, и все в вагоне надивиться не могли на этих шумных хохотушек.

В конце концов, мы всё-таки добрались до завода, для этого нам пришлось ехать на трамвае через степь километра два. В заводоуправлении нас всех распределили, кого куда. Мы с подругой Валей Кувшиновой попали в лабораторию на должности лаборантов по качеству выпускаемой продукции. Нам дали комнату в общежитии – одну на двоих. И первое время мы даже работали в одной бригаде. Как же было здорово, что нас в чужом незнакомом городе

было десять человек – однокурсников. Мы решили пойти на танцы на танцплощадку. В городе все знали друг друга, а тут появилась целая компания новых девчат, и на нас сразу, конечно, обратили внимание. Отбою от парней не было. Но тут появился очень примечательный тип в кирзовых сапогах с отворотами, в тельняшке, а за ухом у него торчала папироса. Он подходил к каждой из нас, но все ему отказывали, дошла очередь и до меня. А мне как-будто кто-то на ухо подсказал: «Иди, от тебя не убудет». Ну, я и пошла. А он мне во время танца говорит: «Ну, ты молодец, что пошла со мной танцевать, если бы не пошла, то до дому вы бы не добрались сегодня». Танец закончился, и я кинулась к своим девчонкам: «Девчата, быстро отсюда уходим, видите пацанов – это его друзья, нас они заприметиили, ничего хорошего нас не ждёт».

Конечно, мы быстренько помчали в общежитие и долго не решались никуда ходить, пока не приехали наши мальчишки из техникума. Всё было бы хорошо, но по городу поползли слухи, что появилась банда. Проигрывают людей в карты, вырезали уже несколько семей. А вот однажды прибегает к нам Нина Праслова:

– Девчонки, у вас нет пальто лишнего?

– А что случилось? – спросили почти одновременно мы.

Стою в очереди в своём красном пальто, подходит ко мне мужчина и говорит:

– Девочка, иди скорей домой и никогда не одевай своё пальто. Мы всех, кто носит красное пальто, сегодня проиграли!

Забросила она своё красивое пальто под кровать, а из старого зелёного сделала себе полупальто и его носила. Но история на этом не закончилась. Идем мы с Кувшинчиком, так произвали мы свою подругу, после работы домой в 12 часов ночи. Завернули мы за угол нашего дома, а навстречу нам идут два парня. Прижали они нас к стенке дома, и один мне говорит:

– Ты зачем носишь клетчатый шарф? Мы таких режем.

А на мне был вишнёвый шарф в крупный белый горошек. Я и говорю:

– А у меня шарф не к клетку, а в белый горошек.

А он мне:

– Не имет значения, всё равно режем.

А я ему говорю:

– Ну, режь, чего ждёшь-то?

Он оторопел сначала, а потом говорит своему другу:

– Ты чего молчишь?

А тот отвечает:

– Я не знаю, чего говорить.

А мой нападающий мне говорит:

– Ну, ты и смелая девчонка. Мы пошутили. Зачем вы ходите одни в такое время?

Похлопал меня по плечу и добавил:

– Ну, ты и молодец.

Добрались мы до своей команты, у Валюхи началась истерика, она просто заходилась от хохота и не давала мне спать всю ночь. После этого мы парням стали мстить: наберем в кастрюлю воды, и как парни идут, им на головы льём воду из окна, а сами прятались.

Но на танцы мы всё-таки стали ходить, нас уже принимали за своих. Потом как-то всё поутихло, но я ещё раз всё-таки вляпалась. Появился ещё один бандюган, идет, приглашает давчону, она отказывается, тогда он бьёт ее по лицу наотмашь. Опять дошла очередь до меня. Я говорю: «Отдыхаю». А он так искоса посмотрел на меня презрительно ухмынулся и сказал: «Хамса». И пошёл дальше.

А я потом думала, почему он меня не ударил и решила, что я смотрела на него без страха, и это его обезоружило. Я пришла в общежитие, раскызываю эту историю девчонкам и спрашиваю, мол, что такое «хамса». А они мне отвечают, что это рыба такая длинная тонкая, и давай надо мною смеяться.

Летом мы ходили купаться на Волго-Донской канал. В устье на канале стоял памятник Сталину высотой 75 метров. Мы к нему ходили гулять по вечерам. Там рядом было маленькое кафе, и мы там покупали иногда бутерброд с чёрной икрой и пили кофе с коньяком. Это мы могли себе позволить только с получки.

После этот памятник ночью свалили и увезли его в вагонах. Одна фуражка занимала целый вагон. Тогда Сталинград переименовали в Волгоград, а зря. Все помнят Сталинградскую битву. На Мамаев курган в выходные все семьями ехали – это была традиция. Так что я за четыре года и Сталинграде пожила, и в Волгограде.

Ангел мой, будь со мной день деньской, ты впереди, я позади

Случилась со мной необыкновенная история. Я в то время жила в Минске на улице Сурганова и шла с Комаровки – так называется в народе Комаровский рынок. На Сурганова был магазин-универсам «Рига». Мне нужно было перейти дорогу, она состояла из дух многополосных дорог, посередине стоял светофор. Вот переходила я через одну дорогу, в это время загорелся красный свет, а я как раз была возле светофора. В это время чувствую, как меня кто-то нежно взял под локотки и на метр перенёс вперёд. Мужской голос сказал: «Стой и не оглядывайся!» Голос был у правового плеча, я искоса посмотрела и никого не увидела. Не прошло и минуты, как в светофор на большой скорости врезалась машина. В ней были молодые мужчины и женщина. Одну дверь смогли открыть, а вторую заклинило. Люди на остановке бросились на водителя:

– Ты человека задавил!

– Где тот человек? – спросила я.

– Это я. Но меня не задели, машина прошла надо мной, – ответил оказавшийся рядом со мной мужчина.

– У вас ничего не болит? – вновь спросила я.

– Нет, всё в порядке, – ответил он.

У водителя была разбита голова и текла кровь. Я поднесла свои руки к его голове и промолвила: «Господи Иисусе Христе, останови кровь». Попросила мужчину вытереть кровь с лица. Лицо стало чистым, и кровь больше не текла. Я поблагодарила Бога и сказала водителю: «Благодарите Бога, что Он вас спас!!» Я не стала ждать милицию и пошла домой. Дома я своим ничего не сказала, иначе они бы меня приняли за сумасшедшую.

Теперь другие времена, и об этом можно говорить в открытую. Через несколько лет произошла другая немного похожая история. Я

уже переехала жить на улицу Матусевича, был дачный сезон, весна. Да, был ещё большой праздник – Благовещение. И мне приспичило ехать на дачу. Я все вечером приготовила еду и легла уже, чтобы утром встать и поехать. Только я закрою глаза, как вижу перед собой череп – как маску смерти. Я стала молиться за всех своих родных, но маска всё равно висела надо мною. Тогда я спросила: «Ты пришла за мной?» И я стала просить Бога, что мне нельзя умирать, я ещё много чего не доделала. Маска ушла.

Я встала и посмотрела на часы – было 12.30 ночи. Утром я не успела на первую маршрутку и попала только на вторую. Едем мы на маршрутке через Боровляны по большой центральной дороге, а в это время с поперечной дороги на нас несётся машина. Помню, она была красного цвета, а марку не запомнила. А мы уже были рядом с остановкой, где собрались люди. Нашу маршрутку резко подняли вверх, а потом опустили, а машина эта в нас врезалась. В маршрутке все стекла рассыпались, и мы сидели, как снегу, но ни у кого не было даже царапины. С водителем тоже всё было в порядке. У машины, что в нас врезалась, весь перёд был помят и разбито стекло. А водитель, молодая женщина, тоже была без повреждений. Я подошла к ней и говорю: «Как Вы могли на такой скорости ехать на главную дорогу?» Она мне сказала, что в тот момент ничего вообще не видела, как будто глаза были завязаны.

Вот так всех нас спасли ангелы. Нам дали другую маршрутку. Я тогда, когда это произошло, посмотрела на часы: было ровно 12.30. Я потом осмыслила, что мне было предупреждение, а я, балда, ничего не поняла. Когда я всё рассказала дочке Наташе, она сказала, что если бы я не поехала, то все погибли бы. «Ты всех вымолила,» – сказала она.

Люди добрые, не забывайте, что нас ведут ангелы, не забывайте им молиться и благодарить за помощь. А в бедах наших мы сами виноваты и несём за всё ответ.

ЖАННА ХРОМОВА

Родилась 17 января 1946 года в Минске. Окончила библиотечный факультет Белорусского института культуры в 1980 году, получив специальность «библиотекарь-библиограф». Работала в различных организациях Минска на должности заведующей библиотекой. Долгое время трудилась в ЦТДиМ «Эврика» руководителем различных кружков для детей и юношества. В настоящее время на пенсии, но продолжает работать: ведёт кружки в средней школе. Пишет с детства стихи и прозу на русском и белорусском языках. Публиковала свои произведения в газете «Сцяг Кастрычніка» (Дзержинск), в журналах «Мінская школа», «Пазашкольнае выхаванне» и др. Автор книги малой прозы и стихов «Бывает...» (2015 год). Живёт в Минске.

Париж!

(Отрывки из рассказа)

...В Париже было сказочно. Одно удручало: мне пришлось везде одной ходить. Все были компаниями или парами. Но было какое-то ощущение свободы. Куда хочу, туда иду. Как будто мне дома кто-то что-то запрещал. Одно меня тяготило, что я без детей и внуков. Старший сын с семьёй уже здесь был, а остальным пока не довелось. Не так-то это просто. Столько денег надо!

Ещё мне понравилось, что нищие сидят и лежат, где хотят. У нас бы их быстро повыгнали. Кто-то мне сказал, что они, бедные, на улицах в лужах свою одежду стирают. Я поначалу им давала по евро, да у меня ведь и других денег не было, а потом прикинула, сколько это на наши деньги, и чуть не сомлела. А когда появилась мелочь, стала мелочь давать. С одной женщиной разговорилась. Оказалось, она из Румынии, но на цыганку не похожа. Мне их так жалко было. Некоторые были с детьми, я им конфеты давала, что из дому привезла. И в отеле на чай тоже, но потом их уборщицы перестали забирать, и пришлось по евро на постели оставлять.

Я жила в центре. До оперного театра минут десять идти и до Лувра где-то около получаса или меньше. По дороге от отеля мага-

зины везде. Некоторые такие, что нам и не снилось. Архитектура в городе старинная, дома треугольниками. Я, конечно, не во всех магазинах побывала. Тем более, я в новостройки не ездила. Когда нас по городу возили на автобусе, мы видели и новую архитектуру, но на меня она не произвела большого впечатления. А может, нам не всё показали. По ночному Парижу на теплоходе по Сене экскурсия была. Красиво, конечно, но очень дорого. Видели светящуюся Эйфелеву башню. Кстати, когда мы днём были около неё, некоторые туристы пошли, чтоб на башне побывать, а я побоялась. Я вообще высоты боюсь, но на самолёте не боюсь летать.

На Монмартре побывали. Правда, дело было вечером, и художников было мало. Нам зкскурсовод много интересного рассказал. И про «Мулен руж» и про Монмартр. Я даже картину купила, правда, в распечатке.

Как показалось, в Париже больше экскурсантов, чем парижан. Французского я совершенно не знаю, кроме «мерси» и «пардон», поэтому по городу, не зная куда идти, спрашивала у прохожих: «Ду ю спик инглиш?» Почти все отвечали: «Э литл». То есть, немного. Но помогали. Даже в метро я одна поехала, когда изучала маршрут к Собору Парижской Богоматери. Помогли мне и билет купить, и через турникет пройти, и выйти, где нужно, сказали.

А поехала я туда заранее, чтоб назавтра не опоздать на экскурсию. Обычно нас возили от оперного театра, а то сказали самим к собору приехать. Приехала я назавтра даже раньше всех. По дороге в киоски ещё успела зайти, где сувениры и цветы продают. В соборе очень интересно рассказывали. Можно было даже свечки за всех родных поставить. После экскурсии нам велели самим добираться в отели. Сказали, на какой номер автобуса садиться. Когда я с несколькими женщинами села в автобус, мне почему-то захотелось убедиться, правильно ли мы сели. Я подошла к водителю и, как могла, спросила. Он ответил, что надо пересесть на другой автобус. Мы пересели и доехали до оперы.

Сама сходила я и в Музей восковых фигур. Правда, очень долго его искала. Спрашивала Музей мадам Тюссо, а, оказывается, у него другое название – «Гревен». Наконец, с помощью мамы и сына, словаков по национальности, я поняла, что пришла правильно. В

музее было просто сказочно. Сначала в темноте были фото-миражи. Потом все пошли по залам. Каких там только фигур не было! И герои разные, и артисты, и политические деятели, даже королева английская. Фотографировать разрешали. Я разных фотографий наделала, и даже попросила сфотографировать себя рядом с Путиным и Саркози.

...Повезли нас автобусом в замок Фонтенбло. Строительство его началось в тринадцатом веке при Людовике седьмом, а закончилось при Наполеоне Третьем. Обустройство салонов продолжалось при императрице Евгении в 1863 году. Конечно, весь комплекс мы не посмотрели, т.к. он очень большой. Нам показали один дворец и парк вокруг него. В пруду неподалёку видны были плавающие карпы. Во дворце мы посмотрели всё, даже кухню нам показали. Экскурсовод рассказывал о жизни французской знати. Роскошь и красота.

Когда ехали назад, я познакомилась с девушкой Катей, что сидела рядом. Оказалось, она – русская, живёт и работает в Париже. Я сказала ей, что мечтаю в Оперный театр сходить, только, говорят, очень дорого. Неожиданно она ответила, что именно сегодня туда собирается и что можно сходить совершенно не дорого. Для этого нужно придти пораньше и занять около кассы очередь. После третьего звонка будут продавать на свободные места билеты со скидкой, ведь всегда кто-нибудь билет купит, а сам не придёт.

Я попросила Катю занять на меня очередь, так как мне нужно переодеться. А Катя решила идти в театр сразу, не заходя домой. Сегодня была премьера оперы, только петь должны не французы, а артисты, приехавшие из Словакии. А мне всё равно, лишь бы театр посмотреть. И вот прямо из автобуса Катя пошла в театр, тем более, что место сбора и высадки туристов было около Оперного театра. А я быстренько пошла в свой отель «Империал».

Пришла, пакеты прямо на кровать бросила, собралась и быстренько в театр. Пришла, а Катя уже в очереди. Народу уйма! Очереди три. Все стоят посреди комнаты, перегороженной столбиками с натянутыми канатами, обтянутыми бордовым бархатом. Простояли где-то полчаса. Тут администратор подошёл к кассе и через некоторое время предложил купить билеты по сто евро. Несколько человек билеты купили. Потом наступила продолжитель-

ная пауза. Затем откуда-то появились молодые люди и предложили билеты подешевле. Кто-то и у них билеты купил. Катя в это время уже ушла, сказав, что сходит в другой раз. Поэтому у меня, учитывая мою разговорчивость, завязалась беседа с соседями. Мы решили билеты «с рук» не брать. Несколько раз администратор подходил к кассе и отходил, ничего не говоря. Люди подождали, подождали, да и разошлись. Остались только я и пожилая чета. И вдруг нашлось ещё одно свободное место. Но так как старичков двое, а я – одна, то билет достался мне, и стоил он всего двадцать пять евро! Вот так повезло!

Моё место было, наверное, на самом верху. До него я добиралась по лестнице без перил. Шла, млея от страха. Пришла, села, а рядом ещё два места свободных. Как этот компьютер показывает? Я, когда билет покупала, увидела, что в кассе на экране компьютера высвечен один квадратик. Наверное, потому, что два стула были приставлены, а остальные – кресла.

Опера началась. Так как пели не на французском, то на французском высвечивался текст. Но в опере и на родном языке часто не поймёшь каждое слово. В общем, не важно, мне всё равно понравилось. Но больше всего мне понравился потолок и внутренне убранство. Ведь потолок расписал сам великий Шагал!

...Когда оставался один день до отъезда, я успевала ещё в кабаре «Мулен руж». После очередной экскурсии я познакомилась с тремя женщинами, которые жили в другом отеле. Они поделились со мной тем, что заказали себе туда уже билеты на завтра. И сказали, что билеты им достал метрдотель.

...Представление начиналось в одиннадцать. Так что я почти сразу и назад пошла. Дошла быстро... Подошла к двери, минуя очередь. Ко мне сразу подошёл, по-видимому, контролёр. Он взял меня под руку и, подведя к одному из столиков, предложил сесть и подождать. Столиков было всего несколько, поэтому большинство стояло в проходе. Я сидела рядом с каким-то японцем и разглядывала присутствующих. Одеты все были скромно. Дам в бальных нарядах я не видела.

Вскоре мне это надоело. Я встала и пошла в зал. Тут ко мне подскочил контролёр, тот же или другой, не знаю, и повёл меня в

зал. Там он подвёл меня к столику, который находился поблизости от сцены и предложил сесть. Но я сказала, что это слишком близко. Тогда он усадил меня подальше. Когда представление началось, рядом со мной уже сидела парочка кубинцев и совсем молодой мальчик из Австралии, который учился в Лондоне. Хотя мой английский и корявый, но мы поговорили.

Такого восторга от представления я, кажется, никогда ещё не испытывала. В кордебалете были такие молодые и красивые артисты, стройные – все, как на подбор. Девушки с обнажённой грудью почти все, костюмы сногсшибательные. Когда же они танцевали «канкан», он не шёл ни в какое сравнение с тем, что я видела ранее. Ни грамма вульгарности – так удачно были подобраны костюмы. В представлении участвовали и фокусники, и гимнасты, и дрессировщик-юморист. И всё по высшему классу. Все были в восторге. Мальчик из Австралии восторгался: «Супер!» И все вторили ему. Это действительно было «супер» и сказка!

...Домой летели поздним вечером. Париж в иллюминаторе был как ёлка в огоньках. Так и хотелось сфотографировать, но не разрешили. Не знаю марки самолёта, на котором мы возвращались, но, когда на «Боинге» летели в Париж, ни разу не качнуло, ни разу в ушах не заложило, а в обратную сторону так кидало! И, чтоб не чувствовать неприятных ощущений, мы с соседкой без умолку болтали.

Дома я заявила, что хочу в Париж ещё. Как же мне там понравилось! Я сказала родственникам, что теперь могу быть у них гидом по столице Франции.

ИРИНА ЦВИРКОВСКАЯ

Родилась 20 марта 1970 г. в Минске. Окончила Минский институт культуры (ныне – Белорусский университет культуры). Работает библиотекарем в массовой библиотеке. Писать стихи начала в школьные годы. Публиковалась в журналах «Нёман», «Першацвет», в газетах «Вечерний Минск», «Вместе». Пишет стихи и прозу.

Мячик

(Сказка)

В магазине «Спорттовары» на одной из полок жили-были мячи: футбольные, волейбольные, баскетбольные, для водного поло. Все они были толстые и важные. Каждый из них точно знал, для чего предназначен, и гордился собой. Только никто понятия не имел, кому и для чего нужен маленький серый невзрачный мячик, который непонятным образом оказался среди больших мячей. Да и сам Мячик ничего не мог сказать о себе. На фабрике его спешно упаковали в коробку с большими мячами и отправили в магазин. Большие и гордые мячи никогда не упускали случая побольнее задеть его.

– Для тебя, наверное, на фабрике материала не хватило, – подтрунивал над ним большой, толстый и важный мяч для водного поло. – Ты бракованный, понял?

– Кому ты нужен? – вторил ему красивый, белый с чёрными пятнами футбольный мяч. – Тебя задень, ты и полетишь неизвестно куда.

– Так что лежи тихонько да помалкивай, – добавил волейбольный мяч.

И Мячик молчал, забившись в самый тёмный и пыльный угол. Первое время, когда к полке подходили покупатели, он вместе с остальными мячами подкатывался к краю, надеясь оказаться кому-нибудь нужным. Но большие мячи оттирали его, выставляя напоказ свои толстые бока. Да и сами покупатели, случайно наткнувшись рукой на Мячик, брезгливо отбрасывали его в сторону. Мячику был обидно. И со временем он понял: чтобы меньше обижали, нужно

никому не попадаться на глаза. И при подходе очередного покупателя он испуганно откатывался в свой угол и сидел там, желая быть незаметнее, чтобы ему очередной раз не сделали больно.

Однажды в магазин вошел подтянутый человек в красивом спортивном костюме. Все девушки-продавцы тут же засуетились вокруг него. «Наверное, какой-нибудь знаменитый спортсмен,» – зашептались между собой мячи и сгрудились на самом краю полки, желая получше рассмотреть незнакомца. Даже Мячик, одолеваемый любопытством, высунулся из своего угла, за что тут же получил тумака от большого баскетбольного мяча.

– Ты ещё тут путаешься, – шикнул на него мяч. – Смотреть мешаешь.

– Извините, – пролепетал Мячик и откатился назад.

А тем временем незнакомец что-то спросил у продавца. Девушка ответила и растерянно пожала плечами. Незнакомца явно огорчил её ответ. Он собрался уходить, но неожиданно повернул и направился к полке с мячами. Те тут же выставили перед ним свои надутые толстые бока. А Мячик поплотнее вжался в угол. Ему всегда было неприятно, когда покупатели отпихивали его в сторону, но особенно стало больно от мысли, что сейчас этот уважаемый человек так же оттолкнет его. Этого Мячик не смог бы выдержать. Он с ужасом наблюдал за рукой незнакомца, деловито ощупывавшей мячи.

А тем временем незнакомец взял с полки красивый футбольный мяч.

– Для сына, – пояснил он девушке-продавцу.

Мячик облегчённо вздохнул. На этот раз его не обидят. Но в следующий момент заметил, что незнакомец смотрит прямо на него. Бедный затравленный Мячик изо всех сил вжался в угол и страстно пожелал стать невидимым. Но рука незнакомца неумолимо приближалась к нему. Вот сейчас… Сейчас этот человек нащупает его и отшвырнет прочь. И что тогда? Наверное, Мячик не выдержит и лопнет от огорчения.

Рука человека накрыла его… Вот сейчас… Сейчас его отпихнут… Сейчас… Но рука, аккуратно сжав его, извлекла из тёмного угла. Оказавшись перед глазами незнакомца, Мячик замер.

– Ну вот, а Вы говорили, что у Вас нет, – сказал мужчина продавщице. Та пожала плечами.

– Наверное, не на ту полку попал.

Мужчина лукаво посмотрел на Мячик.

– Что ж ты прячешься, серенький? Я ведь тебя по всем магазинам ищу.

Его, оказывается, ищут?! Мячик очень удивился, и, наверное, покраснел бы, будь он человеком. Но он был обыкновенным… теннисным мячом.

– Да, видимо, каждый в этом мире, даже самый маленький, для чего-нибудь нужен, – умозаключил однажды Мячик, отправляясь с хозяином на Уимблдонский турнир.

Девочка и свечечка

(Сказка)

Анечке не спалось. Напрасно на столе тихо и успокоительно постукивал будильник, приближая стрелки к полуночи. За окном изредка ещё слышался гул запоздавших автомобилей. Светлые блики их фар проскакивали яркими зайчиками на стене комнаты. Девочка лежала с открытыми глазами, и в голове упорно роились мысли, не дававшие ей покоя.

Год назад случилось несчастье. Сидя на подоконнике открытого окна, она неосторожно заигралась с подружкой и вдруг, потеряв равновесие, выпала с пятого этажа.

Перелом позвоночника – и теперь Анюта могла только сидеть. Стоять и ходить для неё стало невозможно. Да и ручки почти совсем не слушались. И если раньше она могла часами пропадать не улице, бегая с мальчишками по всем окрестным дворам, то теперь прогулки полностью зависели от отца, от его свободного времени. И в такие редкие часы отец на руках выносил её на улицу и усаживал в коляску. Лифта в доме не было, и Анечка чувствовала, как тяжело папе спускать, и тем более, поднимать её по лестнице. Отчаянная тоска всё чаще и чаще охватывала десятилетнюю девочку. Неужели она навсегда останется такой беспомощной?

– Надо заниматься, – твердила ей мама.

– А зачем? – упрямо спрашивала девочка. – Всё-равно ничего не получится.

Не найдя ответа, мама отходила прочь. Она и сама теряла надежду на исцеление дочери. Да, Анечка регулярно выполняла упражнения, которые назначил ей врач. Но пока не было никаких результатов. Дети всегда нетерпеливы. Им чаще всего нужен результат сразу, и, если этого не происходит, многие отчаиваются и перестают стремиться к цели. Так и егоза Анюта, когда-то шустрая и шаловливая, была теперь полна разочарования. И, как ни настаивала мама на постоянных занятиях, занятиях до изнеможения, Анюта сердилась и начинала ругаться в ответ.

Однажды мама зачем-то принесла из церкви свечку и поставила её на тумбочке возле Аннушкиной постели.

…Стрелки на часах давно миновали полночь, а девочке всё не спалось. Что делать? Как жить? Но тишина ночи не давала ответа.

– Не отчаивайся, Анюта, – неожиданно послышался тоненький голосок.

– Кто здесь? – вздрогнула девочка.

– Тише, тише, не бойся, – послышалось с тумбочки. – Это я, свечка.

– Свечка?! – удивилась девочка, усевшись на постели. – Ты можешь говорить?

– Да. Мы, свечки, часто разговариваем с теми, кто нас понимает.

– Конечно, конечно, – прошептала девочка. – В мыслях я могу разговаривать с кем угодно.

– А с Господом? Ты разговариваешь с Господом? – поинтересовалась свечка.

– Нет, – удивилась девочка, – а как с Ним разговаривать?

– Молитвой, – ответила свечка.

– Но молиться нужно стоя, а я не могу.

– А ты зажги меня и молись… А постоять… Я за тебя постою.

– Да как же я тебя зажгу, – всплакнула девочка, – у меня ручки слабенькие. Я горящую спичку уроню, и пожар случится.

– А ты скажи: «Господи, благослови», – и постарайся, – учила свечка. – Смотри, с какой любовью взирает на тебя Господь с иконы, что у изголовья висит.

– Темно, я не вижу.

– А ты зажги меня – и увидишь.

Дрожащей рукой девочка потянулась к коробку спичек, который почему-то лежал на тумбочке. Напрягшись изо всех сил, она зажала в пальцах спичку и, прижав другой рукой коробок, попыталась чиркнуть по нему. Но спичка вдруг выпрыгнула из слабой ручки и упала на пол.

– Пробуй ещё, – заставляла девочку свечка.

Достав другую спичку, Анечка попыталась проделать то же самое. Но и та оказалась на полу. Третья спичка сломалась. Четвёртую девочка удержала и сумела зажечь, но тут рука ослабла и горящая спичка полетела вниз. Анечка испугалась. Но у самого пола огонек погас. Так одна за одной спички падали на пол. И всё чаще и чаще среди них оказывались обгоревшие. Но свечка-то оставалась незажённой. Наконец, в коробке осталась последняя спичка.

– Ну, не могу я! – чуть не закричала в изнеможении девочка.

– Можешь! Скажи: «Господи, благослови!» – приказала свечка.

– Господи, благослови! – в отчаянии прошептала Анюта, потянувшись за последней спичкой. Та зажглась. Но не упала. Держа изо всех сил, Анюта поднесла её к свечке, и та вспыхнула весёлым огоньком.

– Ура! Я горю! – радостно заявила свечка, а девочка, смеясь, захлопала в ладоши.

На столе по-прежнему мерно отстукивал остаток ночи будильник. Над тумбочкой мерцал огонек свечи, отражая свой свет на иконе Христа, Который с любовью и нежностью взирал на девочку. С благодарностью взглянув на образ, девочка помолилась, как могла, затушила свечку и тут же уснула. А за окном забрезжил рассвет.

Утром мама тихо вошла в комнату Анюты и удивленно застыла на месте. Весь пол у постели девочки был устлан обгоревшими и сломанными спичками, а на тумбочке стояла свечка с почерневшим от пламени фитильком. Анюта крепко спала, и лицо у неё было спокойное и радостное.

С тех пор каждый вечер девочка сама зажигала свечку, и они подолгу беседовали и молились.

Но через несколько дней Анюта заметила, что от её восковой подружки остался маленький огарочек. И решила не зажигать её.

– Почему? – спросила свечка.

– Я не хочу, чтобы ты умирала, – ответила девочка.

– Я не умру, – мягко возразила свечка, – я просто растаю с дымом, и его маленькие частицы растворятся в воздухе. Я должна гореть. Я создана для того, чтобы сгорать, – так же, как людские сердца созданы для огня, огня любви. Это наша жертва Господу. Кроме того, я всегда останусь с тобой, в твоем сердце. Да и твои ручки будут помнить меня.

Анюта внимательно посмотрела на свои пальчики и задумалась. Да, действительно, зажигая свечку, они стали живее, крепче. Кроме того, девочка начала учиться вязать, снова взялась за рисование. Пусть она никогда не сможет ходить, но она будет вязать красивые вещи, она будет учиться и когда-нибудь обязательно станет художником.

Девочка зажгла свечку. Та горела долго. Анюта смотрела на дрожащий язычок пламени, и ей вдруг показалось, что сердце её зажигается любовью, любовью ко всему миру. Какой-то тёплый комочек пригрелся у неё в груди, и она заснула. А свечка погасла сама собой, т.к. свое предназначение выполнила до конца.

Потом мама ещё и ещё раз покупала Анечке свечки. Это были другие свечки, но все они удивительно походили на её первую подружку. И Анечка разговаривала с ними, и ей казалось, что она слышит их голоса. А иногда она задумывалась и пыталась вспомнить, действительно ли слышала живой голос первой свечки, или это с ней говорило тогда её сердце, а через сердце Сам Господь? Теперь это было неважно. Главное, уметь слушать не только ушами, но и душой.

ИРИНА ЦУКАНОВА

Родилась 18 марта 1961 года в Острошицком Городке Минского района. Окончила архитектурно-строительный техникум в 1982 году. Работала инженером-технологом в одном из НИИ г. Минска. С детства любила петь, играла в школьном театре. Благодаря литературному клубу «Экватор», вернулась снова на сцену. В настоящее время – актриса Народного театра малых форм. С 52 лет пишет прозу и стихи для детей. Публиковалась в детских журналах «Качели» и «Рюкзачок».

Последний лист осени
(Рассказ)

В городском дворе, рядом с детской площадкой росла высокая берёза. Каждую весну из березовых почек проклевывались нежно-зелёные, липкие листики. Ласковый весенний ветер нежно гладил их и, осторожно качая веточки, напевал нежную песенку, яркое солнышко согревало своим теплом, а весенние дожди заботливо умывали. Листики быстро росли, и уже к началу лета берёзу украшала шапка густой, зелёной листвы.

Но лето пролетало быстро, и ему на смену приходила волшебница-осень. Своей кистью она раскрашивала листья берёзки в жёлтый цвет, делая её похожей на сказочную принцессу в золотой короне.

Но недолговечной была эта красота. Налетал пронзительный ветер и безжалостно срывал с белоствольной красавицы листву. Желтыми бабочками листья кружились в воздухе в своём последнем танце и, упав на землю, навечно затихали. Берёзка протягивала в тоске к ним свои ветви, но листьям обратно не суждено было вернуться. А затем наступали зимние холода, и она засыпала глубоким сном до прихода тёплых дней. Так продолжалось из года в год. Таков закон природы….

Этой весной всё было как обычно. Берёзка проснулась от зимнего сна, и из ее лопнувших почек на свет выглянули молоденькие любопытные листики. Сколько их было на веточках, не сосчитать!

Новорожденные листики весело шелестели, радуясь своему рождению. Все, кроме одного, – того, что рос на самой верхушке.

Он почему-то всё время дрожал.

– Что с тобой? Ты заболел? – спросила берёзка.

– Страшно мне: боюсь, ветер от веточки оторвёт, – ответил листочек.

– Трус-сиш-шка, трус-сиш-шка! – смеялись над ним братья-листики, шелестя от прикосновений ветра.

За лето листик вырос и окреп. С высоты он любовался красотой окружающего мира и наивно думал, что так будет всегда. Но дни становились короче, а ночи длиннее и прохладнее. Приближалась осень. Нежная зелень листика сменилась на жёлтый цвет. Утренние заморозки, словно сединой, покрывали его инеем. Дрожа от холода, лист тянулся к солнышку, и оно заботливо отогревало его. Но наступили ненастные дни, и солнышко исчезло за серыми облаками. Сильные порывы ветра безжалостно трепали ветви берёзки, и с высоты листик наблюдал, как его братья-листики безжизненно падают на мокрую землю. В страхе за жизнь он ещё сильнее хватался за свою веточку-кормилицу.

Пришел ноябрь – самый хмурый месяц осени. Затяжные дожди смыли со всех деревьев в округе листву, и только на самой верхушке берёзы держался одинокий жёлтый лист. Ветер очень разозлился на него и со всей силой раскачивал верхушку дерева, стараясь сорвать непокорного. Замерзающий листик слабел с каждым днем.

И вдруг однажды утром налетевший ветер разогнал свинцовые тучи, и на чистом, голубом небе засияло солнце. Ветер затих и листику показалось, что опять вернулось лето. Желая немного согреться, он радостно потянулся к солнышку и сорвался с ветки.

Словно лёгкая бабочка, медленно кружась в воздухе, полетел он навстречу неизвестности. В это время на детской площадке играл маленький мальчик. Заметив падающий лист, он поднял кверху ручки и крикнул: «Не бойся! Я поймаю тебя!!!»

Листик, собрав остаток сил, упал прямо в теплую детскую ладошку.

– Я поймал листик! – радостно воскликнул мальчик, показывая его маме.

– Молодец, сынок! – ответила мама. – Тебе очень повезло. Этот березовый листик – последний лист осени. Каким же надо быть сильным и смелым, чтобы до этой поры на дереве удержаться. Его нужно обязательно сохранить. Он это заслужил.

Листик высушили, аккуратно наклеили на картон и вставили в рамку. А картинку повесили у мальчика над кроваткой в светлой, уютной комнате.

Пришла холодная зима. На улице мела метель и завывал ветер. Он со злостью стучался в окно детской комнаты, бросая в стекло колючий снег. Но листик ветра больше не боялся. Ему было спокойно и радостно. Жизнь его, вопреки законам природы, продолжалась!!!

Рыжее счастье

Среди соснового леса стоит маленькая деревенька с красивым названием «Лесная поляна». Уже не один год живет на её окраине в старом бревенчатом доме художник Сергей Максимович или, как называют его уважительно односельчане, Максимыч. Родился он здесь, да уехал в юности на учебу в столицу, где и обосновался. И вот на старости лет потянуло обратно в родные места. Оставив уютную городскую квартиру детям, переехал он в отчий дом.

Летом в деревне было многолюдно. А на зиму уехали местные старики к детям в город . И остался Максимыч один в опустевшей деревне. Художник не из пугливых людей был, не страшили его ни холода, ни морозы. Да и где же столько красивых зимних пейзажей увидишь, как ни в лесу. Сами на холст просятся, только не ленись – пиши. И, как его дети ни отговаривали, твердо решил зимовать.

Как-то в один из ноябрьских вечеров приехал к Максимычу в гости сын Иван. Из-за пазухи куртки он достал худого рыжего котенка и протянул отцу со словами: «Вот, подобрал по дороге горемыку. Может, приютишь? Вдвоём всё-таки зимовать веселее будет!» Вот так в доме у Максимыча появился усатый квартирант.

Зима выдалась затяжной и холодной. Снегопады сменялись сильными морозами. Долгими зимними вечерами сидя в мягком кресле, Максимыч нежно гладил лежащего у него на коленях котёнка. А Рыжик, закрыв от удовольствия глазки, мурлыкал ему свои кошачьи песенки, от чего на душе у художника становилось радостно и спокойно.

Как все котята, Рыжик любил пошалить. В свободное ото сна время он гонял по дому клубки, шурупы и прочие мелкие безделушки. А потом залезал на теплую лежанку русской печки и засыпал. В эти минуты временного затишья Максимыч брал в руки карандаш и начинал его рисовать.

От спокойной и сытой жизни котёнок быстро рос и уже к концу зимы превратился в упитанного ярко-рыжего молодого кота. Рыжик был необычайно любопытен и любил гулять по опустевшей деревне сначала вслед за Максимычем, а потом и самостоятельно. Случалось по несколько дней где-то пропадал . Нагулявшись вволю, грязный и исхудавший, он возвращался домой, где получал словесный выговор от хозяина и порцию любимого корма.

Максимыч не мог нарадоваться на Рыжика. Ещё совсем молодой кот оказался прирожденным охотником! В своем доме грызунов вывел, а потом и в пустующие дома подался. В безлюдной деревне он чувствовал себя полновластным хозяином.

С весенним солнышком в деревню вернулась жизнь. Дворы снова наполнилась людскими голосами. В соседний дом приехала семья пенсионеров вместе со своим питомцем – чёрным котом Арнольдом. Городской кот важно разгуливал вдоль забора своего дома до тех пор, пока его не заметил Рыжик. Увидев непрошенного гостя, он оцепенел. Кто это смеет разгуливать по его территории? И, издав боевой вопль, Рыжик стрелой бросился на врага. Коты сцепились. Царапая друг друга когтями, они истошно вопили, рвали друг друга зубами, качались в пыли. Визг стоял на всю деревню.

На шум из дома выскочил Максимыч с ведром воды. Холодный душ быстро остудил пыл дерущихся и заставил их разбежаться в разные стороны. Несколько дней противники сидели по своим домам и зализывали боевые раны. Больше всего в драке досталось Рыжику – неприятель порвал ему ухо. Да и хозяин, в целях воспитательной работы, пару раз под хвост метлой огрел.

Но победа всё же осталась за Рыжиком: Арнольда увезли обратно в город, и в деревне он больше не появлялся. А Рыжик за свои

боевые заслуги получил от хозяина новую кличку: Рыжик – Рваное Ухо.

Наступило жаркое лето. Солнце нещадно жгло, иссушая землю и выжигая траву. И только лишь прохлада ночи давала немного передохнуть от изматывающей жары. В одну из июльских ночей художник проснулся от громкого мяуканья. Рыжик беспокойно бегал по подоконнику и истошно орал. Странное поведение кота взволновало Максимыча. Выглянув в окно, он на минуту остолбенел... Из окон пустующего соседского дома вырывались языки яркого пламени. Огонь разгорался и шипел, стреляя в небо красными искрами. По сухой траве во все стороны разбегались золотистые змейки огня. Медлить было нельзя, и Максимыч бросился к телефону. Вызвав пожарных, схватил вёдра и выбежал на улицу.

К приезду пожарной машины вся деревня уже проснулась. Жители дружно помогали пожарникам тушить огонь. А когда пожар был остановлен, поблагодарили Максимыча. Если бы не его своевременный вызов, то всё бы закончилось намного трагичнее. Коварное пламя из-за засушливой погоды могло перекинуться на спящую деревню, и масштабы беды были бы непредсказуемы.

Выходит, что Рыжик спас не только жизнь хозяина, но и всю деревню. Правда, герой в ту ночь сильно испугался воя пожарной сирены и от страха забился под кровать, откуда его утром с трудом вытащил хозяин. Кот царапался и упирался, но, завидев в руках у Максимыча свеженькую рыбку, присмирел и с жадностью стал есть. А потом залез на свою любимую лежанку и, скрутившись калачиком, сладко уснул.

А художник открыл этюдник, взял в руки кисть и стал писать что-то на чистом холсте. Когда работа была закончена, с полотна на него смотрели лучистые, озорные глаза солнечного кота Рыжика – Рваное Ухо.

Максимыч довольно улыбнулся и сделал надпись внизу картины: «Моё рыжее счастье». Как же иначе художник мог выразить свою искреннюю любовь к четвероногому другу?..

АЛЕКСАНДР ЧУРО

Родился 10 декабря 1958 года в Докшицком районе Витебской области в многодетной семье. Служил в учебном подразделении в разведроте. По образованию юрист. Работал в системе МВД СССР, БССР, РБ. Писать стихи пробовал в школьные годы, но стиль и навыки появились со временем. Печатался в Московских изданиях, в печатных изданиях Минска и Витебской области. В 2009 году издал свою первую книгу «Гимны жизни не допеты», которую посвятил своей маме – Надежде Никифоровне. Увлекается спортом, криминалистикой, фотографией.

Деревня родная

Я волнуюсь, подъезжая,
К деревушке, где я рос,
Где родился и учился,
Где с отцом ходил в покос.

Пятьдесят мужчин в деревне,
На плече неся косу,
На лугах с утра колхозных,
Сбили с травушки росу.

Нашим матушкам не сладко,
Не совсем легко пришлось:
В огороде и в колхозе
Надо, чтобы все росло.

И капуста, рожь и бульба,
Огурец, морковь, редис.
Помидор, фасоль, укропчик –
Будь хозяйкой! Не ленись!

И визжали так задорно –
Коли, Вити, Тани, Пети,
Васи, Лешки и Иваны –
Воронянские* все дети!

И ватагой все до школы,
Каждый год – как в первый класс.
Книжки, ранцы, ручки, двойки,
И последний бал для вас.

А потом – пошли повестки
Надо мальчикам служить!
Плачут мамы и невесты –
Годы надо пережить!

И «Прощание Славянки»,
Марш тревожный и родной,
Ставил в строй ребят деревни –
По команде боевой.

Ах, летело время быстро,
И менялось настроенье.
Уезжали молодые –
И старело поколенье…

Где же праздники, веселье,
Праздник Троицы и Ян?
Рождества и Пасхи Светлой,
Где же песни и баян?

Где же наши музыканты?
Где же наш аккордеон?

*Воронянские – от названия деревни Вороны.

Где цимбалы, дудка, скрипка,
Где же рюмок перезвон?!

А сегодня не рожденье,
Просто праздник в Воронах!
День деревни – вся в бурьяне,
И пятнадцать душ в стенах!

Баба Галя, баба Маня,
Баба Зося и Ганулям,
Надя-баба и пробаба,
Баба Нина заглянула!

Дай вам Бог, здоровья, счастья,
Терпенья, бодрости и сил!
Здесь родился и крестился,
Смеялся, плакал и любил!

Пролетят года мгновенно –
Десять, двадцать, двадцать пять…
Не будет здесь деревни больше –
Не будут яблони стоять…

А три колодца по деревне,
Воды прохожим не дадут.
Уйдёт вода, уйдут и люди –
Нам всем кладбищенский приют.

Ну, а сегодня – просто праздник,
Деревни, где жили, росли.
Которой с детства мы гордились,
В которой пышно расцвели…

Дорога жизни

Я шёл, спотыкаясь и падал почти.
Но мысль подгоняла: «Ты должен прийти».

Я шёл, спотыкался и ноги сбивал
Вставал, поднимался и в гору шагал.

Ругался и плакал, зубами скрипел,
Ни разу за жизнь на пенёк не присел,

Бывало и страшно, и радостно было.
И горе со мной даже часто дружило.

Друзья – не друзья, и не то, чтоб враги,
Просил и её: «Ну, чуть-чуть помоги!»

И шёл я к вершине и в холод, и в зной,
Пришёл, оглянулся: ни свой, ни чужой.

Пришёл, постоял. Оглянулся, и вниз…
Как в пропасть летела прожитая жизнь…

Ветеран Афганистана

Кричал, как мог, и бил тревогу,
Ломая пальцы на руках.
Никто не видел боли этой
В уставших, суженных глазах.

Вокруг тебя толпились люди,
Не зная, чем помочь тебе.
Кто приласкать хотел от боли,
А кто смеялся в ус себе.

А в подземелье перехода
Вёл коридор на вход в метро.
Холодный ветер затаился,
А мне хотелось, чтоб тепло

Природы, солнца, человека
Согрело пальцы, душу, тело…
И растопило льдинку грусти,
И чтобы сердце не болело…

А он стоял и трогал струны,
И песнь летела ветру вслед.
Кабул, Афган, душман: Победа!
Песок и пыль… А друга нет…

Он песни пел и нежно струны
Рукой в аккорды собирал.
Он, ветеран войны в Афгане,
Привет ребятам посылал –

Тем, кто погиб и жив кто нынче,
Кто в двадцать лет совсем седой…
Кто с автоматом в пыль и холод,
Кто в двадцать лет – уже ГЕРОЙ!

Нет, он не плакал, не смеялся,
С друзьями песней говорил.
Держа гитару без приклада,
Тюльпан на грифе закрепил.

Он песни пел, душа болела,
Кричало сердце от тревоги.
А он боец, солдат присяги,
Не уходил с войны дороги…

Он по ночам бежал в атаку,
Друзей спиною прикрывал.
И, сняв пилотку, с раной в сердце
Домой «груз двести» отправлял…

Я слушал песнь… Душа страдала,
Я вместе с ним, казалось, был.
Сидел, курил и говорили:
Народ войну, Афган забыл…

Лишь на погосте фото, мрамор,
Цветы, могилы и гранит…
Родные нежно написали:
«В Афгане наш солдат убит…»

Нет! Не просил он хлеба, денег!
Не ради граммов ста вина
Он песни пел! Он жив войною,
Не забывай его, страна!

Он воин был, он им остался,
Бойцом с Победою умрёт.
Не за медаль и орден Славы –
За Правду, Веру и Народ!..

Александру Сергеевичу

Успехов Вам, товарищ Пушкин!
Мне больше нечего сказать,
Тебя Россия прославляла,
Я тоже буду прославлять.

Писал отчаянно и смело,
Ты сказки славно сочинял,

Любил так страстно и забвенно,
Сердца девчонкам разбивал.

Неугомонная натура,
Перо скрипело много лет,
Чернил исписано бездонно,
Любвеобильный был поэт!

Писал, творил, дерзал, лелеял,
Мечтал, смеялся, говорил,
Сражался, дрался, улыбался,
Шутил, женился и любил.

И столь энергии в мужчине,
Десятерым пощады нет!
А в каждой строчке наслажденье,
В стихах чарующий букет.

Я вновь сижу, раскрывши книгу,
Тебя уж нет десятки лет,
А на листке знакомый профиль,
И на обложке твой портрет.

Зачем Дантес пришел в Россию?
Зачем его ты встретил там?
И почему любовь не в сказке,
А наяву явилась Вам?

И почему в сердцах горячих,
Двоилась дама для двоих?
Как горько плакали берёзы,
Жизнь оставляя для других…

И смерть пришла тебя прославить,
И проводить в последний путь.

А жизнь веками прославляет,
И говорит нам, в добрый путь!

Успех пришёл, товарищ Пушкин!
Тебя не надо прославлять.
Ты будешь жить красиво, долго,
Мне больше нечего сказать!

С.Л. Шашко-Шаблинской в День рождения

Ну вот, и встало солнце утром,
И веселей открылась дверь!
К тебе в объятья с визгом прыгнул,
Твой День рождения, проверь!

Тебе уже не восемнадцать,
На годик больше, уж поверь!
Всё в чемодан сложи богатство
И приоткрой пошире дверь

Своей души. Не зажимая,
Все мысли творчества проверь!
И этот год, что Богом выдан,
Чтоб прошагала без потерь!

Я очень рад, что ты проснулась,
Чтоб жизнь взбодрил твой яркий стих,
Я умилялся, улыбался,
Кричал, ругался и притих…

Я стих читал, раскрывши книгу,
С тобой о чём-то говорил.
Тебя поздравить с Днем рожденья
Я, Светик, кажется, забыл!

И больше лет, желаний счастья,
Тепла в семейном очаге!
Расти внучат и будь поэтом,
Твой Костик – просто молодец!

Улыбок, праздников, веселья,
И грусти – ни в одном глазу!
Успех и счастье – Божья милость
Прольют от радости слезу!

Ах, Свет, тебе не восемнадцать,
И точно уж не двадцать пять!
Но ты на год мудрее стала,
Умней, хитрее, твою мать!

А я налью немножко водки,
И залпом выпью за тебя!
Как Штирлиц, молча спою песню,
Такой вот добрый мальчик я!

СВЕТЛАНА ШАШКО-ШАБЛИНСКАЯ

Родилась 19 октября 1958 года в г. Минске. Училась, работала, родила троих детей. Стихи начала писать в зрелом возрасте, и это стало её отдушиной, вторым дыханием.

Среди любимых авторов: А. Пушкин, М. Лермонтов, М. Лохвицкая, В. Тушнова. Любит «матчыну мову» и с удовольствием читает белорусских авторов.

В 2013 году издала три книги своих стихов: «Музыка души», «Книга жизни», «Две души – Два сердца». В 2014 году – четвёртую книгу «Счастье покаяния». В 2015 – пятую «Свет души».

***

Завіруха, завіруха,
Ты, гаворацъ, – павітуха.
Год бясконцых чарада
Аплывае, як бяда,
На тваім бялюткім твары.
І раскіданы ўсе мары
Па прасторы – ні слядка.
Гэта праўда – не ці так?
Завіруха ўсмешкай ззяе,
Да нябёсаў яна грае,
Потым ціха прылягла
І гаворку павяла:
«Год ад году я мацнею
І душою маладзею:
Твар на сонцы зіхаціць,
У люстэрка не глядзіць.
А да мар мы ўсе ахвочы,
Вось і я прыкрыю вочы,
І злятаюцца ўсе мары,
Разагнаўшы ў небе хмары.
Запавет даю вам, людцы:

Мары не трымайце ў люльцы,
Адпускайце палятаць –
Будзе што тады вяртаць».

***

Нібыта сонейка ўстае,
Калі Цябе я сустракаю:
У неба разум мой плыве,
А сэрцам рай я адчуваю.

І толькі ў тым сябе віню,
Што надта зрэдку адчыняю
Маю любоў і дабрыню,
Пачуцці. Роздум сэрца мае.

***

Закаханка мая, Беларусь!
Як цябе ні штурхалі ў то пекла,
Ты цвіла і вялікую Русь
Каранём ад сябе не адсекла.

Ты для ўсіх – нібы востраў цяпла,
Дабрыні і павагі да іншых.
Ад людзей тваіх столькі святла,
Ды і вецер у словах не свішча.

Закаханка мая, Беларусь,
Заставайся заўсёды прывабнай.
Упляці свае косы ты ў Русь
І красуйся сястрыцаю зграбнай.

***

Знаешь, брат, сегодня утром
Я спросила у себя:
Чем живу? Должна ль кому-то?
И где вся моя родня?

Долго мучилась, искала
Я ответы для себя.
Не нашла и зарыдала:
Боже, просвети меня!

С чем приду я к колыбели?
Что оставлю, как дары?
С неба Ангелы пропели:
«Все терзанья до поры».

Положи сердечко в ясли
И душе не прекословь:
Изживутся тела страсти,
И затеплится Любовь.

Обретёшь не только близких,
Но и сонмища святых.
Расстарайся у «калыскі» –
Для себя и для родных.

***

По земле одинокие лица
Тихо бродят, просторы любя,
И сияет им с неба зарница,
Расстилая пути бытия.

Поклонись одинокому страннику,
Попроси уберечь от греха,
И откройся смиренно молчальнику:
Пусть осыпется с сердца труха.

Встрепенутся застывшие веки,
Оросит их слеза родника,
И откроется взору навеки
Чудотворная Божья рука.

***

Образ бывшего повесы
Пред иконой при свече,
Навевая стих небесный,
Растворяется в луче.

Был ершистым он когда-то:
С кулаком, без дураков,
Напролом он лез завзято –
Вот я, молодец, каков.

Ничего он не боялся,
Лихо пел и танцевал,
Но однажды всё ж нарвался:
Из канавы Бога звал.

Изувечен, чуть дышáщий,
Слышит голос он в себе:
«Так и будешь, друг, пропащий
Ты лежать в сырой земле».

Затуманилось сознанье:
«А ведь, правда, – пропаду...

Боже, дай мне покаянье,
Отведи на миг беду!»

Потерял сознанье парень,
А очнулся – бред иль явь?
Пред глазами солнца пламень
Освещает коек ряд.

Подлечили парня вскоре
И отправили домой.
И никто не видел боле
В нём ершистости былой.

Приутих повеса бывший:
Просит всё ему простить,
Раздаёт долги и свыше,
Только б душу отпустить.

Образ страждущего правды –
Пред иконой в полутьме
Разрушает все преграды
В своём сердце и уме.

***

Дитя глаза раскрыло
И смотрит в этот мир,
Не ведая, что было
И чем начнётся пир.

Ему всё незнакомо,
За всё цепляет взгляд,
Но жизнь судьбой ведóма:
Узнает всё подряд.

И смотрят два колодца,
На чистый жизни лист:
Не делайте уродца,
Пусть будет путь росист.

Пусть не узнает слёзы,
Любовь горит в душе,
И не треножат грозы
Дух жизни в шалаше.

***

Вот, сумрак ночи разметавши,
Восходит алая заря.
И, наполняя наши чаши,
Твердит, что всё это не зря.

Не зря, волнуя воздух сонный,
Подъемлет солнце светлый лик
И, раздвигая полог звёздный,
Вновь заполняет утра миг.

Не зря рассветными часами
К нам проникает солнца луч.
И ночь, наполненная снами,
Теряется в объятьях туч.

Не зря улыбкою ответной
Приходим мы из забытья
И песней ласково-приветной
Желаем счастья всем и вся.

Не зря, моления услышав,
Заря нас поднимает вновь.

Из года в год – сознанье выше
И лучезарнее любовь!

***

О, Боже правый, не оставь,
Избавь от искушения –
Опять рыдать чтоб у Креста
Без должного стремления.

Не омрачать Твой светлый лик
Надменным истязанием
И извергаться в краткий миг
Нелепым оправданием.

Не дай мне, Боже, утонуть
От веры в исступлении,
Но разумом своим вернуть
Надежду на спасение,

Чтоб неповадно было впредь
Собою похваляться,
А песни праведные петь
И этим наслаждаться,

Чтоб не скорбела уж душа
В пути, отныне ровном,
А напиталась из «ковша»
В смирении духовном.

Ужин

Дом был самый обычный. Обычный и вечер.
Вот и ужин готов уже здесь для малечи.

Прибежали, садятся и щёчки надули:
«А с едой-то опять вы нас всех обманули.

Надоела нам каша, супы и котлеты,
Хоть бы раз нам подали на ужин конфеты».

Мать не спорит, садится и в глазки глядит:
Её взгляд затуманен, но добр, не сердит.

Помолчала, вздохнула и тихо сказала:
«Рассказать вам, родные, как я выживала?

Было мне тогда десять годочков всего,
И два братика – меньше один одного.

Старший брат наш любимый ушёл на войну,
Две сестрицы постарше – в немецком плену,

Мать связной партизанскою наша была,
Ну, а я малолеток, как могла, берегла.

И, так вот, в доме нашем – шаром покати.
Что-то фрицы забрали с собой по пути,

Что-то мать партизанам успела снести,
Ну, а мне наказала солому трясти.

Это, слава Всевышнему, дом ещё цел.
Под стрехой там снопы, и грызун их не съел,

Но и это растаяло, нет и следа,
Даже сны обходила любая еда.

Я ж картошку-гнилушку случайно найду
И разбавлю подножную нашу еду.

А бывало, и мать принесёт что-нибудь.
Так и жили в войну: бед досталось хлебнуть.

Как тогда нам хотелось хоть хлеба кусок,
И молились сердечно за один колосок.

Всю траву и коренья, по вкусу познав,
Стал спокойней и тише мальчишеский нрав».

Мать умолкла, неспешно открыла буфет
И достала коробку красивых конфет.

Осторожно поставила в центре стола.
И украдкой слезиночку с глаз убрала.

Детки ж после молчали, умяли свой ужин
И сказали, что только им хлеб ещё нужен,

А конфеты, конечно, останутся маме.
Так решили девчонки – серьёзно и сами.

Помнишь…

Помнишь, как я целовал твои пальцы?
Нам было больно расстаться на миг,
Но зазвучали прощальные вальсы,
В сердце остался прощальный твой крик:

«Я буду ждать! Нет! К тебе я приеду!
Буду с тобой приближать я Победу».

Поезд умчал меня вдаль, в неизбежность,
Где громыхали раскаты войны.
Разум страдал, ехал я в неизвестность,
Чувства надеждами были полны:

Я возвращусь, и меня ты вновь встретишь,
Нашей разлуки почти не заметишь.

Я был удачлив: не ранен, не стрижен,
Малость контужен в неравном бою,
Но и Правительством был не обижен,
Есть ордена за отвагу мою.

Вот и пришёл на родное крыльцо.
Что ж не мелькает любимой лицо?

Молча мне мама письмо протянула.
Сердце меня в этот раз обмануло.
«Без ве́сти пропала во время боёв».
Нет у меня и ни слёз, и ни слов.

В поисках лет пролетело немало,
Но о любимой молчит мир устало...

ВАЛЯНЦІН ШВЕДАЎ

Нарадзіўся 29 сакавіка 1956 года ў вёсцы Вал Чашнікскага раёна Віцебскай вобласці. Пасля заканчэння геаграфічнага факультэта БДУ ў 1980 годзе, працаваў настаўнікам на Віцебшчыне. У цяперашні час жыве і працуе ў Мінску. Друкаваўся ў часопісах «Вожык», «Маладосць», «Роднае слова», у штотыднёвіку «ЛіМ».

***

Паэты паміраюць маладымі,
Не дасказаўшы запаветных слоў.
Радкамі надарыўшы залатымі,
Сыходзяць у краіну вечных сноў.

Паэты паміраюць маладымі,
Стаміўшыся да мовы абуджаць.
Здаецца, часам, што яны жывымі
На чорным небе зоркамі гарацъ.

Паэты паміраюць маладымі,
Бо выгараюць, быццам бы знутры.
Яны не ходзяць сцежкамі прамымі;
Ім год жыцця залічваюць за тры.

Паэты паміраюць маладымі,
Пакінуўшы здабыткі і грахі.
Напэўна, стануць вершы незямнымі,
Дзе апяваюць зорныя шляхі.

Паэты паміраюць маладымі –
Зыходам апярэдзіўшы бацькоў,
Крануўшы сэрцы думкамі сваімі, –
Марук, Янішчыц Жэня, Пісьмянкоў.

Паэтаў забіраюць маладымі.
Яны, магчыма, больш патрэбны там.
Анёлы, а таксама херувімы
Зямным прыдуць на змену слухачам.

Навечна застаюцца маладымі,
Нібы салдаты, паўшыя ў баях, –
Паміж людзьмі і мовай сувязнымі,
Зямны заўчасна завяршыўшы шлях.

Гарадскія вяргіні

Мільёны кветак і з натхненнем
Саджаюць горадам вясенні.
Нібы сязоннаю прэм’ерай,
Вітаюць плошчы, паркі, скверы.

Ды толькі мне радней вяргіні –
Расціць такія баба Зіна.
Шыпшыны куст ля іх калючы –
Жыве дух вёскі неўміручы.

Дамы мінулага стагоддзя…
Імкліва старасць як прыходзіць.
Былое ўсё здаецца сном –
Гараць вяргіні пад акном...

Развітанне з летам

Нам заглянула ў вокны восень,
Нібыта прабачэння просіць,
Што хутка так мінула лета
З тым росным ранкам, буйствам кветак.

Ізноў начамі халадае.
Год навучальны нас вітае.
Канец купальнаму сезону
І птушак радаснаму звону.

Блакіт азёраў адмыслова
Змяніўся колерам свінцовым,
Туман гусцее над вадою,
Паўзе ў лагчыны барадою.

Сыходзяць летнія сузор'і,
Што дзень, то новае надвор'е.
У вёсках дым – бульбоўнік паляць,
Туды нас зноў вяртае памяць.

Здаецца, радавацца трэба:
Капаем бульбу, будзем з хлебам,
Але бярэ ўсё ж нас самота –
Чакаем лета зноў употай.

Даруй нам, восень!

Мастак аб клёны выцер кісткі,
Як маляваў пейзаж заўзята.
На дол кладзецца з дрэваў лісце,
Нібы каштоўныя дукаты.

І, пакідаючы галінкі,
Не спадзяючца на спатканне,
Прымаюць туманоў слязінкі
У жоўты колер той растання.

А вецер-нянька напаследак
Лісточкі лёгка пагайдае,

Нібы матуля сваіх дзетак
Паспаць на ноч ён укладае.

Кладзецца лісце тоўстым слоем,
Але хадзіць не замінае.
Мы аб вясне чарговай мроім –
Даруй нам, восень залатая!

Плача восень

Плача восень зноўку нуднымі дажджамі
На зыходзе паміраючага дня.
Даганяю мроі ўслед за міражамі,
Зацугляўшы з крыламі свайго каня.

Маё сэрца нешта даўняе трывожыць,
Па дзяцінству тая светлая туга.
Вецер лісцямі апаўшымі варожыць,
Гаснуць кветкі моўчкі тыя на лугах.

Да мяне часцей прыходзяць успаміны,
Як блукаў калісьці сцежкамі жыцця,
Дзе мінуў калюгі, ямы, каляіны,
Дзе хутчэй імчаў па цаліку наўсцяж.

Восень, восень… Ты паплач ізноў дажджамі
Па ўсім тым, што недзе страчана было,
Неўпрыкмет сваймі прайшоўшымі гадамі
Адкахала, адгукала, потым адцвіло…

Плача восень зноўку нуднымі дажджамі.
Акрапляюць слёзы нашу грэшную зямлю.
Закаваны смуткам, спавіваны болем, жалем,
Саграваю новым вершам я душу сваю.

Белыя бярозы

Я бачу белыя бярозы.
Цудоўным шэрагам марозы
Прыбралі гнуткія галінкі,
Вігцяць пад промнями іскрынкі.

На вас бы музыка застыла,
Яна ўспаміны абудзіла:
Гады дзяцінства залатыя –
Бацькі такія маладыя.

Аддаўшы сілы свае дзецям,
Вы не змаглі аднак адвесці
Жыццю смяротныя пагрозы –
Над вамі ў шэрані бярозы.

І ўжо гадоў прайшло нямала
Ад той пары, як вас не стала.
Заві, заві – вас не дазвацца,
Хоть ёсць аб чым і запытацца.

І ёсць у чым прызнацца смела,
Сказать аб тым, што набалела,
У чым прад вамі павініцца –
Сустрэча ж можа толькі сніцца.

Але сустрэча непазбежна:
Ад думак нашых не залежна,
На суд патраплю я да Бога,
І скончыць бег жыцця дарога.

Мне скроні срэбра забяліла,
Ды й у руках не тая сіла,
І погляд стаў на ўсё цвярозы...
Бярозы… Белыя бярозы...

***

Час стралой пралятае,
Пульс жыцця хутка б’ецца.
Лісце дзён ападае,
Рэхам год адзавецца.

Дрэнны быў ці цудоўны –
Хутка кане, ды ў Лету.
Захаваў памяркоўных,
Даў натхненне паэту.

Новы год кожны стрэне,
Загадаюць жаданні
За сталом ці на змене,
У разлуцы, спатканні.

Няхай прыйдзе яскрава,
Спадзяванні абудзіць.
Дзецям ёлка – забава,
Будзем марыць аб цудзе.

Дзед

Час не йдзе, а імчыцца –
Год за годам услед.
Не паспеў ажаніцца,
А глядзіш – ужо дзед.

Хоць патрэбна прызнацца,
Пеpажыў крыху мук.
І не мог дачакацца,
Калі будзе, ды ўнук.

Сын сказаў, у аўторак –
Ён прадоўжыць наш род.
Расце месяц каторы
У нявесткі жывот.

Тая кропля – істота,
Толькі ладзіцца ў свет.
А ў бабулі турботы,
Фанабэрыцца дзед.

Можна ведаць дачасна
Пол дзяцей. Зберагаць
Ад сурокаў злашчасных –
Згадка, як жа назваць?

Хлопчык ты ці дзяучынка –
Рады ўсе мы чакаць.
Свайго лёсу сцяжынку
Яшчэ будзеш таптаць.

Хутка зменіцца статус,
У душы – новы след.
І жыцця расце градус –
Як-ніяк будзе дзед!

Возера

Засумую я часам,
Вёску ўспомню сваю.
З ёю, быццам сам-насам,
Я на ўзгорку стаю.

Знізу возера ціха
Спіць у люльцы сваёй,

А за ім далей крыху –
Лес мауклівай сцяной.

Колькі раз абыходзіў
Я твае берагі,
З паплаўка воч не зводзіў –
Лешч кляваў неблагі.

І Асечынскі бераг,
І паўвыспа Лука,
Столькі ставілі нерат
На ліня, шчупака.

Таямнічасцю востраў
Да сябе зваў заўжды,
Асакі шаблі войстрай,
Вербаў схіл да вады.

Як даўно цябе бачыў!
Прайшлі вёсны, снягі
Як прыеду – заплачу,
Мой куток дарагі!

***

Апранулася голле –
Кволых лісцікаў цуд.
Не забуду ніколі
Вачэй позірк – прысуд.

Разыйшліся сцяжынкі
У жыццёвым віры.
Зорак неба іскрынкі
Без мяне ты збяры.

Іх святло не сагрэе
Адзінокай душы,
І агарак надзеі
Дагарае ў цішы.

А вясна акрыляе,
І на змену завей
Сонца промнямі грае,
Сола ўзяў салавей.

Ночы меньшаць гадзіны,
Вады й неба блакіт.
Новай траўкі радзіны,
Розум ніцых ракіт.

Час пачуцці размые,
Нібы хвалі пясок,
Ды абудзіць дні тыя
На паперы радок.

Незнаёмка

Скроні белыя ўсе,
Нават крыху няёмка.
Што сустрэча нясе,
Ты, мая незнаёмка?

На прыпынку штодня
Ты насустрач выходзіш.
Будніх дзён мітусня –
Тут нічога не зробіш.

Твая постаць мільгне
Сярод розных людзей.

Не заўважыць мяне
Позірк сумных вачэй.

Мой тралейбус далей
Шлях кладзе па маршруце.
На прыпынак надзей
Толькі думкі вярнуцца.

Хто ты? Зваць цябе як?
Не цікава зусім.
Не падаць табе знак,
Плыць напрамкам сваім.

Дні згараюць, як свечкі,
У зімовых пацёмках.
Зноў чакаю сустрэчы,
Ты, мая незнаёмка...

***

Я дарыў табе ружы
У спякоту і сцюжу.
Ты ж вяртала балюча
Ад тых ружаў калючкі...

АЛЛА ШИКОВИЧ

Родилась 30 июня 1978 года в городе Минске. В 1995 году стала студенткой Минского государственного лингвистического университета, который впоследствии успешно окончила, получив специальность «преподаватель английского языка и испанского языка». В настоящее время работает частным преподавателем английского языка. С юности увлекается литературой, пишет стихи и песни на русском и английском языках. Среди любимых поэтов – Анна Ахматова, Анатолий Вертинский, Джордждж Гордон Байрон, Роберт Бёрнс. Стихи Аллы Шикович публиковались в газетах «Знамя юности», «Женский калейдоскоп», в журналах «Алеся», «Я – Женщина».

Я всё отдам

Я всё отдам
За радость, блеск твоих очей.
Я всё отдам
За прелести твоих речей.

Я всё отдам
За твою нежную улыбку.
Я всё отдам,
Чтоб изменить свою ошибку,

Что не ценил
И не тобою дорожил.
Теперь прозрел,
И понял счастье, что имел...

Я всё отдам
За всю любовь, любовь твою.

Я всё отдам
За счастье, что я воспою!

Весна

У меня всегда в душе весна –
Даже в очень лютую погоду.
У меня всегда в душе весна –
Да, теперь – в любое время года!

И когда снежинок хоровод,
Петь хочу я, петь и веселиться,
А весна – спасенье от невзгод –
Даже и зимой мне будет сниться.

Радость, смех, и жизнь, что без хлопот,
И любови нашей возрожденье!
Пусть весна в душе цветёт весь год,
Сбудутся пускай все сновиденья!

Буря в стакане воды

Буря в стакане воды –
Что же с тобой натворили?
Буря в стакане воды,
А ведь когда-то любили.

Каждый день ссоры, скандал
Всё-таки нам надоели.
Ты меня не понимал,
Чувства обиды всё ж съели.

Буря в стакане воды –
Счастье нам надо вернуть.

Буря в стакане воды –
Новый у нас будет путь!

Я живу вашей жизнью…

Я живу вашей жизнью,
Каждым вздохом и шорохом.
Я живу вашей жизнью –
Жизнью с запахом пороха.

Между адом и раем,
Вновь по лезвию острому.
Сердцем я замираю
И рыдаю на острове.

Кто же вам, я не знаю,
И в любви – словно в омуте.
Об одном лишь мечтаю,
Что меня всё же вспомните.

Я живу вашей жизнью –
Каждым вздохом, мгновением.
Я живу вашей жизнью –
Вас люблю – без сомнения…

Пляжный зонтик

Пляжный зонтик, пляжный зонтик,
Ах, как радуешь ты нас!
Пляжный зонтик, пляжный зонтик,
Как приятен ты для глаз!

Загореть нам помогаешь
Без ожогов и без слёз.

К счастью всех нас направляешь,
Мы горды собой всерьёз!

Славно, если защищён –
В море, в солнце ты влюблён!

Море, прощай…

Пустынный пляж, и лунный блеск,
И тихое твоё «люблю»,
И робкий шаг, ракушки треск,
Тону в тебе, люблю, горю…

Море, прощай… Я тебя покидаю,
Снова желаю я быть там, где ты.
Море, прощай… Я тебя обожаю,
Ты свет моей самой лучшей мечты.

Прибоя тишь, и сердца зной,
Твои объятья не забыть.
Прибой, песок, и я – с тобой,
Тебя готов боготворить!

Море, прощай… От тебя уезжаю,
Снова вернусь в ту страну и пургу.
Море, прощай… Я тебя обожаю,
И без тебя не могу, не могу.

Море, прощай…

Сердце подскажет…

Тебе сердце вдруг подскажет –
Путь из тьмы на свет укажет.

Ты прозреешь и поймёшь
Лучше в мире не найдёшь –

Той, что руку протянула,
И тихонечко вздохнула.

А в душе горит пожар,
Ты в смятении – кошмар!

Час решиться и сказать:
Ты – любовь и благодать!

Времена любви

Я подарю тебе весну,
Её красу – её одну.

Журчанье первых ручейков,
Цветенье нежное садов.

Я жар, зной лета подарю,
Восходы солнца и зарю.

Ты знай, цветочные поляны
Все так загадочны, желанны.

Я подарю осенний лист,
И дождь, и ветерочка свист.

И журавлиный тихий крик,
И самый чудный в жизни миг.

Я подарю снежинок смех,
Удачу, радость и успех.

Огонь в камине и в душе –
Мы вместе целый год уже!

Где, когда…

Где, когда, куда, откуда,
Почему, зачем и как?
Кем тебе я дальше буду?
Почему с супругой так?

Ты меня не замечаешь
Всё, что хочешь, ты творишь.
От любви ко мне не таешь,
Со мной реже говоришь.

Я, как тень, с тобою рядом –
Просто спутница твоя.
И одним лишь только взглядом
Убиваешь ты меня.

Где, когда, куда, откуда,
Почему, зачем и как?
У меня в душе простуда –
Что я сделала не так?

Сердцебиение небес

Сердцебиение небес!
О, это – чудо из чудес!

Над нами ангелы взмывают,
Нам счастья дивного желают.

Как ты, любовь, благословенна,
И нету больше грусти плена.

Отбрось предательства оковы,
Не будем больше так суровы.

Друг другу в жизни всё простили –
Всё небеса за нас решили.

Мы будем вместе, и отныне
Так счастливы, всегда едины!

Сердцебиение небес!
О, это – чудо из чудес!

Карамболь

Я играю в карамболь,
Ну, а сердце режет боль.

От меня ушла невеста –
Прям, как курочка с насеста.

Что мне делать, я не знаю.
Тот я день всё проклинаю.

Ведь с письмом пришло и зло,
Там ты пишешь: «Всё прошло».

Мне пришло по Интернету:
«Чувства канули все в лету».

Кий по шару – эти строки.
И опять мы одиноки.

Я хочу всё зачеркнуть,
Лечь на стол, подставив грудь

Под удары всех шаров, –
Я любить всегда готов!

Автобус жизни

Я села не в тот автобус,
Совсем на другой маршрут.
Я села не в тот автобус –
Меня там уже не ждут.

В салоне я так одинока –
Водитель и лунный свет.
Судьба безрассудно жестока,
И радости в жизни нет.

Пусть. Только ошиблась маршрутом...
Я вскоре приеду туда,
Где время мелькнёт, как минута, –
Там ждут меня, ждут сквозь года!

Непониманье

Эмоций лишь ноль. Как могло так случиться?
Сегодня я так ко всему равнодушна.
Эмоций лишь ноль. Ничего не случится.
Любовь, мысли, чувства – всё это не нужно...

Друг друга с тобой не смогли мы понять:
Любовь умерла, всё пришлось потерять.
Ростки заглушил невниманья сорняк.
Что дальше? Любовь – это разве пустяк?

Что очень непросто по жизни досталось,
Ведь разве же можно легко так терять?
Всего-то нужна здесь какая-то малость –
Нам нужно всего-то друг друга понять.

Запутались мы, словно в мире одни.
Любви так поспешно мы нить разорвали.
А чувств наших ярких погасли огни,
И нам не понять, что же мы потеряли.

Огонь ослепил нас всех непониманья –
Слова мы сказали напрасно прощанья.
А чувства ведь наши с тобой не остыли –
Поспешно судьбу так свою мы решили.

Хотя, ведь возможно, живу только я,
Безмолвно тебя, беззаветно любя...

Полёт

Взлетая высоко и ввысь
И в нежных облаках паря,
Не думала, что рухну вниз,
Взойдёт лишь вечера заря.

Любовь меня так окрыляла,
С собою так в полёт звала.
Но вот любовь не ожидала,
Что причинишь ты столько зла.

Ты крылья счастья в жизни дал,
Те крылья счастья и надежды.
Ты за собой меня позвал
В тот мир, что я не знала прежде.

На небе, на седьмом, от счастья
С тобой парила, Сокол ясный!
И вдруг, нежданно, в одночасье
Увидела, что мир прекрасный,

Прекрасный в облаках любви!
Нас окружает синь небес,
Нас вдохновляет, лишь лови.
Любовь, ты – чудо из чудес!

Но тучи тёмные разлуки
Любви закрыли горизонт.
И разомкнулись крылья-руки –
Мгновенье, прерван наш полёт.

Полёт в заоблачные дали,
В тот иллюзорный мир любви
Прервался – этого не ждали.
Я на земле – в слезах, в крови.

Хочу парить всё ж в облаках:
Взлететь над пропастью – и ввысь,
Парить не только в сладких снах,
Конечно – впереди вся жизнь!!!

ЗМЕСТ / СОДЕРЖАНИЕ

Да вяршыняў духоўных здабыткаў.
Уступны артыкул Вячаслава Корбута ... 3

Якаў Анапрэенка ... 6

Афанасий Ботяновский ... 18

Ольга Ботяновская (Дедкова) ... 28

Николай Будишевский ... 33

Клаўдзія Вераб'ёва ... 40

Евгений Вермут ... 50

Инга Винарская ... 60

Ігар Грыцкоў ... 70

Вячеслав Данилов ... 87

Александр Змушко ... 97

Тэрэза Кавальчук ... 100

Вячаслаў Корбут ... 117

Людміла Лазута ... 133

Вера Лебедевская ... 144

Иван Лосиков ... 149

Юрый Мельнікаў ... 159

Галина Мишнёва ... 169

Виктория Молодцова ... 174

Дмитрий Морозов ... 177

Кацярына Мяшкова ... 182

Раиса Павлючук ... 197

Лидия Поляк ... 202

Наталья Радькова ... 212

Мария Розумко ... 222

Людмила Сиволобова ... 232

Валеры Скакун ... 242

Вера Феоктистова ... 253

Жанна Хромова ... 263

Ирина Цвирковская ... 268

Ирина Цуканова ... 274

Александр Чуро ... 279

Светлана Шашко-Шаблинская ... 288

Валянцін Шведаў ... 298

Алла Шикович ... 308

Літаратурна-мастацкае выданне

ЛІТАРАТУРНЫ ЭКВАТАР

Альманах

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 4

2015 год

Адказны за выпуск *Уладзімір Кузьмін*
Укладальнікі *Вячаслаў Корбут, Інга Вінарская*
Шэф-рэдактар *Інга Вінарская*
Рэдактары *Янка Хросны, Кацярына Мяцельская*
Стыль-рэдактар *Хрысціна Лісічкіна*
Камп'ютарны дызайн, вёрстка *Інга Вінарская*
Фота для фаноў вокладкі *Інга Вінарская*

Падпісана да друку 07.12.2015. Фармат 84х108/32.
Папера афсетная. Друк лічбавы.
Ум. друк. арк. 15,22. Ул.-выд. арк. 14,1.
Наклад 200 асоб. Замова

Выдавецтва ТАА «Ковчег».
Зарэгістравана ў Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў
і распаўсюджвальнікаў друкарскіх выданняў Рэспублікі Беларусь у якасці
выдаўца друкарскіх выданняў за № 1/381 ад 01.07.2014 г.
Пр-т Незалежнасці, 68-19, 220072, г. Мінск.

Надрукавана на лічбавым абсталяванні ТАА «Поликрафт».
ЛП № 02330/466 ад 21.04.2014 г.
Вул. Кнорына, д. 50, корп. 4, п. 401а, 220013, г. Мінск.

Звязацца з рэдакцыяй альманаху «Літаратурны экватар»
можна праз паштовую скрыню
litekvator@yandex.ru